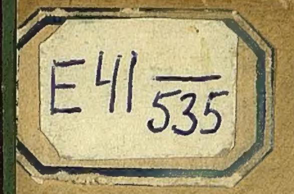

Р. ВИППЕРЪ.

ГИБЕЛЬ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ И ПУБЛИЧНЫХЪ ЛЕКЦІИ
1914—1918 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА.

Р. ВИППЕРЪ.

ГИБЕЛЬ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

Сборникъ статей и публичныхъ лекцiй 1914—1918 г.г.

Издательство

МОСКВА, 1918 г.
Путинковскiй пер., д. 3.

МОСКВА.
Тип. Т-ва Рябушинскихъ, Страстной бул., Путинковскій п., д. № 3.
1918.

ГИБЕЛЬ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ.

(Вмѣсто предисловія).

Предлагаемые вниманію читателя очерки составлялись въ теченіе 4 лѣтъ войны по разнымъ поводамъ. Автору и въ голову не приходило проводить въ нихъ какую-либо общую идею, продолжать въ каждомъ слѣдующемъ мысли, выраженныя въ предыдущемъ. Тѣмъ не менѣе, когда пришлось для изданія перечитать ихъ подрядъ, неожиданно оказалось, что всѣ они проникнуты общимъ настроеніемъ. Это настроеніе слагается изъ жуткаго сознанія катастрофы, разразившейся надъ европейскимъ человѣчествомъ, и смутныхъ надеждъ на возможность его возрожденія; отсюда— вышенаписанный заголовокъ.

Признаюсь, что, подобно громадному большинству моихъ современниковъ, я не представлялъ себѣ, вплоть до лѣта 1914 года, непосредственной угрозы колоссальной войны. Но, страннымъ образомъ, въ приближеніи гибели европейской культуры я не сомнѣвался. Недаромъ большія государственныя громады напрягали въ послѣдней мѣрѣ свои усилія и требованія; соотвѣтственно наша частная жизнь, и безъ того носившая характеръ тяжелой и спѣшной борьбы за существованіе, обратилась въ нестерпимо-дикую погоню за кускомъ хлѣба. Чувствовалась жестокая безсмыслица въ обиходѣ культурнаго общества. Оно производило и вырабатывало богатства, но не успѣвало ничѣмъ воспользоваться. Всѣ помыслы были направлены на то, чтобы вырвать прибыль у сосѣдей и конкурентовъ, и бросить ее тотчасъ же въ водоворотъ, въ кипящій котелъ производства. Культура, какъ совокупность человѣческихъ

усилій, стала сама себя уничтожать. Дошли мы, послѣ великихъ жертвъ, и до демократіи, но не пришлось радоваться прекрасному пріобрѣтенію, потому что добрались до цѣли, будучи при послѣднемъ издыханіи, когда работники стали перегорать въ изнурительномъ состязаніи.

Война была попыткой обойти стороной пути безконечно тяжкаго «мирнаго соперничества», а въ дѣйствительности она лишь усилила его разрушительное дѣло. Мы теперь ясно видимъ, кто началъ войну, кто и для чего изобрѣлъ ее:—тотъ, кто болѣе всего запыхался въ неистовомъ бѣгѣ, кто болѣе всего отчаялся въ возможности отстоять свое мѣсто на свѣтѣ; въ войну повѣрила самая ограниченная изъ всѣхъ націй. Даровитыя старыя, цѣпкія народности вынуждены были обороняться. Мы, народъ многоспособный, но не успѣвшій набраться энергіи, разстроились, потерялись въ хаосѣ.

Всѣ, и нападающіе, и защищающіеся, и мнимо ушедшіе отъ войны, испытали одну судьбу, приняли участіе въ дѣлѣ разрушенія, стали доламывать то, что еще уцѣлѣло во время «мирной борьбы». Проклятіе войны, ея развращающее дѣйствіе въ томъ-то и состоитъ, что отъ нея можно обороняться только войной же. Всѣ формы ухода отъ битвъ, въ видѣ ли непротивленія злу, или въ видѣ обращенія оружія на своихъ ближнихъ въ гражданскомъ междоусобіи, ничто иное, какъ капитуляція подчиняющихся рабовъ. Кто хочетъ остаться свободнымъ, долженъ самъ стать злымъ, безпощаднымъ воителемъ. Тѣ, кто вообразили себя водворителями мира, игрой судьбы брошены въ водоворотъ самоистребленія.

Иногда, по старой привычкѣ во всемъ обвинять власть, мы обрушиваемся съ негодованіемъ на вождей соціальной революціи, а по временамъ смотримъ на нихъ съ надеждой: не прозрѣютъ ли, не начнутъ ли возстанавливать культуру. Да, ожидайте спасенія отъ щепки, случайно показавшейся на гребнѣ волны! Разрушеніе идетъ повсемѣстно, разрушеніе идетъ издавна, и эти вѣстники мрака—ничто иное, какъ статисты, спѣшно набранные историческимъ рокомъ для страшнаго финала.

От культуры, въ которой мы выросли, скоро оста-

нутся лишь обломки. Старая Европа обратилась въ обширное кладбище, мы, пережившіе борьбу, ходимъ въ лохмотьяхъ. Однако мы вѣримъ въ возрожденіе. Откуда придетъ оно? Да вѣдь остались люди, не истреблена еще хорошая порода. Остался опытъ, сбереженный «солью земли». Цѣлая половина человѣчества почти не затронута злыми теченіями современности, именно та, которая была въ небреженіи, которую отодвинула заносчивость и непримиримая прямолинейность представителей другой половины: женщины могутъ еще принести свои свѣжія силы, свою неиспорченную вѣру въ достоинство человѣка.

Въ будущемъ, если культура вообще выживетъ, она приметъ какой-то иной видъ. Разумѣется, нашъ глазъ слишкомъ слабо вооруженъ, чтобы опредѣленно предсказывать; наше предвидѣніе, безъ сомнѣнія, болѣе всего пропитано нашими желаніями. Но, можетъ быть, найдется зерно истины и въ этихъ желаніяхъ нашихъ. Можетъ быть, поколѣнія, которыя начнутъ строить новую жизнь, будутъ мягче, чѣмъ были мы, но въ то же время самобытнѣе. Можетъ быть, они менѣе, чѣмъ мы, будутъ стремиться къ исключительному господству и, напротивъ, лучше, чѣмъ мы, сумѣютъ защищать свою независимость.

СУДЬБА БЕЛЬГІИ.

Героизмъ и трудъ.

Была въ древности знаменитая династія Цезарей. которая построила господство свое на жестокихъ кровопролитіяхъ, опустошительныхъ войнахъ и тяжкихъ народныхъ бѣдствіяхъ. Послѣдніе выродившіеся представители этого дома впали въ своеобразную форму сумасшествія, получившую названіе Цезарева безумія: все было имъ мало крови, мало истребленія и разрушенія, все хотѣлось еще больше крушить и уничтожать. Въ памяти исторіи осталось имя Калигулы, какъ самаго безумнаго изъ одержимыхъ этой болѣзнью. О немъ говорили: «вотъ кому жалко, что у народа римскаго не одна голова; онъ бы отрубилъ ее заразъ».

Мы дожили до новаго Калигулы. Истребительныя средства у него гораздо сильнѣе, чѣмъ были въ древности у римлянъ, и онъ спѣшитъ не только загубить побольше жизней, не слишкомъ различая чужихъ и своихъ, онъ еще хочетъ размозжить голову всему человѣчеству. Его безсмысленные рабы крушатъ великіе памятники искусства, святыни мысли и вѣры, которыя связываютъ насъ съ прежними поколѣніями, которыя стоятъ живыми документами безсмертія генія человѣческаго.

Первой жертвой новѣйшаго сатанинства стала маленькая Бельгія. Ей современный Калигула предложилъ выборъ между рабствомъ и казнью. Онъ не сомнѣвался, каковъ будетъ отвѣтъ: «развѣ посмѣютъ они? И развѣ захотятъ лавочники, механики, угольщики и другіе жалкіе кропатели рисковать своимъ достояньицемъ?» Онъ ошибся. Оказалось,

у этого народа жива одна привязанность, которой нѣтъ болѣе у завоевателей: онъ еще не потерялъ любви къ свободѣ. Тогда грозный императоръ жестоко разгнѣвался и приказалъ разнести Льежъ.

У Вильгельма Гогенцоллерна 450 лѣтъ тому назадъ былъ замѣчательный предшественникъ — Карлъ Бургундскій. Въ учебникахъ его называютъ Карломъ Смѣлымъ, хотя современники собственно прозвали его Безразсуднымъ. Карлъ Бургундскій получилъ Бельгію по наслѣдству и, какъ всѣ его предки, торжественно присягнулъ соблюдать вольности ея городовъ. Онъ не затруднился отмѣнить одну за другой эти вольности, изгналъ всѣхъ, кто смѣлъ сопротивляться ему и приказалъ срыть стѣны крѣпкаго Льежа, чтобы отнять у гражданъ всякую возможность борьбы.

Но эмигранты пробрались въ городъ и началось возстаніе. Карлъ привелъ большое войско наемниковъ и задавилъ маленькую кучку героевъ своими громадными силами. Расправа была самая дикая и безпощадная. Плѣнныхъ, мужчинъ и женщинъ, связывали вмѣстѣ и бросали въ рѣку; кровь текла въ самихъ церквахъ, куда многіе пытались спастись. Карлъ рѣшилъ истребить городъ безъ остатка. Сначала выпустилъ онъ своихъ озвѣрѣвшихъ солдатъ на грабежъ. «Они ржали по добычѣ»—говоритъ разсказчикъ. Солдаты систематически раздѣлили городъ на 4 части. Съ особенной жадностью бросились они на церкви; валили на телѣги драгоцѣнные сосуды, богатыя облаченія, ковры, хоругви, подсвѣчники съ алтаря; выламывали изъ иконъ все, что блестѣло, золото и самоцвѣтные камни; коверкали статуи Богоматери и святыхъ. Въ этой отвратительной картинѣ разсказчикъ отмѣчаетъ одну подробность, особенно поразившую его: солдатъ несъ золотой ковчегъ съ освященнымъ хлѣбомъ; вдругъ онъ видитъ, что сосудъ мѣдный и только позолоченъ; тогда съ презрѣніемъ онъ бросаетъ ковчегъ со св. Причастіемъ изо всѣхъ силъ объ стѣну, и все разсыпается по землѣ.

Давши насытиться солдатамъ, Карлъ приступилъ къ уничтоженію города огнемъ, чтобы разрушить навѣки гнѣздо мятежниковъ. Только церковныя зданія, уже опустошенныя грабителями, должны были остаться. Всѣ дома торговцевъ,

ремесленниковъ, рабочихъ онъ приказалъ сравнять съ землей. Льежъ жгли въ теченіе 7 недѣль. Самое имя города должно было исчезнуть и мѣсто должно было отнынѣ называться Брабантъ.

Совсѣмъ недавно современный намъ бельгійскій историкъ, разсказывая объ этой страшной катастрофѣ 1468 года, замѣтилъ: «Можно сказать, что никогда еще не уничтожали очага культурной жизни такимъ методическимъ способомъ, по всѣмъ правиламъ науки. Карлъ Безразсудный заставилъ поблекнуть славу всѣхъ разрушителей, которые были раньше него». Думалъ ли бельгійскій историкъ, когда писалъ эти строки, что скоро явится еще болѣе дикій истребитель, который систематичностью своей работы и цинизмомъ превзойдетъ Карла Бургундскаго!—Вѣдь Карлъ пощадилъ по какому-то смутному чувству башни, главы и своды церквей. Вильгельмъ Гогенцоллернъ постарался и ихъ снести; чѣмъ дороже людямъ эти чудесные святые памятники, тѣмъ страшнѣе будетъ ихъ горе, тѣмъ больше торжества Цезареву безумію!

Современникъ Карла Бургундскаго разсказываетъ еще одну сцену, которая послѣдовала за разрушеніемъ Льежа. Карлъ явился въ Брюссель и вызвалъ къ себѣ представителей бельгійскихъ городовъ. «Онъ сидѣлъ на тронѣ— разсказываетъ лѣтописецъ XV вѣка, а рядомъ стоялъ дюжій конюхъ и держалъ обнаженную саблю. Граждане Гента должны были подползти къ подножію трона на колѣнкахъ; онъ взялъ ихъ хартіи и грамоты вольностей и разорвалъ на ихъ глазахъ въ клочки. Осталось это зрѣлище въ памяти навѣки и, надо сказать, никогда не было на свѣтѣ ничего подобнаго».

На этотъ разъ ошибся и старинный историкъ! Что мы теперь скажемъ, когда германскій императоръ разорвалъ всѣ договоры, обезпечивающіе Бельгіи неприкосновенность! Между прочимъ, среди этихъ договоровъ есть одинъ настолько любопытный, что стоитъ привести его отрывокъ. Дѣло въ томъ, что не только всѣ европейскія державы обязались соблюдать нейтралитетъ Бельгіи при объявленіи ея независимости, но еще въ одинъ критическій моментъ, именно при началѣ франко-прусской войны въ 1870 году,

Англія приняла особенныя мѣры, чтобы дополнить и укрѣпить старые договоры. Англія сдѣлала это потому, что она боялась, какъ бы противники, Наполеонъ III и Вильгельмъ Прусскій, не стали сводить счеты именно на почвѣ Бельгіи, имѣющей несчастіе лежать посрединѣ между двумя воюющими силами. Поэтому Англія заключила съ тѣмъ и другимъ отдѣльно условіе не трогать Бельгіи, и вотъ, что торжественно обѣщалъ старый Вильгельмъ: «Его Величество король Прусскій, не взирая на войну съ Франціей, твердо рѣшилъ соблюдать нейтралитетъ Бельгіи, пока его будетъ соблюдать и Франція»... Слушайте дальше: «Его Величество король Прусскій обѣщаетъ со своей стороны (въ случаѣ нарушенія нейтралитета Франціей) дѣйствовать вмѣстѣ съ Англіей на защиту Бельгіи, примѣняя для этой цѣли свои сухопутныя и морскія силы; какъ въ отдѣльности, такъ и сообща съ Англіей, Его Величество обѣщаетъ принять всѣ мѣры къ обезпеченію нейтралитета и независимости Бельгіи».

Вотъ какое честное слово было на совѣсти берлинскаго Атиллы, когда его канцлеръ, въ бесѣдѣ съ англійскимъ посланникомъ, рѣшился сказать: «изъ-за этого клочка бумаги вы будете съ нами воевать?»

Вы спросите: за что Бельгія пользовалась нейтралитетомъ?—Въ политикѣ, какъ извѣстно, диктуетъ не великодушіе, а расчетъ, совпаденіе интересовъ. Но надо также сказать, что этотъ энергичный народъ заслужилъ независимость, которую обѣщали признавать сильные его сосѣди.

Нѣтъ страны, которая была бы болѣе работяща и менѣе обезпечена отъ чужой жадности. Такъ было съ самаго начала западно-европейской исторіи. Если вы спросите, гдѣ начался тотъ фабричный трудъ, который мы такъ охотно клянемъ и безъ помощи котораго намъ пришлось бы освѣщать дома лучиной и ходить въ дерюгахъ, то историкъ вамъ, безъ колебанія, укажетъ на Бельгію. Вотъ гдѣ неутомимыя, искусныя руки впервые сдѣлали изъ суровой, шершавой шерсти наше сукно, наши красивыя, прочныя матеріи. Лучшій драпъ вырабатывали фламандцы, т.-е. жители Фландріи или западной Бельгіи, по ту сторону вели-

колѣпной рѣки Шельды. Мастерство фламандскихъ суконодѣловъ долго оставалось непревзойденнымъ.

Хотите ли знать, какъ тому 700 лѣтъ рекламировали суконныя матеріи въ Европѣ? Для этой цѣли ученый монахъ написалъ стихотвореніе подъ заглавіемъ: «О томъ, какъ овца поспорила со льномъ». Забралась овца въ созрѣвшій ленъ и потоптала его. Тогда ленъ обидѣлся и сталъ выхвалять свои достоинства. Овца не осталась въ долгу. «Изъ моего молока — говоритъ овца — фламандцы дѣлаютъ масло и сыръ; изъ жилъ моихъ изготовлены струны гусель, на которыхъ царь Давидъ воспѣвалъ славу Божію. Но самое важное произведеніе, которымъ обязанъ мнѣ свѣтъ, это—сукно, приготовляемое изъ моей шерсти. Есть два сорта сукна—говоритъ овца, т.-е. авторъ рекламы:— гладкое и мохнатое, а по краскѣ различаются сукна натуральнаго цвѣта и искусственно выкрашенныя. Самое лучшее крашеное сукно, и мохнатое, и гладкое, настоящее господское платье, работаетъ Фландрія; цвѣта его небесно-голубой, темно-синій и зеленый. Потомъ авторъ называетъ другіе сорта, похуже фламандскихъ. Всего ярче цвѣта французскихъ суконъ, они переливаютъ во всѣ оттѣнки, сообразно непостоянному характеру этого народа; но даже шелку искусные китайцы не умѣютъ придать столько тоновъ, сколько шерсти придаютъ французы. Англичане, тѣ больше всего любятъ красные цвѣта, малиновый, алый и огненный, и т. д. и т. д.

Придворные всѣхъ европейскихъ странъ, рыцари, богатые купцы, модники допускали въ своей одеждѣ только фламандское сукно; оно проникало даже на арабскій и турецкій востокъ. Посмотрите когда-нибудь костюмы на картинахъ итальянскихъ или нидерландскихъ художниковъ XV вѣка и обратите особенное вниманіе на одежду мужчинъ: они гораздо ярче и пестрѣе нашего современнаго чернаго и сѣраго однообразія; кафтаны и камзолы такъ пластичны, такъ ловко и мягко облегаютъ тѣло, образуютъ такія красивыя складки. Можетъ быть, вы согласитесь со мной, что мужская одежда была тогда гораздо художественнѣе и не уступала въ изяществѣ женской. Чья это была работа? Безъ сомнѣнія, фламандскихъ мастеровъ, которыхъ хо-

чется называть ихъ средневѣковымъ именемъ artisans, т.-е. искусниками.

Объ этихъ мастерахъ старинной Бельгiи стоитъ сказать еще нѣсколько словъ. Фламандскiе ткачи, валяльщики и красильщики были первой въ Европѣ рабочей группой, которая сознала достоинство своего труда и сумѣла отстоять независимость своего положенiя. Когда на богатые фламандскiе города, Брюгге, Гентъ, Ипернъ, позарился французскiй король и двинулъ туда блестящую конницу своихъ рыцарей, выступилъ совершенно безвѣстный ткачъ Конинкъ, малорослый, кривоглазый, тщедушный человѣкъ, и сумѣлъ своей простой рѣчью зажечь толпу. Собралось неслыханное въ то время ополченiе: каждый городъ выслалъ своихъ мастеровъ и рабочихъ въ характерныхъ цвѣтныхъ костюмахъ, синихъ, красныхъ, желтыхъ и бѣлыхъ. Простой народъ одолѣлъ прирожденныхъ воителей: въ соборѣ города Куртрэ ткачи повѣсили нѣсколько тысячъ позолоченныхъ шпоръ, снятыхъ съ побѣжденныхъ рыцарей.

Объ этомъ «днѣ шпоръ» вы прочтете въ руководствахъ, но по всей вѣроятности, вы не найдете тамъ свѣдѣнiй о другой лучшей и болѣе великой побѣдѣ простолюдиновъ. Когда ткачи, красильщики и другiе мастера вступили въ городской совѣтъ, стали управлять и судить, они вычеркнули изъ уголовнаго закона смертную казнь и запретили еще одно тяжкое наказанье—изгнанiе изъ отечества. Проникнутые гуманностью, они подумали также объ эмансипацiи трудового люда; въ первый разъ они провели въ своихъ городскихъ правилахъ принципъ: рабочiй—не рабъ, онъ свободенъ отъ барщинъ.

Поставщики на всю Европу, законодатели модъ въ христiанскомъ мiрѣ, фламандскiе суконодѣлы не замыкались въ своихъ темноватыхъ низкосводныхъ мастерскихъ. Они сумѣли украсить тѣсную городскую жизнь. Тутъ, въ западной Бельгiи впервые были выстроены монументальныя и изящныя городскiя ратуши съ открытыми галлереями внизу, съ гордо поднимающейся къ небу башней по срединѣ. Передъ думой на аккуратной четырехугольной плошади, гдѣ идетъ торгъ и кипитъ человѣческiй муравейникъ,

непремѣнно есть фонтанъ въ видѣ красивой бронзовой или каменной группы.

На своихъ площадяхъ бельгійскіе горожане издавна умѣли устраивать веселые шумные пестрые праздики: то музыкальный или драматическій конкурсъ подъ открытымъ небомъ, то народное шествіе и танцы съ иллюминаціей, то какой-то феерическій спектакль игрушекъ и фокусовъ въ родѣ того, что было представлено на одной придворной свадьбѣ въ XV вѣкѣ. Если вѣрить описанію, изъ Брюсселя въ Брюгге по водѣ привезли большой потѣшный деревянный дворецъ, надъ сооруженіемъ котораго, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, работали сотни мастеровъ и художниковъ изъ всѣхъ бельгійскихъ областей. Тутъ высилась башня въ 40 футъ, а на ней уставлены были большія фигуры обезьянъ, волковъ и кабановъ, которыя рычали, ревѣли и голосили на всѣ лады, вертѣлись и плясали: по залѣ двигался огромный китъ въ 60 футъ длины, слоны прогуливались среди высокихъ искусственныхъ пальмъ, стоявшихъ въ позолоченныхъ кадкахъ, билъ фонтанъ, выложенный изъ кристалла, и пеликанъ выбрасывалъ струю изъ клюва.

Это описаніе рисуетъ хорошо характеръ тогдашнихъ бельгійцевъ: видна способность къ веселью, почти дѣтскому, видно мастерство, изящество, механическая изобрѣтательность во всемъ, включая игрушки и праздничныя забавы.

Въ героическихъ бояхъ города Бельгіи отстояли свою независимость; каждый добылъ себѣ свою хартію, свои права и вольности. На маленькой территоріи Бельгіи утвердились народцы, очень непохожіе другъ на друга и по языку, и по характеру, занятіямъ и наклонностямъ. Трудно найти большую противоположность, чѣмъ та, которую представляютъ широкостные, тяжеловатые, флегматичные, бѣлокурые фламандцы Гента, Иперна, Брюгге и Антверпена, говорящіе на германскомъ нарѣчіи и—съ другой стороны—кипучіе, смуглые, черноволосые валлоны Льежа и Намюра, люди французской рѣчи; а вѣдь они сидятъ рядомъ на территоріи не больше Московской губерніи.

Между независимыми городами Бельгіи бывало не мало треній, и все-таки они привыкли обмѣниваться товарами,

сообщать другъ другу новости своего ремесла и искусства. Когда всѣ бельгійскія области вмѣстѣ съ Голландіей соединилъ въ своихъ рукахъ бургундскій домъ, онъ былъ вынужденъ слить всѣ отдѣльныя вольности въ одну нидерландскую конституцію: это значило, что страна получила общій парламентъ, и государь обязался не вводить налоговъ безъ согласія народныхъ представителей, замѣщать всѣ должности мѣстными людьми и не держать въ странѣ чужого войска. Уже тогда, 400 лѣтъ назадъ, Бельгія имѣла то, чѣмъ она такъ гордится теперь, лучшую конституцію въ всей Европѣ.

Новая эпоха наступила для Бельгіи, когда европейцы открыли Америку и проникли на Дальній Востокъ, въ Индію. Бельгія стала теперь центромъ всемірной торговли. Фламандецъ по рожденію, правнукъ разрушителя Льежа, Карла Бургундскаго, Карлъ Габсбургъ, пріобрѣлъ двѣ короны: императорскую въ Германіи и королевскую въ Испаніи, а вмѣстѣ съ послѣдней, обширныя сказочныя владѣнія въ Новомъ Свѣтѣ. Въ провинціяхъ его державы, опоясывавшихъ весь земной шаръ, «никогда не заходило солнце». Изъ всѣхъ подданныхъ Карла V самыми богатыми, искусными и предпріимчивыми были его сородичи, бельгійцы. Бельгія была сердцемъ его имперіи, а въ ней первое мѣсто принадлежало Антверпену.

Положеніе этого города—послѣдняго оплота нынѣшней Бельгіи [1])—изумительно. Онъ лежитъ на Шельдѣ, многоводной главной артеріи Бельгіи, близъ ея устья, гдѣ она соединяется съ рукавами Мааса и Рейна, а эти рѣки открываютъ сообщеніе далеко въ глубь материка. Антверпенъ близокъ къ проливу, отдѣляющему материкъ отъ Англіи. Здѣсь же выходъ въ открытое море, въ океанъ; въ антверпенскій портъ устремились суда, привозившія изъ Индіи пряности. Португальскіе моряки, добывавшіе перецъ, гвоздику, корицу, мускатъ, которые такъ дорого цѣнились 400 лѣтъ назадъ, были только воителями и шкиперами; они не умѣли продавать свой товаръ; за это уже брались антверпенскіе торговцы.

---

[1]) Сказано 26 сентября 1914 года.

Антверпенскіе негоціанты были новымъ типомъ торговыхъ людей въ Европѣ. Прежніе купцы «гостили», ѣздили со своимъ товаромъ, имѣли его весь при себѣ. Владѣтели новыхъ фирмъ, денежные люди Антверпена, сидѣли въ своихъ конторахъ, каждый день посылали своихъ агентовъ на биржу, пробѣгали биржевые бюллетени съ показаніемъ цѣнъ, гадали о повышеніи или пониженіи, спекулировали, выдавали и учитывали векселя. Въ Антверпенѣ не было торга старыхъ ярмарокъ: товаровъ не выкладывали кучей; можно было только посмотрѣть ихъ образчики. Но зато коммерсанты заключали тутъ огромныя сдѣлки, бѣгали маклера, приторговывались уполномоченные дальнихъ англійскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ фирмъ. Въ Антверпенѣ скоплялось много денегъ: здѣсь обмѣнивались монеты всѣхъ европейскихъ странъ; сюда являлись дипломаты, чтобы устраивать большіе государственные займы. Наконецъ, была въ Антверпенѣ и широкая денежная игра, напр., держали пари на рискъ товаровъ, порученныхъ невѣрной морской стихіи.

Для всѣхъ разнообразныхъ сдѣлокъ, для облегченія переговоровъ между коммерсантами, городская дума Антверпена выстроила великолѣпное зданіе биржи, близъ гавани. И слово это Bourse или Beurs, и само учрежденіе впервые возникли въ Бельгіи. Антверпенцы хорошо поняли, какъ необходимо для постановки всемірнаго дѣла широкое гостепріимство. Ихъ девизомъ было: никакихъ стѣсненій для иностранцевъ, никакихъ придирокъ къ нимъ! Недаромъ на биржѣ красовалась надпись: «на пользу купцовъ всѣхъ націй и языковъ».

Международная биржа Антверпена, который можно назвать Лондономъ или Нью-Іоркомъ XVI вѣка, производила особенное впечатлѣніе на посѣтителей тогдашней всеевропейской столицы. Старинный поэтъ Даніэль Рожье говоритъ: «здѣсь слышался смутный говоръ всѣхъ нарѣчій, видна была пестрая смѣсь всевозможныхъ костюмовъ, словомъ, антверпенская биржа казалась малымъ міромъ, въ которомъ соединялись всѣ части большого».

Богатство Бельгіи, успѣхи ея промышленнаго генія, были обыкновенно ея несчастіемъ. Кругомъ болѣе сильные

сосѣди зарились на ея капиталы и старались присвоить себѣ неисчерпаемые, казалось, источники ея доходовъ. А на бѣду страны она принадлежала всегда, до XIX вѣка, чужимъ государямъ, которые жили далеко отъ своей богатѣйшей провинціи. И вотъ вышло такъ, что самъ обладатель бельгійскихъ областей, Филиппъ II Испанскій, въ борьбѣ съ соперниками, зарѣзалъ курицу, которая несла ему золотыя яйца. Филиппъ II не умѣлъ беречь вольности энергичной, трудолюбивой нидерландской расы. Инквизиціей, казнями онъ довелъ страну до возстанія. А для его подавленія король прислалъ самаго вѣрнаго и самаго жестокаго изъ слугъ своихъ, герцога Альбу. Для содержанія своего войска неумолимый и узколобый Альба ввелъ въ промышленной странѣ варварскіе налоги, отнимавшіе у населенія не только всѣ прибыли, но и самый капиталъ. Это былъ тотъ самый способъ обогащенія, который намъ продемонстрировалъ Вильгельмъ II: что можетъ быть проще взиманія контрибуцій!

Вдобавокъ, королевскіе солдаты, не получая жалованья, бросились въ ярости на мирныхъ жителей и произвели въ Антверпенѣ въ 1576 г. страшную «испанскую фурію». Въ безсмысленномъ бѣшенствѣ здѣсь были перебиты люди, испорчены товары. Мѣстные купцы разорились въ конецъ, иностранные въ ужасѣ разбѣжались, большіе запасы бархата, сукна, золотыхъ и серебряныхъ вещей были брошены безъ надежды на продажу. Биржа опустѣла, на площади передъ нею выросла трава. Множество мелкаго люда, приказчики, извозчики, писцы, носильщики, всѣ кто былъ занятъ около большого коммерческаго дѣла въ Антверпенѣ, отъ безработицы умирали съ голоду.

Всѣ нидерландскія области и Бельгія, и Голландія отпали отъ испанскаго деспота. Онъ спохватился, послалъ искусныхъ и болѣе гуманныхъ управителей, и тѣ съумѣли спасти для его короны южныя, т.-е. какъ разъ бельгійскія, области. Но возстановить прежній блескъ ихъ городовъ уже не удалось. Антверпенскія ярмарки погибли навсегда. Бывшіе товарищи бельгійцевъ по возстанію, голландцы, отняли у испанскаго короля острова Пряностей и стали возить къ себѣ перецъ и корицу. Амстердамъ заступилъ

мѣсто Антверпена. Но этого мало. Голландцы завладѣли устьемъ Шельды и заперли единственный выходъ Бельгіи къ морю. Страна была отрѣзана отъ океана, отъ путей всемірной торговли. Два вѣка держали эту дверь на запорѣ новые стражи, занявшіе мѣсто старыхъ предпринимателей.

Злоключенія Бельгіи на этомъ не кончились. Страна лежитъ на перекресткѣ главныхъ европейскихъ дорогъ: одной, идущей отъ Балтійскаго моря черезъ Германію во Францію, и другой, направляющейся отъ Англіи черезъ каналъ къ альпійскимъ странамъ и въ придунайскія земли. Поэтому чуть ли не всѣ крупныя европейскія войны съ 1600 года неизмѣнно имѣли своимъ театромъ Бельгію. На ея поляхъ происходили кровопролитныя сраженія между голландцами и испанцами, испанцами и французами, англичанами и французами, французами и австрійцами. Въ XIX вѣкѣ выступило послѣднее по рожденію и самое злое военное чудище—Пруссія. Оно торжествовало свою побѣду надъ Наполеономъ I опять-таки въ Бельгіи: это была битва при Ватерлоо, близъ Брюсселя.

Можно сказать, что Бельгія не только терпѣла постои и грабежи солдатъ. Нѣтъ, ея трудолюбивому населенію пришлецъ ставилъ обыкновенно такой же ультиматумъ, какъ Вильгельмъ II въ наше время. И какъ теперь, бельгійцы брались за ружье, а завоеватель, раздосадованный тѣмъ, что его не пускаютъ пройти по мосту, который онъ давно себѣ высмотрѣлъ, вымещалъ злобу на странѣ, имѣвшей дерзость оказаться у него на дорогѣ. Тотъ же многострадальный Льежъ брали и разрушали 10 разъ въ теченіе двухъ столѣтій.

Впервые облегченье странѣ принесла великая французская революція. Войска первой республики уничтожили голландскій заслонъ въ устьѣ Шельды и высвободили великую рѣку—королеву Бельгіи. Наполеонъ I поднялъ Антверпенъ отъ его запустѣнія, сталъ строить набережныя и рыть доки. Франція дала Бельгіи еще гораздо больше—свою просвѣтительную литературу, возвѣстившую благородныя идеи свободы, равенства и братства.

Ясно, куда должны направляться симпатіи Бельгіи. Одинъ изъ горячихъ бельгійскихъ ораторовъ, Адельсонъ

Кастіо, выразилъ идеальное сліяніе съ Франціей въ такихъ словахъ: «Слышишь ли ты, освобожденный и возрожденный народъ Бельгіи, призывъ къ великому перевороту, который готовится въ мірѣ? Иди, становись на работу и покажи, кто ты таковъ, на что ты способенъ. Франція, пламенная, глубоко взволнованная, протягиваетъ тебѣ руку. Сомкнись съ ней въ тѣсномъ братствѣ, соединись съ этимъ народомъ, сдѣлай славу его твоей. Пройди съ нимъ по всему лицу Европы съ знаменемъ равенства, и пусть вамъ изумляются 40 вѣковъ съ высоты пирамидъ. Радуйся тому, что среди торжества твоего ты залѣчишь всѣ раны и оставишь всюду, какъ слѣдъ своего шествія, плодоносный посѣвъ народнаго освобожденія».

Въ моментъ, когда писались эти слова, Бельгія, при дружественномъ содѣйствіи англичанъ и французовъ, получила независимость. Народъ пересталъ быть провинціей чужого государя и могъ, наконецъ, самъ устроить свою судьбу. Недаромъ бельгійская конституція 1831 года славится, какъ лучшая въ Европѣ; всѣ на нее ссылаются, какъ на образецъ. Политическое строительство—большое и трудное искусство. Надо отдать справедливость благороднымъ составителямъ бельгійской конституціи: нельзя было разумнѣе устроить равновѣсіе органовъ власти, нельзя было лучше обезпечить контроль народа надъ управленіемъ, нельзя было вѣрнѣе оцѣнить великій даръ свободы слова и мысли.

Что больше всего поражаетъ и въ историческомъ прошломъ, и въ современной жизни Бельгіи? Удивительная цѣпкость этого народа, умѣнье его находить новые и новые источники существованія, приспособляться ко всѣмъ тяжелымъ катастрофамъ, которыя рушились на страну, и выбиваться изъ-подъ ихъ давленія!

Въ годы вынужденнаго затишья, когда Бельгія была отрѣзана отъ большого міра морской торговли, въ жизни европейцевъ властно заявили себя новыя производства, которыя стали вытѣснять старинный ручной трудъ. Бельгійцы энергично принялись за выработку мануфактуръ, полотенъ, бумаги, стекла, металлическихъ вещей и особенно машинъ, машинъ безъ конца. Но теперь всюду были кон-

куренты не такъ, какъ въ старыя времена первенства бельгійскихъ суконодѣловъ. Къ тому же новое производство, съ его громадными двигателями, требовало колоссальнаго количества топлива. Тутъ счастье Бельгіи открылось подъ землей Когда для фабрики понадобился каменный уголь, Бельгія оказалась впереди всѣхъ. Нигдѣ на свѣтѣ не добывается и нигдѣ не примѣняется такого запаса каменнаго угля, какъ въ Бельгіи. Достаточно сказать, что Франція, страна съ очень развитой индустріей, должна была бы жечь угля въ 11 разъ больше, если бы она хотѣла сравняться съ Бельгіей по настойчивости фабричнаго труда и обилію желѣзныхъ дорогъ.

Если во времена знаменитыхъ цвѣтныхъ драповыхъ матерій всего больше на виду была западная часть Бельгіи, страна бѣлокурыхъ фламандцевъ, то теперь, въ фабричный вѣкъ, самая кипучая работа передвинулась въ восточныя области, въ страну черноволосыхъ валлоновъ. Около Монса, Шарлеруа, Льежа цѣлые округа прокопчены чернымъ дымомъ, земля какъ бы лишена своей одежды, своего лика. Всюду горы, пирамиды и гребни блестящей черной массы, этого хлѣба новѣйшей индустріи, которымъ только и жива она.

Добываніе подземнаго угля, можетъ быть, одна изъ труднѣйшихъ и опаснѣйшихъ работъ современнаго человѣчества. А въ Бельгіи она особенно трудна. Полосы и жилы каменнаго угля лежатъ здѣсь глубже, чѣмъ гдѣ-либо на свѣтѣ и, за истощеніемъ верхнихъ слоевъ, человѣкъ долженъ забираться все дальше внизъ. Если около Льежа еще есть залежи угля на 300 метровъ, т.-е. на $^1/_4$ версты глубины, то можно быть очень довольнымъ. А вотъ въ Монсѣ надо спускаться на 1000 метровъ. Недавно сооруженныя шахты въ округѣ Кампина доходятъ даже до 1500 метровъ въ глубину; а вѣдь это значитъ вырыты пропасти, до дна которыхъ полторы версты разстоянія отъ поверхности.

Еще одно невыгодное обстоятельство. Въ Бельгіи очень много подпочвенной воды, потоки которой заливаютъ шахты и разстраиваютъ въ конецъ громадную сложную работу проведенія подземныхъ камеръ и коридоровъ. Сколько по-

гибло предпріятій такимъ образомъ, и никакихъ средствъ нельзя было придумать противъ капризной, невѣдомо кѣмъ движимой стихіи. Но бельгійцы неистощимы въ техническихъ изобрѣтеніяхъ. Они рѣшили примѣнить систему замораживанія къ разрушительнымъ водамъ. Въ подземный потокъ или озеро пропускаютъ вертикально длиннѣйшія трубы, словно продырявливаютъ жидкую стихію. Захваченную въ эти колоссальныя бутыли воду превращаютъ въ ледъ; тогда можно буравить землю, не опасаясь болѣе подземнаго потопа. Вся работа до чрезвычайности медленная и трудная. Цѣлые мѣсяцы нужны для операціи замораживанія; въ это время за день удается продвинуть буравъ всего на 17 сантиметровъ.

Это настоящая выдумка бельгійскаго генія, фантазера и композитора въ механикѣ! Онъ уже давно таковъ. Когда одного профессора механики въ Льежѣ спросили, кого онъ считаетъ духовнымъ родоначальникомъ ученыхъ изобрѣтателей въ Бельгіи, онъ вспомнилъ своеобразную фигуру Симона Стевена (Stévin), уроженца Брюгге, жившаго въ XVI вѣкѣ. Стевенъ, — говорилъ онъ, — у насъ то же, что Галилей въ Италіи. Къ сожалѣнію, великому механику пришлось въ тѣ варварскія времена служить артиллеристомъ у одного нѣмецкаго князя и заряжать пушки. Одна изъ его мимолетныхъ выдумокъ состояла въ томъ, что онъ соорудилъ большой колесный экипажъ на 28 человѣкъ и снабдилъ его парусами. Эта колесница, къ изумленію современниковъ, подхваченная вѣтромъ, пролетѣла, какъ вихрь, нѣсколько верстъ по большой дорогѣ. Льежскій профессоръ называетъ экипажъ Стевена до-историческимъ автомобилемъ. Но намъ приходитъ въ голову, что онъ также предшественникъ новѣйшей аэронавтики: вѣдь она долго билась надъ задачей устроить раскатъ по землѣ колесницы, которой предстоитъ взлетѣть на воздухъ.

Да, практическая механика—какъ бы національное искусство въ Бельгіи. Здѣсь надо научиться изъ всего извлекать пользу, на всемъ беречь, на всемъ экономить, даже на пыли, въ буквальномъ смыслѣ на пыли. Въ самомъ дѣлѣ, въ Бельгіи не даютъ пропадать мельчайшимъ частицамъ каменнаго угля, которыя облаками поднимаются надъ гру-

дами крѣпкаго матеріала. Эту черную пыль собираютъ, промываютъ, наконецъ, прессуютъ въ видѣ кусковъ, и вотъ въ употребленіи появляются каменныя яйца, кубики и кирпичи.

Бельгія—настоящій муравейникъ, въ которомъ вѣчная лихорадка добычи каменнаго угля. Но вѣдь у нея и нѣтъ ничего другого для индустріи, кромѣ угля: нѣтъ ни желѣза, ни шерсти, ни хлопка, ни даже дерева, чтобы выстилать подземныя галлереи; лѣсъ приходится выписывать изъ далекой Норвегіи. Этотъ постоянный голодъ сырья и затѣмъ важность непрерывнаго подвоза объясняетъ другой рядъ чудесъ техники, который мы встрѣчаемъ въ современной Бельгіи: именно, безконечное множество желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и канализованныхъ рѣкъ. Всякаго рода паровозныхъ, пароходныхъ и электромоторныхъ линій въ Бельгіи столько, сколько въ другой странѣ обыкновенныхъ дорогъ; хочется сказать, что ихъ столько, сколько улицъ въ городахъ.

Бельгійцы хлопочутъ подвести вѣтку ко всякому поселку, какъ бы онъ ни былъ малъ. Ускорить сообщеніе, сократить уголъ, не терять на промежуточныхъ станціяхъ,—такова постоянная и непрерывная забота, но, при необычайномъ обиліи рельсовыхъ путей, очень трудная и вотъ—примѣръ. Между главнымъ портомъ Антверпеномъ и столицей Брюсселемъ ходитъ по двумъ линіямъ 200 поѣздовъ въ день. Самые скорые изъ нихъ проходятъ это разстояніе въ 40 минутъ. Желѣзнодорожное управленіе линіи Антверпенъ—Брюссель сидитъ и думаетъ: «нельзя ли сократить проѣздъ еще на 4 минуты?». А какъ этого добиться? Придется поднять на нѣсколько футъ огромную станцію въ Малинѣ и провести новую третью линію дороги. Вотъ чего стоитъ это маленькое сокращеніе времени!

У бельгійца еще одна неотступная забота: всюду имѣть прямое сообщеніе съ моремъ. Въ этой острой, непрерывно гвоздящей мысли какъ будто сказывается долго сдавленная тоска по океану, отъ котораго страна два вѣка была отрѣзана. Въ лихорадочной постройкѣ все новыхъ и новыхъ портовъ еще чувствуется тотъ порывъ, который привелъ къ освобожденію Бельгіи.

Тутъ одно предпріятіе изумительнѣе другого. Антверпенскій новый портъ—торжество техники, но все-таки здѣсь не было войны съ природой. Великолѣпная рѣка, широкая, многоводная, позволяетъ подходить самымъ глубоко сидящимъ океаническимъ пароходамъ, а отъ Антверпена до открытаго моря болѣе 80 верстъ. Бельгійцы работаютъ тутъ надъ расширеніемъ порта: надо пересѣчь колѣно рѣки большимъ каналомъ, воздвигнуть новый морской шлюзъ, вырыть новые колоссальные доки и т.о. увеличить протяженіе набережныхъ и вмѣстимость бассейновъ, гдѣ могутъ стоять большія морскія суда. Когда работы будутъ кончены, Антверпенъ станетъ первымъ портомъ міра. До сихъ поръ впереди всѣхъ былъ Нью-Іоркъ, потомъ Ливерпуль, Лондонъ, Гамбургъ. У Антверпена гавань будетъ вмѣстимостью бассейновъ въ два слишкомъ раза больше Нью-Іорка, въ три раза больше Лондона и впятеро больше Гамбурга.

Подобныя сооруженія ослѣпляютъ своею колосальностью, но по части оригинальности въ Бельгіи есть другія, которыя превзойдутъ Антверпенскую портовую громаду. Что сказать о превращеніи въ морскую гавань Брюсселя, который отстоитъ отъ моря болѣе, чѣмъ на 150 километровъ?

Еще поразительнѣе возобновленіе порта въ давно умершемъ Брюгге. Это—настоящая сказка о пробужденіи царевны, спавшей мертвымъ сномъ вѣковъ. Брюгге стоялъ въ старину въ глубокой морской бухтѣ Звина и былъ въ XIV вѣкѣ самимъ цвѣтущимъ городомъ христіанскаго міра. Въ немъ встрѣчались купцы Гамбурга, Кёльна, Лондона, Генуи и Венеціи. Въ Брюгге были 52 гильдіи ремесленниковъ; когда рабочіе выходили на улицу, бургомистръ давалъ знакъ звонить въ большой колоколъ, чтобы матери увели дѣтей домой отъ толкотни. Французская королева, посѣтившая Брюгге, была такъ поражена блескомъ городской жизни, что у нея невольно вырвалось восклицаніе: «до вѣдь здѣсь 1000 королевъ, такихъ же красивыхъ и нарядныхъ, какъ я!».

Однажды морской корабль легъ на бокъ при въѣздѣ въ гавань Брюгге, и тутъ замѣтили, что бухта засоряется: Никакихъ средствъ не было остановить страшный мертвящій процессъ. Международное купечество покинуло осужденный на гибель городъ, трудолюбивые мастера перевелись

въ немъ, склады, лавки и мастерскія закрылись. Брюгге, городъ 320 мостовъ, нѣчто въ родѣ сѣверной Венеціи, дожилъ до нашихъ дней, точно какая-то тѣнь былыхъ временъ. Это былъ тихій музей причудливыхъ средневѣковыхъ фасадовъ, остроконечныхъ колоколенъ безъ всякой жизни, гдѣ молчаніе прерывалось только мелодической игрой башенныхъ часовъ.

И вотъ онъ теперь оживаетъ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова: прорытъ морской каналъ, вычерпаны колоссальными машинами убійственные пески, заколдованный мертвый Брюгге сталъ опять Зее-Брюгге, океаническимъ городомъ. Къ его оцѣпенѣлымъ набережнымъ опять подвели живительную стихію волнъ морскихъ; опять заговорилъ ропотъ людской на недавнемъ художественномъ кладбищѣ вѣковъ. Тутъ человѣкъ одолѣлъ злыя силы природы и точно повернулъ самъ кругъ временъ!

Но въ Бельгіи остались также во всей неприкосновенности замкнутые, застывшіе уголки прошлаго. Вотъ Лувенъ, разрушенный германцами, со своимъ стариннымъ славнымъ университетомъ, сейчасъ оплотъ католической строго правовѣрной учености. По мрачноватымъ узенькимъ уличкамъ неслышно, въ родѣ тѣней, спѣшатъ, всегда парами, бегинки, черныя монахини въ бѣлыхъ покрывалахъ. Подъ низками, холодными сводами университетскихъ зданій мѣрно шагаютъ ученые въ рясахъ, окруженные группами внимающихъ имъ молодыхъ богослововъ. Тутъ, вмѣсто экзамена, кандидатъ долженъ выдержать диспутъ, а на диспутѣ, съ горячностью начетчиковъ, препираются о догматахъ, сыплютъ отвлеченными аргументами, совсѣмъ какъ ретивые воители слова въ средніе вѣка.

Вотъ Малинъ, или Мехельнъ, со своей недостроенной громадной колокольней каѳедральнаго собора Saint-Rombaut, съ высоты которой каждые $^1/_4$ часа перезваниваетъ знаменитый carillon, и гдѣ разыгрывалъ концертъ на колоколахъ лучшій виртуозъ этого дѣла Jef Denyn; боюсь, что онъ погибъ въ наши жестокіе дни. Carillon, это—старинный, сложный аккордъ колоколовъ. Вѣдь въ средніе вѣка колоколъ отзывался на всѣ случаи жизни и давалъ знакъ ко всѣмъ занятіямъ дня. Для всякаго дѣла былъ свой оттѣнокъ, своя

мелодія; колоколъ звонилъ то къ началу работъ въ мастерскихъ, то къ концу ихъ, то при наступленіи ночи къ тушенію огней, то къ утренѣ, то къ вечернѣ, то созывалъ народъ на вѣче, то набатомъ возвѣщалъ пожаръ или призывалъ къ оружію, то, наконецъ, отмѣчалъ праздники, свадьбы и похороны. Нынѣшній виртуозъ на колоколахъ работаетъ руками и ногами, бѣгаетъ, припрыгиваетъ и ударяетъ по большой клавіатурѣ съ педалями. Эта своебразная фисгармонія сравнительно новость; она составляетъ изобрѣтеніе одного органиста въ Гентѣ въ 1543 г. Раньше того бельгійское машинное творчество забавляло публику механическимъ боемъ, который призводили на вышкѣ бронзовые молодцы, стукавшіе молотками по колоколамъ; кое-гдѣ еще стоятъ эти бронзовые звонари.

Что еще сказать объ этомъ неутомимомъ народѣ, который сберегъ такъ много красивой старины, который такъ привязанъ къ своему прошлому и въ то же время кипитъ всѣмъ существомъ своимъ въ техническомъ строительствѣ нашего вѣка? У бельгійцевъ громадная колонія въ центральной Африкѣ; бельгійское Конго, съ его тропическими лѣсами—чуть не главный поставщикъ каучука и слоновой кости во всемъ мірѣ. Колонія въ 75 разъ больше метрополіи; маленькая Бельгія умѣетъ управлять ею безъ войска, безъ тѣхъ жестокихъ экзекуціи, которыми запятнала себя Германія въ сосѣднихъ африканскихъ владѣніяхъ.

Сосѣди въ Европѣ, сосѣди въ Африкѣ, они теперь столкнулись, народъ 70 милліоновъ и народъ 7 милліоновъ. Можно ли придумать большій контрастъ между нынѣшней Германіей и Бельгіей!—Техническая горячка охватила обѣ страны съ одинаковой силой: надо придумывать новые и новые источники жизни, когда въ Европѣ не хватаетъ хлѣба, сведены лѣса и тѣсно, тѣсно до послѣдней степени.

Бельгіецъ на своей неблагодарной землицѣ дѣлаетъ чудеса, превращаетъ ее множествомъ дорогъ въ сплошное промышленное селеніе; онъ умѣетъ организовать крѣпкія товарищества взаимной поддержки. Все долженъ ему дать собственный его трудъ; весь подвозъ, безъ котораго страна погибла бы въ одинъ день, держится его неустанной работой, и все онъ еще находитъ въ себѣ новыя силы.

Заботы нынѣшняго дня не вытравили въ немъ ни любви къ своей старинѣ, ни вольнаго духа, безъ котораго человѣкъ превращается въ скучный однообразный механизмъ.

Трудно найти въ Европѣ расу болѣе консервативную, болѣе упорную въ своихъ привычкахъ, чѣмъ мрачноватые крѣпкіе вѣрой фламандцы. А рядомъ съ ними, живая ихъ противоположность, насмѣшливые, бурливые, скептичные и веселые валлоны. Двѣ главныя партіи, католики и соціалисты, такъ и раздѣлились по этимъ расамъ. Они жестоко препираются между собою въ мирное время, но въ концѣ концовъ они тянутъ другъ къ другу, какъ двѣ составныя части неразрывнаго цѣлаго, это—два темперамента, два характера одной націи.

А что такое разгромившій ее врагъ, современная Германія? Вѣдь Германія испытала тѣ же толчки новой культуры, что Англія, что Франція, что Бельгія? Да, но поднялись какія-то иныя народныя качества. Техническій духъ новаго индустріализма обратился здѣсь въ злого демона безпощаднаго капитала, разбудилъ яростныя страсти, создалъ неслыханную нервозную жадность. Нація, которая долго казалась такой мирной, рыхлой, склонной къ резонерству и мечтанію, имѣла несчастіе побѣдить двухъ Цезарей, двухъ Наполеоновъ, и она потеряла равновѣсіе, заразилась цезаризмомъ. Въ дѣлежѣ міровыхъ богатствъ Германія проявила безтактность недоросля и зависть запоздалаго гостя къ своимъ счастливымъ предшественникамъ. И она возобновила старое дикое правило, отъ котораго стала отвыкать остальная Европа; «человѣкъ человѣку волкъ».—Вся политика, всѣ помыслы націи устремились на одну цѣль: захватить у другихъ, отнять чужое, заставить другихъ служить себѣ; конкурентовъ перебить, разорить, физически или морально уничтожить. Нація захвачена злымъ предразсудкомъ, въ силу котораго всѣ другіе народы должны пасть къ ногамъ ея, всѣ расы—ниже единственной призванной къ господству. Всѣ средства допущены для достиженія власти и богатства; нѣтъ иной морали, кромѣ любви къ себѣ, нѣтъ иного права, кромѣ права сильнаго.

Насъ поражаетъ вандализмъ германцевъ, ихъ циническое отношеніе къ чужой старинѣ и преданіямъ, къ чу-

жимъ святынямъ и памятникамъ, ко всему тому, что превратило людей-стадо въ людей-человѣчество. И мы спрашиваемъ: а ихъ собственное культурное прошлое? Развѣ они забыли его, развѣ они выкинули вонъ свою старину?—Да, народъ въ этомъ состояніи, способный на такія ужасныя дѣла, этотъ народъ стеръ свое прошлое, затопталъ самъ свои произведенія, онъ сталъ народомъ погибшимъ.

На большой площади Антверпена есть художественная группа, которая увѣковѣчиваетъ старинную легенду, сложенную для того, чтобы объяснить имя Антверпена. Антверпенъ по-фламандски значитъ: руку бросать. Вотъ что говоритъ легенда: сидѣлъ въ замкѣ надъ Шельдой страшный великанъ Антигонъ; онъ отрубалъ руки всѣмъ лодочникамъ, которые отказывались платить ему дань. Однажды появился маленькій Сильвій Браво; онъ, въ качествѣ новаго Давида, одолѣлъ великана, бросилъ его руку въ воду и освободилъ Шельду.

Невольно вспоминается теперь эта легенда. Вы скажете: наивная дѣтская фантазія. Не знаю: сказка разсказываетъ намъ чудесный бой, но не говоритъ, какими таинственными средствами побѣдилъ маленькій большого. Жестокій, закованный въ желѣзо колоссъ, который надвинулся на культуру—вѣдь все-таки колоссъ на глиняныхъ ногахъ. Онъ повѣрилъ въ одинъ единственный догматъ, въ силу и въ право силы и остался одинокъ. А что на сторонѣ пигмея, на котораго онъ посмотрѣлъ съ презрѣньемъ?—Да все, что еще сохранилось отъ человѣчества: дружба, крѣпкій союзъ, горячая поддержка всѣхъ, кто вѣритъ въ торжество мирнаго труда и созиданія жизни.

СТАРАЯ И НОВАЯ ГЕРМАНІЯ.

Никогда еще не было столько русскихъ за границей, какъ лѣтомъ 1914 года. Конечно, никто изъ многочисленныхъ туристовъ и паціентовъ послѣдняго сезона ни малѣйше не подозрѣвалъ, какая въ Европѣ разразится катастрофа. И, однако, не было человѣка, которому не приходилось бы чуть не ежедневно спорить, можетъ или не можетъ произойти война. Но эти обсужденія были такъ теоретичны и отвлеченны, что всѣ пріѣзжіе продолжали гулять по разнымъ идиллическимъ мѣстамъ и нисколько не помышляли спасаться.

Теперь мы удивляемся, какъ были глухи и слѣпы къ тому, что происходило вокругъ, но тогда у насъ была тысяча возраженій противъ возможности войны.

Да вѣдь войны никто не хочетъ и никто не вынесетъ ея! Развѣ мыслимо, чтобы нынѣшнія поколѣнія, со своей жаждой удобствъ, со своей чувствительностью, слабостью нервовъ, бросились въ опасности, тягости и ужасы войны? Люди, склонные къ оптимизму, говорили: посмотрите, какіе широкіе круги европейскаго общества завоевала идея всеобщаго мира; вѣдь не даромъ же столько разъ съѣзжались пасифисты всѣхъ странъ и принимали такія горячія резолюціи!

Тѣмъ, кто жилъ въ нѣмецкихъ курортахъ, должно было казаться, что объявленіе войны со стороны Германіи—совершенная безсмыслица, на которую не пойдетъ народъ, столь практическій. Какъ, неужели промышленники и хозяева, получающіе столько дани съ пріѣзжающихъ, неужели ихъ единоплеменники, продающіе бойко свои дешевые товары за границей, поставятъ на карту все свое благополу-

чіе? Изъ-за какихъ еще новыхъ благъ они начнутъ войну?

Хотя мы очень ошибались въ своихъ разсужденіяхъ. но соображеніе насчетъ невыгоды и безсмысленности войны для всѣхъ, и въ томъ числѣ для самихъ нѣмцевъ, осталось и сейчасъ въ полной силѣ. Тутъ какая-то неразъясненная до сихъ поръ загадка.

Въ первый моментъ казалось, что причиной всего—безуміе главнаго виновника войны. Но если бы онъ одинъ безумствовалъ, или даже со всѣмъ своимъ многочисленнымъ родомъ, для котораго онъ готовилъ нѣсколько новыхъ европейскихъ коронъ, за ними не пошла бы страна.—А какъ настроена масса общества? Тутъ фактъ наиболѣе рѣшающій и страшный—заявленія нѣмецкой интеллигенціи, людей, которыхъ мы привыкли считать духовными вождями страны.

Намъ, историкамъ, давно уже приходилось слышать съ того берега Вислы самыя отталкивающія теоріи, въ родѣ того, что сильная раса имѣетъ право уничтожать слабыя. или что во имя собственныхъ интересовъ можно спокойно и систематически душить сосѣдей и конкурентовъ. Вамъ трудно повѣрить, въ какой степени глубоко вкоренилась у нѣмецкихъ ученыхъ привычка выражаться этой отвратительной терминологіей, и какую она вызывала досаду. Въ литературѣ и наукѣ необыкновенно сильно давало себя знать полное исчезновеніе гуманности; на сцену выступилъ какой-то культурный варваръ, опустошенный отъ всякой человѣчности. Теперь мы видимъ результаты національнаго воспитанія Германіи на дѣлѣ. — Отчего и какъ произошла такая страшная перемѣна въ народѣ?

Позвольте перенести васъ лѣтъ на 150 назадъ; посмотримъ, какъ существовала тогда нѣмецкая интеллигенція.

Вотъ скромная сельская дача подъ Дюссельдорфомъ. гдѣ живетъ философъ и писатель Фридрихъ Якоби. Это—удивительно мягкая и симпатичная личность, близкій пріятель Лессинга, Гердера, Гёте, имѣвшій корреспондентовъ и друзей среди русскихъ и французовъ. Фридрихъ Якоби и его братъ Іоганнъ Якоби, литераторъ и профессоръ,—состоятельные люди, сыновья богатаго для того времени купца. Не думайте однако, чтобы загородный домъ Якоби

хоть отдаленно напоминалъ современную виллу. Скорѣе это просторная изба. Въ домѣ нѣтъ ни занавѣсокъ, ни ковровъ, ни зеркалъ, ни мягкой мебели. Столы, стулья, скамейки—еловыя. Креселъ вообще не имѣется, развѣ только въ домѣ есть дряхлый дѣдушка, и тогда для него спеціальное дѣдовское кресло.

Вотъ къ гостепріимному хозяину пріѣхала небольшая литературная компанія: 26-лѣтній Гете, успѣвшій прославиться повѣстью о Страданіяхъ молодого Вертера, швейцарецъ Лафатеръ, философъ - физіономистъ, и Базедовъ, многострадальный педагогъ, изгнанный со службы за свои свободныя воззрѣнія. Лафатеръ и Базедовъ—просвѣтители, т.-е. не то странствующіе профессора, не то проповѣдники. Они очень непохожи другъ на друга: изящный, вѣжливый Лафатеръ—богоискатель; грубоватый, неряшливый Базедовъ больше всего мастеръ ниспровергать авторитеты, но у нихъ общая цѣль — пробужденіе гуманныхъ чувствъ, сближеніе людей въ большое общечеловѣческое братство.

Они совершаютъ поѣздку вдоль Рейна, отъ одного помѣщичьяго дома къ другому. Трудно понять, какъ они путешествуютъ. По Рейну ихъ везутъ на парусной лодкѣ, по проселкамъ они ѣдутъ въ тряской телѣгѣ, въ лучшемъ случаѣ верхомъ. Дилижансовъ въ Германіи еще не успѣли завести; это была роскошь подгороднаго сообщенія Лондона и Парижа. При такихъ условіяхъ нельзя было особенно далеко забраться. Шиллеръ, написавшій Телля, гимнъ швейцарской свободѣ, такъ и не побывалъ въ странѣ альпійскихъ вершинъ, несмотря на то, что ему очень хотѣлось видѣть ту величественную обстановку, въ средѣ которой разыгрывается его драма.

На слухъ о прибытіи знаменитыхъ гостей къ Якоби съѣзжаются сосѣди. Гёте будетъ увлекать дамское общество своими импровизаціями, стихами, фантастической игрой и оригинальными выдумками. Начинаются танцы, въ которыхъ блестящій поэтъ принимаетъ самое живое участіе. Въ это время Базедовъ въ отведенной ему каморкѣ, среди облаковъ дыма, съ длиннѣйшей трубкой въ рукѣ, своимъ ворчливымъ тономъ разрушаетъ предразсудки и сыплетъ безпощадные сарказмы.

Вотъ долгіе, тихіе зимніе вечера въ томъ же домѣ Якоби. Отъ одного изъ друзей пришло письмо. Это нѣчто въ родѣ событія. Почта въ то время вовсе не будничное ежедневное явленіе. Не разъ въ поэзіи изображался тогдашній почтальонъ, бойкій малый, въ синей курткѣ съ желтыми обшлагами, который сидитъ рядомъ съ ямщикомъ и возвѣщаетъ о прибытіи почты мелодическими звуками своего рога. Письма шли долго, такъ что, напр., отъ Берлина до Франкфурта письму нужно было 9 дней. Но зато полученное письмо можно читать цѣлый вечеръ, можно занять его сообщеніемъ всю семью. Другъ присылаетъ цѣлый дневникъ, съ разными размышленіями; разсказъ о происшествіяхъ переплетается съ признаніями чувствъ; подробно излагается только-что прочитанная повѣсть, или, если корреспондентъ живетъ въ большомъ городѣ, онъ разсказываетъ пьесу, видѣнную имъ въ театрѣ, и впечатлѣнія публики.

Да, письма гораздо больше занимали и волновали людей, чѣмъ теперь. Вотъ однажды Гёте собрался въ ноябрьскую стужу и непогоду въ путь, поѣхалъ верхомъ за 100 верстъ въ занесенныя снѣгомъ долины Гарца, чтобы отыскать своего корреспондента, совершенно неизвѣстнаго ему человѣка, который поразилъ его въ письмахъ своей меланхоліей. Гёте удается найти незнакомаго друга; поэтъ ведетъ съ нимъ долгія бесѣды, находитъ для него ободрительныя слова и возвращается тѣмъ же способомъ домой.

Книги выходятъ также не слишкомъ часто и читаютъ ихъ медленнѣе. Братья Якоби — большіе поклонники иностранной литературы, испанской, французской, англійской. Книгу читаютъ вслухъ въ семейномъ кругу. Повѣсть англійскаго юмориста Стерна подъ заглавіемъ «Сантиментальное Путешествіе» производитъ на братьевъ впечатлѣніе необычайно сильное. «Мы долго глядѣли другъ на друга молча»,—пишетъ старшій братъ; «каждому изъ насъ было дорого увидѣть въ глазахъ у другого слезы». На нашъ нынѣшній взглядъ, у Стерна есть идиллическіе эпизоды, есть смѣшные, но тогдашній чувствительный нѣмецкій читатель выдѣлилъ то, что ему больше всего понравилось: встрѣчу францисканскаго монаха, благодушнаго старика

Лоренцо, съ англичаниномъ Iорикомъ, отъ имени котораго ведется разсказъ.

Якоби оба были въ восторгѣ отъ того, какъ тонко въ повѣсти Стерна изображена благородная натура безкорыстнаго монаха, его неисчерпаемая доброта, его терпѣливое отношенiе къ человѣческимъ слабостямъ, его полнѣйшее примиренiе со всѣмъ, что даетъ жизнь. Особенно трогательнымъ показался эпизодъ, когда деликатный англичанинъ, сначала не оцѣнившiй милаго старика, при новой встрѣчѣ съ патеромъ Лоренцо постарался загладить свою вину и подарилъ ему свою черепаховую табакерку.

Старшiй Якоби тотчасъ же рѣшилъ устроить особое общество имени патера Лоренцо и заказалъ нѣсколько табакерокъ, гдѣ золотыми буквами были выведены имена монаха и его чувствительнаго ученика Iорика. Цѣль братства— бороться съ чувствами гнѣва, раздраженiя, мести, недоброжелательства. Если въ обществѣ кто-нибудь раскипѣлся, сказалъ жесткое слово, одинъ изъ товарищей ему сейчасъ же показываетъ табакерку Лоренцо; если разгоряченный гнѣвомъ и тутъ не угомонится, то у него отнимаютъ черепаховую табакерку съ инициiалами и замѣняютъ обыкновенной до тѣхъ поръ, пока онъ не загладитъ своей вины поступкомъ выдающейся доброты и благодушiя. Якоби напечаталъ воззванiе; табакерки Лоренцо вошли въ моду, ихъ стали дѣлать въ большомъ количествѣ въ Гамбургѣ и Франкфуртѣ. Основатель дружескаго общества обѣщалъ, при встрѣчѣ съ любымъ неизвѣстнымъ, если только тотъ вынетъ табакерку Лоренцо, обнять его, какъ брата.

Современный нѣмецкiй историкъ съ глубокимъ презрѣнiемъ или даже съ негодованiемъ разсказываетъ объ этихъ не то невинныхъ шуткахъ, не то мелочныхъ заботахъ своихъ предковъ. Развѣ это были мужчины, развѣ они понимали что-нибудь крупное и сильное! Какъ ничтожна эта дѣтская гуманность! Какъ можно было заниматься только узкимъ кругомъ сосѣдскихъ и товарищескихъ дѣлъ! Миролюбiе и мягкосердечiе — самыя слова эти приводятъ въ ярость большинство нынѣшнихъ нѣмецкихъ ученыхъ, художниковъ и писателей.

Да, конечно, въ дружескомъ обществѣ Якоби есть

нѣчто дѣтское, наивное и, пожалуй, немного комическое. Однако его исторія показываетъ, что въ этой жизни, тѣсной, скудной, иногда мелочной, но зато мирной и тихой, не было мѣста неумолимой жадности, гложущей зависти, безпричинной злобѣ къ чужимъ, т.-е. тѣмъ тяжелымъ сторонамъ и нрава, и чувствъ, и понятій, которыя такъ раздражаютъ въ современной Германіи.—Якоби былъ заурядный человѣкъ и то, что онъ придумалъ, лишь одно изъ безчисленныхъ воспроизведеній идеи человѣческаго братства, которая отразилась во множествѣ филантропическихъ и дружескихъ обществъ. На той же основѣ болѣе крупные и оригинальные умы строили великую теорію гуманности.

Вотъ, напр., что считалъ нужнымъ Гердеръ для здоровой жизни германской націи. Гердеру національный бытъ Германіи казался большой запущенной нивой, которую надо очистить отъ сорныхъ растеній и, между прочимъ, отъ нелѣпаго національнаго самовозвеличенія. «Что нужно Германіи? Свѣтъ, просвѣщеніе, духъ общественности; нужна благородная гордость въ сознаніи, что извнѣ никто не вмѣшается въ ея устроеніе, но что она сама себя устроитъ, какъ искони это дѣлали всѣ другія націи». Гердеръ, однако, совсѣмъ не мечтаетъ о какихъ-либо войнахъ отмщенія, онъ даже не считаетъ нужной освободительную войну.

Нѣтъ, когда будетъ признано право націй, наступитъ конецъ всѣхъ войнъ, потому что онѣ возникаютъ только изъ тщеславія и интриганства кабинетовъ. «Кабинеты могутъ обманывать другъ друга; политическія машины можно мобилизовать, пока одна не сломитъ другую. Но то великое цѣлое, что люди зовутъ своей родиной, отечествомъ, не ополчится на другую родину. Онѣ спокойно расположатся рядомъ и, какъ близкія семьи, помогутъ другъ другу. Родина противъ родины въ кровавой борьбѣ—да вѣдь это злѣйшій варваризмъ человѣческаго языка!»

Горячій поэтъ, младшій современникъ Гердера, чувствуетъ потребность «послать поцѣлуй всему свѣту; обнять сердцемъ своимъ милліоны человѣческихъ существъ. Если есть надъ звѣзднымъ шатромъ небесъ всеблагій Богъ-Отецъ, то что же такое люди, какъ не братья?»

Современные нѣмцы не знаютъ, какъ имъ относиться

къ возвышеннымъ рѣчамъ старыхъ чудаковъ. Съ одной стороны, Гердеръ, Шиллеръ, Гёте—признанные великіе учители націи, которые освободили ея духъ. Съ другой стороны, все, что они говорили, безпочвенно, и даже втайнѣ нынѣшнему нѣмцу кажется невѣрнымъ, лишеннымъ смысла. Въ концѣ-концовъ это—неудобные старики, странные, пустые мечтатели: они хоть и просвѣщали, но сами ничего не понимали въ жизни.

Послѣдніе звуки идиллической старой Германіи слышатся въ знаменитомъ сновидѣніи поэта о голубомъ цвѣткѣ. Романтикъ - мечтатель Новалисъ въ повѣсти «Гейнрихъ фонъ Офтердингенъ» изображаетъ сонъ своего героя. Снится молодому поэту, что онъ заблудился въ темномъ лѣсу; какіе-то обрывы и скалы загораживаютъ ему путь, онъ предолѣваетъ страшныя препятствія. Но вотъ блеснулъ ослѣпительный свѣтъ, и поэтъ остановился передъ узкимъ входомъ въ сверкающую палату: изъ разноцвѣтныхъ каскадовъ составляется сіяющій кристально-чистый источникъ и бьетъ фонтаномъ. Поэтъ окунается въ освѣжающую влагу и чувствуетъ себя перерожденнымъ. Слѣдуя за причудливыми уклонами ручья, онъ входитъ въ темносиній гротъ и видитъ чудесный цвѣтокъ, голубой и прозрачный; онъ наклоняется къ цвѣтку, и вдругъ превращеніе: стебель поднялся, чашечка обернулась къ нему, и онъ видитъ въ ней нѣжное, милое лицо.

Голубой цвѣтокъ—символъ глубокихъ чувствъ, тихихъ внутреннихъ настроеній, тоски по неизвѣданной лучшей жизни. По курьёзной случайности сонъ этотъ приходится на первый годъ XIX вѣка, а къ концу того же столѣтія въ Германіи восторжествовала, по выраженію Ницше, «бѣлокурая бестія, великолѣпный хищный звѣрь, который, захлебываясь отъ жадности, тянется къ добычѣ и побѣдѣ».

Какъ совершился этотъ пробѣгъ отъ голубого цвѣтка къ бѣлокурой бестіи? Съ чего пошла глубоко печальная перемѣна, въ какой моментъ народился новый человѣкъ-хищникъ?

Начало поворота хорошо видно на жизни и творчествѣ того поэта, который считается пѣвцомъ воинственнаго пробужденія Германіи. Это Гейнрихъ фонъ Клейстъ, высту-

пившій со своими кровожадными дико клокочущими драмами въ самомъ началѣ XIX вѣка. Клейстъ былъ глубоко разстроенный, почти душевно-больной человѣкъ; но въ его жизни многое типично для цѣлаго поколѣнія. Въ его личности сказывается вся нервозность, безпорядочность, растерянность романтиковъ. Въ ранніе годы онъ уже все перепробовалъ: и военную, и гражданскую службу, и научныя занятія, и писательство. Всюду было одно и то же; сначала дикая стремительная энергія, безмѣрная трата силъ, потомъ быстрое утомленіе, отвращеніе къ дѣлу, наконецъ проклятіе работѣ; всюду—грандіозные замыслы и отсутствіе простого здраваго смысла.

Въ 25 лѣтъ у Клейста сознаніе полнаго краха; онъ рѣшаетъ уйти отъ сутолоки большихъ городовъ, отъ извращенной цивилизаціи къ простотѣ сельской жизни. Клейстъ ѣдетъ въ Швецарію и нанимаетъ рабочій домикъ на островкѣ у выхода Аары изъ Тунскаго озера. Болѣе разумная невѣста его не хочетъ участвовать въ капризахъ опрощенца, а впрочемъ это занятіе скоро надоѣдаетъ самому Клейсту. Онъ начинаетъ безпокойно носиться то въ Парижъ, то въ Веймаръ, то въ Берлинъ, почему-то подъ чужими именами. Въ Пруссіи, разгромленной Наполеономъ, онъ попадаетъ въ кружки военной партіи, мечтающей о кровавомъ мщеніи. Въ свое время, 18-ти лѣтнимъ юношей, отправляясь въ походъ противъ французовъ, Клейстъ писалъ: «молю небо, чтобы оно дало возможность вознаградить человѣколюбивыми дѣлами то время, которое мы такъ безнравственно убиваемъ войной». Теперь, напротивъ, ему кажется, что онъ способенъ выразить чувства мести, поднимающіяся въ Германіи противъ Наполеона, и Клейстъ пишетъ драму Herrmannschlacht, Арминіево побоище, изъ временъ борьбы германцевъ съ римлянами.

Подъ видомъ коварныхъ, испорченныхъ римлянъ представлены французы; Арминій и германцы драмы составляютъ, по замыслу автора, идеализацію современныхъ нѣмцевъ, у которыхъ месть и жажда крови закрыли всѣ другія чувства. Главный герой, Арминій, строитъ адскій замыселъ: завлечь римлянъ вглубь страны, прикинувшись ихъ вѣрными друзьями, и потомъ перерѣзать всѣхъ до единаго.

Арминій старается посѣять раздраженіе въ подвластномъ ему племени херусковъ; онъ разсылаетъ провокаторовъ, которые переодѣваются римлянами, жгутъ и грабятъ селенія херусковъ, оскорбляютъ германскихъ женщинъ. Въ числѣ затронутыхъ ими дѣвушекъ — единственная дочь стараго кузнеца. Отецъ въ дикомъ порывѣ гнѣва убиваетъ свою обезчещенную дочь; Арминію же его настроеніе удивительно на-руку. Онъ предлагаетъ отцу отнести убитую домой, разрубить ее на 15 частей и разнести эти ужасные останки по 15 племенамъ, изъ которыхъ состоитъ народъ херусковъ, чтобы возбудить ихъ месть противъ иноземцевъ.

Едва ли у германцевъ древней эпохи были такіе канибальскіе обычаи; поэтъ явно наклеветалъ на нихъ. Странная выдумка Клейста свидѣтельствуетъ только о его собственномъ разстроенномъ воображеніи, но замѣчательно, что мотивъ мести и его обстановка очень нравится новѣйшимъ нѣмцамъ. Арминій тѣмъ и герой, что ради мщенія способенъ на величайшія мерзости. Для враговъ нѣтъ ни пощады, ни закона. Когда къ Арминію приводятъ сдавшагося въ плѣнъ римлянина, онъ объявляетъ, что иноземцы внѣ права; его злорадно убьютъ, да еще почему-то палицей вдвое болѣе тяжелой, чѣмъ обыкновенно.

Изъ драмы Клейста видно, что вкусы извѣстной части нѣмецкаго общества рѣзко измѣнились. Рыхлыя пассивныя натуры впали въ ожесточеніе, когда ихъ всколыхнули событія. Но что ихъ такъ потрясло? Вѣдь у нихъ и раньше не было никакой свободы, и теперь они не за свободу поднялись. Да, наконецъ, откуда же могли взяться тѣ, подобные херускамъ, кровожадные дикари современности, которыхъ Клейстъ показалъ на сценѣ?

На эти вопросы отвѣтить не трудно. Вѣдь передъ нами время великихъ наполеоновскихъ походовъ, время ослѣпительныхъ успѣховъ оружія, внезапнаго возвышенія трактирщиковъ и конюховъ, которые стали генералами, фельдмаршалами, а иные даже королями. Сколько честолюбія пробудилось во всей Европѣ, сколько людей стали воображать, что въ нихъ сидитъ духъ Наполеона, что они могутъ, подобно маленькому корсиканцу, заставить говорить о себѣ весь міръ, и положить къ своимъ ногамъ вселенную!

Всего больше эта новая неслыханная страсть загорѣлась подъ мундиромъ прусскихъ офицеровъ, самыхъ голодныхъ, самыхъ скудоумныхъ, самыхъ презрѣнныхъ во всей Европѣ, а они были таковы потому, что въ государствѣ Фридриха II, не имѣвшемъ ни національности, ни общества, все держалось на палкахъ и розгахъ, на слѣпомъ исполненіи приказовъ начальства, и здѣсь не нужны были личность, талантъ и самостоятельность.

И вотъ въ головы этихъ ограниченныхъ сыновъ Бранденбурга вступилъ хмель наполеонизма. Неизвѣстно откуда появляется множество военныхъ геніевъ или воображающихъ себя таковыми. Разбить Наполеона, стать на его мѣсто—вотъ что засѣло въ умѣ Блюхера, Шарнгорста, Гнейзенау, Іорка; это тѣ самыя имена, которыя опять прозвучали въ нынѣшней войнѣ въ качествѣ названій морскихъ чудовищъ.

Между прочимъ въ войнѣ 1813 года противъ Наполеона новѣйшіе херуски впервые проявили жестокость, неслыханную раньше въ такъ наз. варварскіе вѣка: не разъ бывали случаи, когда побѣдители избивали плѣнныхъ и раненыхъ, не желая съ ними долго возиться.

Дѣятели войны противъ Наполеона оказались звѣриными натурами еще въ другомъ смыслѣ, по отношенію къ своему собственному народу. У врага они подмѣтили великолѣпную вещь—всеобщую воинскую повинность. Но чтобы поднять и вооружить свою націю, надо было многое сдѣлать. Въ Пруссіи народъ былъ угнетенъ и забитъ, былъ въ крѣпостной неволѣ. Къ сожалѣнію для юнкеровъ, крестьянъ пришлось спѣшно освобождать, иначе можно было опасаться, что это сдѣлаетъ иностранный завоеватель. Къ еще большему сожалѣнію, пришлось обѣщать крестьянамъ отдачу земли въ полную собственность.

Цѣной обѣщаній и уступокъ, послѣ большею частью взятыхъ назадъ, удалось, съ грѣхомъ пополамъ, набрать первый ландверъ, ополченіе. Впрочемъ около половины призываемыхъ не пошло въ ряды арміи. Въ церквахъ, гдѣ принимали присягу новобранцевъ и читали новый воинскій уставъ, многіе громко протестовали и уходили демонстративно. Цѣлые отряды разбѣгались; на нихъ приходилось

устраивать облавы, связывать людей веревками и держать въ загонахъ. У насъ есть нѣкоторыя данныя, чтобы судить, какъ смотрѣли дѣятели войны противъ Наполеона на поднятое ими человѣческое стадо. Вотъ что излагаетъ въ интимномъ письмѣ одинъ изъ представителей прусской аристократіи.

«Мужикъ невѣроятно испорченъ; онъ думаетъ только объ одномъ, какъ бы наѣсться, точно животное. Онъ не знаетъ вовсе любви къ отечеству. Пожалуй у него есть набожность, но маловато, и религіей на него нельзя дѣйствовать. Вліяніе барина кончилось съ тѣхъ поръ, какъ разбиты священныя узы наслѣдственнаго подчиненія (это господа такъ называютъ между собою крѣпостное право). Крестьянинъ труслив и питаетъ рѣшительное отвращеніе къ военной службѣ. Очень жаль, что облегчили военныя наказанія, которыя прежде были такъ строги».

Въ этихъ откровенныхъ рѣчахъ обрисовался ясно нѣмецкій администраторъ и военный новой складки. Что такое въ его глазахъ патріотическія обязанности народа? А то, что онъ долженъ безпрекословно опять итти подъ палкой своихъ господъ. Средствами къ поддержанію такого патріотизма служатъ крѣпостничество и жестокій уголовный законъ. Хорошо бы примѣнить и религію, но религія, къ сожалѣнію, слишкомъ слаба, а дисциплинарныя мѣры расшатаны ложной гуманностью.

Въ такой именно моментъ и народилась первая группа новѣйшихъ технически усовершенствованныхъ варваровъ. Сначала они объявились въ одной только Пруссіи. Въ остальной Германіи со страхомъ и недовѣріемъ смотрѣли на всклоченныхъ коршуновъ, вообразившихъ себя орлами, на порожденіе южно-балтійскихъ песковъ и болотъ, гдѣ вѣками создавался типъ жадныхъ, скудоумныхъ, лишенныхъ фантазіи людей. Но скоро въ нихъ увидѣла своихъ союзниковъ новая группа хищниковъ.

Если первый слой ново-германскихъ варваровъ появился въ началѣ XIX вѣка, то вторая группа жадныхъ завоевателей стала нарастать съ половины XIX столѣтія. Я разумѣю направителей германской промышленности.

Надо сказать, что Германія позже другихъ странъ Европы втянулась въ большой всемірный обмѣнъ. Долго не поддавалась неповоротливая, вялая, мечтательная натура нѣмецкаго народа. Въ первой половинѣ XIX вѣка германская интеллигенція воображаетъ себя какими-то древними эллинами, старается выработать изъ себя людей эстетически совершенныхъ и классически законченныхъ. Поэтому, когда, напр., молодой ученый пріѣзжаетъ въ фабричный районъ Англіи, ему въ диковинку новые города, гдѣ шумятъ большія машины и пышутъ огнемъ и паромъ громадныя заводскія печи. Нѣмецкій эрудитъ записываетъ въ свой дневникъ послѣ посѣщенія Бирмингама: «силуэтъ города показался мнѣ прямо чѣмъ-то египетскимъ; фабричныя трубы и печи—точно пирамиды и обелиски».

У однихъ эта промышленная Англія вызываетъ восторгъ въ родѣ страны чудесъ, какой-то сказки изъ «Тысячи и одной ночи», другимъ, напротивъ, она представляется злымъ и мрачнымъ адомъ. Популярный романистъ 30-хъ годовъ, Иммерманъ, увѣрялъ, что пускать фабричную машину тамъ, гдѣ раньше работалъ плугъ,—великій грѣхъ. Туго поддавалась Германія и на ускоренныя средства сообщенія. Когда на Рейнѣ завели первый пароходъ, никто почти не хотѣлъ на немъ ѣздить. Вотъ, напр., отецъ привезъ семью прокатиться по рѣкѣ; онъ уже приближается къ пароходу, но мѣстные жители отговариваютъ: «опасно, очень ужъ скоро ходитъ!»

Не мало было возраженій и противъ желѣзныхъ дорогъ. Начальникъ почтоваго вѣдомства въ Пруссіи заявилъ, что не стоитъ строить рельсовый путь между Берлиномъ и Бреславлемъ: «помилуйте, сейчасъ даже не окупается содержаніе почтовыхъ каретъ, которыя ходятъ по этой дорогѣ». Медицинскіе авторитеты покачивали головами и придумывали разныя предохранительныя мѣры противъ опасностей новѣйшей костоломки. Главное врачебное управленіе въ Баваріи дало такую резолюцію по вопросу о постройкѣ первой желѣзной дороги. «Паровозное сообщеніе съ неизбѣжностью вызоветъ тяжелыя заболѣванія мозга не только у путешественниковъ, но и у прохожихъ, случайныхъ зрителей. Для того, чтобы по крайней мѣрѣ охранить зрите-

лей, нужно закрыть полотно дороги съ обѣихъ сторонъ высокимъ, глухимъ заборомъ».

Наконецъ и эти боязливыя, нерѣшительныя натуры увлеклись. И въ Германію проникъ, какъ мы говоримъ, духъ капитализма.

Что такое духъ капитализма? На этотъ сложный и трудный вопросъ можно отвѣтить наивно-жесткими словами одного изъ основателей новѣйшаго купеческаго и банкирскаго дѣла. Книжка подъ заглавіемъ «Совѣты молодому купцу» вышла болѣе 150 лѣтъ тому назадъ, когда только что расправлялъ крылья промышленный геній Европы и Америки.

Вотъ что тамъ, между прочимъ, говорится: «Помни, что время — деньги. Представимъ себѣ, что человѣкъ, который въ день могъ бы заработать 10 шиллинговъ, провелъ полдня на прогулкѣ или провалялся дома на диванѣ; онъ воображаетъ, что истратилъ только 6 пенсовъ на удовольствіе. Это—большая ошибка! Его трата гораздо значительнѣе. Онъ еще, кромѣ того, выложилъ 5 шиллинговъ, тѣ, которые онъ потерялъ изъ своего возможнаго заработка, вѣрнѣе сказать, онъ ихъ выбросилъ». «Помни, что деньги по своей природѣ вовсе не безплодны, напротивъ, онѣ обладаютъ въ высшей степени свойствомъ производить потомство. Деньги могутъ рождать деньги, а ихъ отпрыски могутъ рождать еще больше денегъ. Пять шиллинговъ, пущенные въ оборотъ, составляютъ шесть, шесть шиллинговъ, опять двинутые въ дѣло, образуютъ семь и т. д., вплоть до 100 фунтовъ стерлинговъ. Чѣмъ больше наличности, тѣмъ больше деньги родятъ такъ, что прибыль растетъ все сильнѣе и сильнѣе. Кто убиваетъ свинью, несущую поросятъ, уничтожаетъ все ея потомство, вплоть до тысячнаго поколѣнія. Кто убиваетъ монету въ 5 шиллинговъ, уничтожаетъ этимъ самымъ все, что она могла породить, т.-е. цѣлыя горы фунтовъ стерлинговъ».

Вы слышите гимнъ денежной силѣ, вы внимаете настоящей поэтизаціи сложныхъ процентовъ. Передъ нами паѳосъ оборотливаго банкира; онъ даетъ первые наглядные уроки жуткой школы капитализма. Вы понимаете, что эта упорная и стремительная система обученія опрокинетъ

всѣ устои жизни, всѣ патріархальныя воззрѣнія и совершитъ надъ всѣми людьми рѣшительное превращеніе. Она принесетъ иное незнакомое искусство жизни, она создастъ новую мораль, построенную исключительно на ариѳметикѣ, на умноженіи и дѣленіи.

И правда, промышленная горячка внесла много разрушенія во всѣ сферы человѣческаго быта: она почти истребила изящныя искусства и поэзію, она загубила оригинальность человѣка, она отравила жизнь той завистью, сухой злобой, безпокойнымъ метаніемъ, которыя характеризуютъ наши поколѣнія. Но нигдѣ жажда быстраго обогащенія не вылилась въ такія крайнія, такія безстыдныя формы, какъ въ Германіи. Странное дѣло! Націи, которыя сранѣе другихъ были захвачены бѣсомъ капитализма, сумѣли сохранить равновѣсіе, сумѣли удержать чувства стараго человѣчества, болѣе тихаго, мягкаго и благодушнаго. Въ Германіи, потому ли, что она позже другихъ пришла на всемірное пиршество, потому ли, что тяжеловѣсныя натуры легче утрачиваютъ всякую устойчивость, въ Германіи, во всякомъ случаѣ, опустошеніе умовъ и сердецъ произошло съ ужасающей силой.

Что такое новая германская промышленность, работающая на всемірный рынокъ? Она извѣстна своей дешевизной, и въ дешевизнѣ главный залогъ ея успѣха. А ея достоинства? Здѣсь мало хорошаго можно сказать, потому что въ ней слишкомъ большое мѣсто занимаютъ суррогаты, поддѣлки, фальсификаціи, ухудшенные сорта.

Конечно, такова вообще новая индустрія. Съ поддѣлки она началась. 200 лѣтъ тому назадъ Европа стала увлекаться индійскими крашеными ситцами, китайскимъ фарфоромъ и китайскими бумажными обоями. Свѣтскія дамы бросили парчу, шелкъ, атласъ и сукно, чтобы одѣваться въ тоненькія рвущіяся ткани, съ мелкимъ рисуночкомъ, цвѣточками и полосками; перестали работать великолѣпные гобелены для того, чтобы оклеивать стѣны какими-то пестрыми бумажками. А европейскіе промышленники сообразили, что всю эту китайскую и индійскую мишуру и дребедень можно поддѣлать! И вотъ начинается привозъ хлопка, изобрѣтается одна машина за другой, начинаютъ

массами готовить очень дешевыя вещи, онѣ проникаютъ во всѣ классы общества и даютъ все больше и больше прибыли.

И чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе дешевыхъ поддѣлокъ, имитацій, завѣдомой фальши. Во многихъ областяхъ человѣкъ уже не можетъ заказать себѣ ничего подлиннаго. Вездѣ онъ встрѣчается съ готовымъ продуктомъ, плохимъ, ломкимъ, рвущимся, не съ настоящей вещью, а съ ея какъ бы обманнымъ подобіемъ. И человѣкъ, вопреки желанію, долженъ подчиняться этому міру вновь навороченной матеріи, точно въ самихъ вещахъ и машинахъ, производящихъ вещи, заложена какая-то болѣе сильная воля!

Вотъ, напр., что мы слышимъ объ исторіи происхожденія маргарина. Императоръ Наполеонъ III предложилъ одному химику придумать суррогатъ коровьяго масла, въ виду того, что оно по цѣнѣ недоступно бѣднымъ, а также ради того, чтобы имѣть дешевый продуктъ во флотѣ. Какъ странно! Если извѣстный полезный предметъ сталъ дорогъ для неимущихъ, то, казалось, самое естественное—позаботиться объ увеличеніи источниковъ его приготовленія, или о расширеніи его подвоза. Да, это была бы логика вниманія къ человѣческой личности, но не такова логика капитала! Для него существуетъ одно соображеніе: заготовить подешевле, продать скорѣе; выбрасывать новыя и новыя массы товара, закидать ими покупателя, гнать отправки одну за другой безъ устали, навязывать и продавать, продавать безъ конца.

Въ области костюма вѣчная и непрерывная революція. Безслѣдно исчезли старинныя прочныя матеріи, изъ которыхъ шилось платье на всю жизнь. Новый промышленникъ давно успѣлъ убѣдить дамъ, что шить костюмъ надолго—смѣшная наивность и варварская отсталость. Но онъ достигъ гораздо большаго. Онъ пускаетъ въ ходъ самые яркіе, самые ослѣпительные сорта новыхъ матерій, онъ выдумываетъ моды одну за другой, онъ заставляетъ женщинъ наряжаться все чуднѣе и чуднѣе. Ему мало ежегодныхъ смѣнъ платья и шляпъ, ему мало естественныхъ смѣнъ года, онъ ухитряется еще двоить и троить сезоны, такъ что покупательницѣ приходится поневолѣ проводить двѣ

весны въ году и три лѣта. А для того, чтобы дамы не могли взбунтоваться и утвердиться на какомъ-нибудь очень изящномъ матеріалѣ, онъ пускаетъ въ ходъ самые непрочные сорта, самыя рвущіяся ткани; въ короткій срокъ онѣ превращаются въ труху и лохмотья, и уже послѣ нѣсколькихъ разъ одѣванія на нихъ противно смотрѣть.

Въ искусствѣ навязыванія фабрикатовъ, которые сдѣланы намѣренно ломкими и непрочными, нѣмецкій промышленникъ быстро превзошелъ всѣхъ конкурентовъ на всемірномъ рынкѣ.

Эта индустрія сама по себѣ есть коварная и безпощадная война съ человѣческимъ обществомъ. Она направлена не на то, чтобы одѣть и накормить человѣка, а на то, чтобы, подъ видомъ снабженія людей необходимымъ, обобрать ихъ. Скоро она потянула за собой настоящую войну. Промышленнику было мало своего внутренняго рынка; онъ потребовалъ, чтобы государство открывало ему новыя и новыя области сбыта. Это онъ, оглядываясь кругомъ на земной поверхности, остановилъ свое вниманіе на цвѣтныхъ расахъ.

Вонъ они ходятъ тамъ нагіе въ Африкѣ. Пускай они носятъ наши бумажныя матеріи, по крайней мѣрѣ, самыя плохія, на которыя европейцы ужъ и смотрѣть не хотятъ. Кстати, миссіонеръ имъ объяснитъ, что нагота—большой грѣхъ и соблазнъ: онъ, конечно, умолчитъ, что въ тропической жарѣ крашеные ситцы вредны для кожи и вызовутъ разные неслыханныя раньше болѣзни. Затѣмъ, уже безъ помощи миссіонера, къ нимъ привезутъ водку, благо они даже не подозрѣваютъ о существованіи алкогольныхъ напитковъ и тѣмъ легче поддадутся на приманку.

Эта новая порода хищниковъ была гораздо страшнѣе, чѣмъ народившіеся въ началѣ XIX в. маленькіе Наполеоны изъ прусскихъ и бранденбургскихъ усадебъ. Тогда можно было наблюдать только первый приливъ кровожадныхъ, человѣконенавистическихъ чувствъ и понятій. Теперь они пришли громадной волной, цѣлымъ потопомъ и произвели полное опустошеніе въ морали людей. А такъ какъ въ Германіи множество ученыхъ, мастерски ко всему подводящихъ системы и подбирающихъ доказательства, то новая мораль

нашла себѣ блестящее, великолѣпное и остроумнѣйшее оправданіе. Вся наука стала на службу великой системы ограбленія народовъ, ученость и талантъ заполнили канцеляріи и переднія новаго господина міра.

Послушаемъ какъ звучитъ новая мораль. Что—хорошо?—спрашиваетъ проповѣдникъ.—Все что возвышаетъ чувство мощи, волю къ мощи и самое мощь въ человѣкѣ.

Что такое счастье?—Чувство, что мощь растетъ; не въ спокойномъ довольствѣ счастье, а въ сознаніи роста мощи. Не миръ даетъ счастье, а война. Слабые и неудачные должны погибнуть; такова первая заповѣдь нашей новой любви къ ближнему. И еще нужно имъ помочь свалиться. Что хуже порока?—Состраданіе, дѣятельная помощь всѣмъ слабымъ и неудачнымъ.

Эти слова сказалъ очень умный человѣкъ—Ницше, но сказалъ, будучи близокъ къ сумашествію, когда уже разсудокъ его былъ омраченъ безумной меланхоліей. Его жестокія, проникнутыя отчаяніемъ рѣчи, внушенныя адской ночью душевнаго одиночества показались настоящимъ откровеніемъ для массы націи обезумѣвшей по своему, для всѣхъ этихъ среднихъ головъ, потерявшихъ мѣру желаній и увлеченныхъ вихремъ захвата, присвоенія и разрушенія чужого.

И вотъ на сотни ладовъ зазвучала проповѣдь жестокости; заговорили всѣ: дипломаты, профессора, врачи, адвокаты, писатели, художники и даже священники. Въ одной очень распространенной въ Германіи книгѣ мы читаемъ слѣдующую философію.

«Мечта о вѣчномъ мирѣ прельщаетъ всегда народы уставшіе, выродившіеся и лишенные бодрости... Жажда мира обратила большинство культурныхъ народовъ въ жалкіе, безкровные организмы. Пусть о вѣчномъ мирѣ мечтаютъ разслабленные. Кличемъ германцевъ является слово война... Раса только тогда идетъ впередъ, процвѣтаетъ и множится, когда закаляетъ себя войнами, когда раскрываетъ себѣ просторъ страшными ударами вокругъ. Требовать у такой націи отказа отъ войны не только безумно, но и безнравственно. Нужно напротивъ позаботиться о томъ, чтобы въ Германіи никому и въ голову не приходило

стремиться къ установленію или сохраненію мира. Впрочемъ можно быть спокойнымъ: во всемъ свѣтѣ нѣтъ націи, мышленіе которой было бы такъ чуждо предразсудковъ и такъ вполнѣ гармонировало бы съ законами исторіи, какъ у германцевъ».

Можно подумать, что цѣлая раса старой культуры и вправду превратилась въ лютыхъ тигровъ, и что для этихъ новѣйшихъ хищниковъ, обученныхъ всѣмъ чудесамъ науки, искусства и техники, авторъ пишетъ руководство, при чемъ нѣсколько безпокоится, какъ бы не ослабѣли великолѣпныя качества звѣриной породы, ея способности рвать, раздирать и крушить добычу.

Конечно въ громкихъ заявленіяхъ и угрозахъ масса хвастовства и преувеличенія. Въ тевтонской ярости очень много театральнаго, много намалеванныхъ китайскихъ драконовъ, много угловатыхъ манеръ дурно воспитанныхъ мѣщанъ. Равновѣсіе у выскочки настолько потерялось, что онъ не замѣчаетъ смѣшныхъ сторонъ своего собственнаго положенія; онъ утратилъ очень важный источникъ душевнаго спокойствія, именно то, что называется чутьемъ комическаго.

Я беру любимую книгу Вильгельма II, исторію XIX в. составленную Чемберлэномъ. Этотъ Чемберлэнъ—случайный однофамилецъ извѣстнаго англійскаго дѣятеля: онъ хоть и англичанинъ по рожденію, но совершенно онѣмечился и сталъ профессоромъ въ Вѣнѣ. Огромная двухтомная книга его, надо прямо сказать, очень скучна: читать ее постороннему, негерманцу невыносимо отъ безконечнаго «громъ побѣды раздавайся». Только и спасаютъ ее блестки непроизвольнаго комизма, разсѣянные тамъ и сямъ по пустынѣ безпредѣльнаго славословія германцевъ.

Ну, конечно, германецъ—душа всей культуры человѣчества, онъ спасительный ангелъ исторіи. Не приди онъ въ нужный моментъ, и вся цивилизація разсыпалась бы въ прахъ. Каково величайшее, драгоцѣннѣйшее качество германца? Это его вѣрность: вѣрность въ дѣлахъ службы, вѣрность въ дружбѣ, вѣрность данному слову. Вы нѣсколько недоумѣваете: а нарушеніе договора о неприкосновенности Бельгіи? какъ-же примирить эту вопіющую невѣр-

ность съ величайшею добродѣтелью нѣмцевъ?—Поищемъ объясненія у Чемберлэна. Надо, говоритъ онъ, хорошо понять, что такое вѣрность, и надо различать истинную и не настоящую вѣрность. Вотъ напримѣръ сравните съ германцемъ негра или собаку: они хранятъ вѣрность своему господину, кто бы онъ ни былъ; это мораль слабыхъ, мораль рабовъ. Совсѣмъ другое дѣло—германецъ: онъ, напротивъ, свободно выбираетъ себѣ господина, его вѣрность есть вѣрность по отношенію къ самому себѣ; это мораль свободнорожденнаго. Вотъ теперь вамъ стало все понятно. Германецъ свободно выбираетъ, какой договоръ стоитъ вѣрно выполнить, и какой можно объявить клочкомъ бумаги: онъ вѣдь вѣренъ только самому себѣ, а до того, что считаетъ вѣрностью все остальное человѣчество, ему нѣтъ дѣла.

Что еще мы узнаемъ о германцахъ у Чемберлэна? Прежде говорили, что они—народъ мыслителей. Какой вздоръ! Это злая иронія: они народъ солдатъ и купцовъ! Впрочемъ нѣтъ! У нихъ все есть, и притомъ въ наилучшей гармоніи, Они—народъ, въ одно и тоже время наиболѣе идеалистичный и самый практическій. Германецъ пишетъ «Критику чистаго разума» и изобрѣтаетъ желѣзную дорогу. Замѣтимъ натяжку: желѣзную дорогу изобрѣлъ англичанинъ, а нашъ авторъ обычно не замѣчаетъ англичанъ въ исторіи, здѣсь же онъ беретъ англичанина за нѣмца.

Одинъ примѣръ особенно нравится Чемберлэну; только—предупреждаетъ онъ—у кого нѣтъ германскаго сердца, тотъ этого примѣра не пойметъ, не постигнетъ, какъ въ германцѣ практическая воля соединяется съ тончайшими чувствованіями. Примѣръ вотъ какой. Бисмаркъ, политикъ крови и желѣза, въ самыя трудныя минуты, когда надо было принимать великое рѣшеніе, заставлялъ играть себѣ сонаты Бетховена. Дѣйствительно, посторонній не можетъ удержаться отъ улыбки; оказывается, старый циникъ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ великимъ фокусникомъ, сумѣлъ околдовать историка: онъ вѣдь умилился нѣжности души, внимавшей Бетховену.

Вотъ другой авторъ ученыхъ гимновъ германизму, Вольтманъ. Онъ—антропологъ, начинаетъ съ измѣренія че-

реповъ и различенія цвѣта волосъ и глазъ. Разумѣется, германцы обладаютъ наилучшими статьями. У нихъ благородные длинные черепа, они высокорослые, блондины, съ чудеснымъ румянцемъ, съ ясными голубыми глазами. Остальное человѣчество, всѣ эти черноватые и шатэны, невысокіе ростомъ, смуглые, съ круглыми черепами, это такъ, второй сортъ людей, о которыхъ не стоитъ безпокоиться. Оказывается, можно безъ большого труда доказать, что всѣ геніи въ наукѣ, искусствѣ, техникѣ и политикѣ были германцы. Вольтманъ, вооружается своимъ нехитрымъ антропологическимъ словарикомъ и пересматриваетъ портреты великихъ людей Новаго времени во Франціи и въ Италіи. И выходитъ великолѣпно: множество бѣлокурыхъ, рыжыхъ и голубоглазыхъ геніевъ всякаго рода, и поэты, и художники, и ученые, и музыканты, и наконецъ политическіе дѣятели: Вотъ они: Чимабуэ, Бенвенуто Челлини, Джотто, Мазаччо, Ботичелли, Перуджино, Тиціанъ, Рафаэль, Пико Мирандола, Колумбъ, Галилей, Тассо, Кавуръ, Россини. И не только они—бѣлокурые, но еще почти всѣ высокаго роста. Все германцы. Но по мѣрѣ изслѣдованія разгарается жадность; вотъ нѣсколько геніальныхъ шатэновъ: Верди, Леопарди, Андреа дель Сарто. Какъ быть? Это ничего: каштановые волосы вѣдь близки къ бѣлокурымъ, все-таки они не черные, значитъ въ нихъ тоже благородная германская раса. Еще дальще: вотъ геніи, явно черноволосые, да еще невысокіе ростомъ, напр. Микель Анджело, Макіавелли. Ничего, не надо приходить въ отчаяніе! Попробуйте разобраться въ именахъ, можетъ быть, они звучатъ по германски, посмотрите родословную; если только постараться, то геній непремѣнно окажется германцемъ. Напр. Макіавелли оказывается то же самое, что нѣмецкій Маквицъ, Джордано Бруно тоже самое, что Браунъ. Америго Веспуччи, по имени котораго Новый свѣтъ названъ Америкой, есть Эммерихъ, такъ что собственно Америка носитъ нѣмецкое имя.

Ничего не извѣстно о наружности Леонардо да Винчи. Но говорится, что онъ былъ оченъ красивъ. Это конечно значитъ, что онъ былъ бѣлокуръ.—Больше всего хлопотъ доставилъ Вольтману Боккачо. Никакихъ признаковъ гер-

манизма нельзя было въ немъ открыть. Только ростъ большой, но этого какъ будто маловато. Вдругъ счастливая идея. Боккачо былъ незаконнорожденный, значитъ мать его вела легкомысленную жизнь. А по близости мѣста, гдѣ онъ родился, былъ поселокъ, въ которомъ, по стариннымъ свѣдѣніямъ, когда-то водворили военную колонію германскаго происхожденія. Вы понимаете, какое счастливое стеченіе обстоятельствъ: благодаря вѣтренности итальянки благородная германская кровь перелилась въ жилы великаго писателя.

Такимъ образомъ, современные нѣмцы достигли вершины того, что старый ихъ учитель Гердеръ считалъ глупостью рода человѣческаго: онъ думалъ, что нѣтъ ничего болѣе нелѣпаго, чѣмъ національное самовосхваленіе. Современные нѣмцы забыли и другія слова, сказанныя имъ: что родина не ополчается на родину, что самостоятельность народа не имѣетъ ничего общаго съ гнетомъ и господствомъ его надъ другими, что освобожденные народы должны составить великое братство на землѣ.

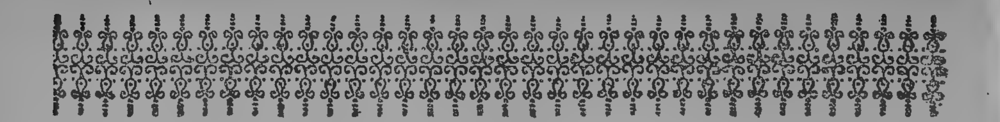
Странное неслыханное паденіе испытываетъ сейчасъ эта нація.—Что же будетъ дальше? Пройдетъ-ли когда-нибудь злой чадъ, охватившій одинъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ, образованныхъ народовъ Европы? Германія—рѣзкій примѣръ того, какъ могутъ запутаться люди, если стремленіе къ богатству и удобству жизни обращается въ дикую погоню, въ звѣриную борьбу за добычу. Что же, спрашивается, и другимъ націямъ предстоитъ такая же болѣзнь и такая же смерть человѣческаго духа?

Въ свое время Ренанъ предсказывалъ паденіе изящной и тонкой культуры, которое должно получиться отъ неимовѣрной скачки за матеріальными благами; онъ представлялъ себѣ человѣчество будущаго въ видѣ сонныхъ идіотовъ, которые въ полной бездѣятельности будутъ сидѣть и грѣться на солнцѣ.

Неужели нѣтъ выбора между тѣмъ и другимъ типомъ, между высокомѣрнымъ, хвастливымъ разрушителемъ и безпечальнымъ ко всему равнодушнымъ идіотомъ? Конечно теперь, во время жестокой войны, когда дѣло идетъ о спасеніи жизни и всего самаго дорогого, что есть у насъ,

трудно рѣшать такія загадки. Но не учитъ-ли насъ сама война, не открываетъ-ли она неслыханныя, невѣдомыя до сихъ поръ качества и отдѣльныхъ людей, и цѣлыхъ народовъ? Развѣ мы ожидали, что маленькій народецъ Бельгіи, о которомъ было представленіе, будто онъ состоитъ изъ торгашей и чернорабочихъ, забывъ всѣ выгоды и удобства, всю мелкую заботу дня, станетъ на защиту своей крошечной родины и проявитъ такой героизмъ? Развѣ не говорили, что между нами и нашими союзниками только слабая нить грубыхъ матеріальныхъ интересовъ, готовая каждую минуту порваться и нѣтъ никакой дружественной человѣческой связи? И развѣ не оказалось, что на землѣ есть другія силы, кромѣ слѣпыхъ, гнетущихъ и злобныхъ силъ истребленія, есть сила мужества, защищающаго правду?

Мы долго слушали спокойно проповѣдь жестокости и насилія, раздававшуюся въ Германіи, и кто знаетъ, можетъ быть, невольно проникались ядомъ этихъ вѣско логическихъ, стройно организованныхъ ученій. Мы сами были близки къ моральному паденію, потому что мы уже не протестовали противъ этой безнравственной одичавшей науки. Страшное испытаніе принесла война, но она же вернула намъ вѣру въ человѣка. Своими тяжкими ударами она напомнила намъ, что есть другая натура въ людяхъ, кромѣ той кровожадной и насильнической, которую нѣмцы объявили цвѣтомъ человѣчества. Въ лицѣ героическихъ борцовъ, война воспроизвела передъ нами это благородное существо человѣка, эту только скрывшуюся, но живую и нетронутую великую его натуру.

СТАРИННЫЙ РАЙ ЗЕМНОЙ.

Наша кавказская армія ведетъ сейчасъ ожесточенные бои въ ущельи Битлиса, лежащемъ къ западу отъ окаймленнаго крутыми скалами горько-соленаго озера Ванъ. Горная рѣка Битлисъ, прорвавшись на югъ сквозь тѣснины, впадаетъ въ верхній Тигръ, и мы стоимъ, слѣдовательно, на порогѣ Двурѣчья, страны древнѣйшей культуры человѣчества.

У Ванскаго озера двѣ съ половиной тысячи лѣтъ тому назадъ жилъ горный народъ Урарту, имя котораго до сихъ поръ сохранилось въ названіи высокаго кряжа Арарата. Урартійцы славились по всему свѣту выдѣлкой стали, и какъ разъ черезъ битлисское ущелье съ юга вторгались въ «стальное царство» неистовые собиратели желѣза, ассиріяне. Въ той же области, недалеко отъ Вана, начинаются обѣ «рѣки-сестры», какъ въ старину назывались Евфратъ и Тигръ. Евфратъ пробивается водопадами сквозь камни восточнаго Тавра и протекаетъ всего въ четырехъ верстахъ отъ истока Тигра. Но потомъ рѣки далеко расходятся, Евфратъ течетъ на западъ, словно собираясь впадать въ Средиземное море, а Тигръ стрѣлой (Тигръ и значитъ «стрѣла») устремляется къ юго-востоку въ Персидскій заливъ. Сдѣлавъ громадный загибъ, и Евфратъ поворачиваетъ въ ту же сторону. Образуется между двумя рѣками большой «островъ», какъ говорятъ арабы; это и есть древняя Месопотамія. На восточной ея окраинѣ, недалеко отъ нынѣшняго Мосула, по среднему теченію Тигра лежатъ развалины столицъ ассирійскаго царства, Ассура, Калхи и Ниневіи. По стремнинамъ дико скачущаго Тигра правильное судоходство невозможно. Отъ Мосула до Багдада спускаются на плотахъ, укрѣпленныхъ поверхъ надутыхъ

мѣховъ, — способъ первобытный, изображенный еще на древнихъ ассирійскихъ памятникахъ; мѣха грузятъ потомъ на верблюдовъ и отправляютъ обратно вверхъ.

Немного южнѣе Багдада, наискось отъ него на Евфратѣ находятся развалины величайшаго города древности, Вавилона. Багдадъ и Вавилонъ расположены въ той части Двурѣчья, гдѣ Евфратъ приближается къ Тигру на разстояніи 50—30 верстъ. Весною во время наводненія обѣ рѣки сливаются вмѣстѣ и образуютъ одинъ широчайшій потокъ. За Вавилономъ рѣки опять расходятся, образуютъ новый островъ до своего соединенія въ Шатъ-эль-Арабъ, впадающій нѣсколькими рукавами въ Персидскій заливъ. Страна къ югу отъ Вавилона, когда-то прорѣзанная множествомъ каналовъ, соединявшихъ Тигръ съ Евфратомъ, Черная земля, какъ ее прозвали арабы, въ Библіи Сенааръ, была знаменитой житницей всей Передней Азіи. Теперь послѣ безконечнаго ряда разореній она производитъ самое унылое впечатлѣніе: въ ней смѣняются болота, пески и солончаки, а населеніе почти все состоитъ изъ нищихъ бедуиновъ, живущихъ въ жалкихъ тростниковыхъ шалашахъ. На ровной поверхности этого края однако не трудно замѣтить множество теллей, т.-е. плоскихъ холмовъ, которые составились изъ развалинъ и мусора когда-то цвѣтущихъ поселеній.

Здѣсь, на низовьяхъ Евфрата и Тигра, за пять тысячъ лѣтъ до нашего времени (около 3,000 лѣтъ до Р. Х.) жили низкорослые, большеголовые, носатые сумеры, изобрѣтатели клинообразнаго письма. Географическая картина края въ эту пору была совсѣмъ иная: тамъ, гдѣ сейчасъ течетъ Шатъ-эль-Арабъ и стоитъ городъ Басра, было море; на берегу залива, глубоко вдававшагося на сѣверъ, стоялъ сумерскій городъ Эриду, телль котораго затерянъ теперь въ пескахъ пустыни. Тигръ и Евфратъ впадали въ море раздѣльными устьями; вся страна между ними была разрѣзана искусственными водными путями на правильныя фигуры; на скрещеніяхъ стояли большіе поселки и помѣщались обширные склады запасовъ, зерна, плодовъ, шерсти, холста, орудій и т. д. Каналы были обведены широкими плотинами, по верху которыхъ проходили дороги, обсаженныя финиковыми пальмами. Отъ большихъ канализованныхъ

рукавовъ расходились мелкія и мельчайшія линіи дренажа. Громадныя наводненія двухъ рѣкъ вмѣсто того, чтобы производить разрушительный потопъ, превращались усиліями человѣка въ великую систему правильнаго орошенія. Здѣсь создалось впервые искусство садоводства. Встрѣчаясь потомъ съ великолѣпными тропическими парками востока, греки называли ихъ райскими садами (парадизами). Разсказъ Библіи о земномъ раѣ тоже имѣетъ основой воспоминанье о сказочной пышности насажденій Сенаара.

Самое поразительное въ культурѣ сумеровъ заключается, можетъ быть, въ томъ, что ихъ инженерныя и строительныя работы исполнялись при помощи каменныхъ орудій; бронзы было мало, желѣза совсѣмъ не знали. Не только въ техникѣ, но и въ устройствѣ хозяйства сумеры отличались отъ предковъ нашей культуры. Лучшія земли, поля, сады, огороды, пальмовыя рощи, лѣса, полные дичи, рыбныя озера и пруды были отписаны богамъ. Заправляли божьими имѣніями и брали себѣ лучшую долю князья, носившіе титулъ священниковъ (патеси). Крестьянъ въ нашемъ смыслѣ, живущихъ по отдѣльнымъ избамъ, не было. Рабочіе, ихъ старосты и всѣ вообще служащіе получали прокормленіе и одежду изъ большихъ общихъ магазиновъ. Въ центральной экономіи велись точные списки мужчинъ, женщинъ и дѣтей, считавшихся подъ опекой боговъ; на главномъ дворѣ, по билетикамъ въ видѣ глиняныхъ дощечекъ, имъ выдавались ежемѣсячныя порціи хлѣба и другихъ припасовъ. Слѣды этой старинной теократической коммуны остались потомъ въ практикѣ средневѣковой христіанской церкви. Самый богатый изъ князей-жрецовъ отправлялся въ священный городъ Ниппуръ, приносилъ подарки въ ризницу высшаго бога Бел-Эллиля, молился и гадалъ въ семиэтажномъ храмѣ его и, получивъ посвященіе, присвоивалъ себѣ титулъ царя четырехъ странъ свѣта.

Благополучіе южнаго края составило его проклятіе. Цвѣтущіе поля и сады, большіе запасы, накопленные трудолюбивымъ населеніемъ, привлекали жадность голодныхъ степныхъ племенъ. Хозяйственные правители сумерскихъ городовъ старались использовать силу дѣтей пустыни и отдавали имъ свой скотъ для пастьбы, не забывая вмѣстѣ

съ тѣмъ занимать ихъ веселыми, шумными, нарядными праздниками. Но къ пастухамъ, кочевавшимъ на окраинѣ Черной земли, стали присоединяться ихъ соплеменники, дикіе наѣздники, налетавшіе на верблюдахъ изъ глубины степей. Постепенно они собрались въ грозныя организаціи, опасныя для земледѣльцевъ и садоводовъ странъ, лежащихъ кругомъ большой Аравійской пустыни. Колоссальнымъ вѣеромъ разошлись изъ Аравіи племена кочевниковъ. Большой неукротимо-воинственный народъ Амурру, или амориты, послалъ завоевателей на востокъ къ Евфрату и на западъ, въ землю Ханаанъ; по разсказу Библіи, ихъ вожди, вавилонскій царь Амрафель (или Хаммураби), и праотецъ израильтянъ, Авраамъ, бились вмѣстѣ и дѣлили между собою добычу.

Степные завоеватели, въ бронзовыхъ шлемахъ и панцыряхъ, съ крѣпкими мечами и копьями, одолѣли ратниковъ, вооруженныхъ дубинами, каменными сѣкирами и костяными стрѣлками. Они сразу покорили обширныя пространства земли. Государство Хаммураби, сѣвшаго въ новомъ городѣ Вавилонѣ (около 2,000 г. до Р. Х.), было гораздо крупнѣе старинныхъ сумерскихъ областей. Степняки, въ качествѣ господъ, сохранили свою военную сплоченность. Дѣло вооруженія было у нихъ систематически поставлено. Въ особыхъ поселкахъ жили мастера-оружейники, составляя безпокойный притязательный цехъ, такъ что царь долженъ былъ устроить строгій присмотръ за ними и требовалъ личнаго доклада, если среди нихъ возникали безпорядки. Но больше всего приходилось главѣ государства заботиться о томъ, чтобы держать въ порядкѣ воинство и сохранять гвардію и ополченцевъ въ добромъ расположеніи духа: отсюда постоянные имъ подарки, выдачи изъ царской вотчины доходныхъ имѣній, назначеніе ихъ на должности завѣдующихъ складами, сборщиковъ пошлины и т. д. Число потребителей, и при томъ такихъ, которые сами ничего не производили, настолько увеличилось, что пришлось удвоить размѣры обработанной земли, провести новые большіе каналы и расширить сѣть сложной системы орошенія. На рабочій людъ, копавшійся въ землѣ, строившій сооруженія, легли еще горшія тягости;

но помимо того нужны были новыя и новыя массы крѣпостныхъ. Вавилонскіе цари, вышедшіе изъ степныхъ шейховъ, и безъ того непосѣдливые и воинственные, принялись опять за войны, цѣлью которыхъ былъ захватъ невольниковъ.

Вавилонское государство приняло капиталистическій обликъ. Отъ старой коммуны остались только большіе склады; кормленіе рабочихъ кончилось; имъ предоставили устраиваться собственнымъ хозяйствомъ. Властители внесли промышленный духъ въ дѣло управленія. Царь безцеремонно обошелся съ достояніемъ боговъ; присвоилъ себѣ ихъ богатыя ризницы, магазины запасовъ, ихъ сады и усадьбы, объявилъ себя самъ земнымъ богомъ и потребовалъ полной покорности отъ священниковъ, которые должны были поступить на его службу. Золото и серебро, лежавшія подъ спудомъ въ сумерскихъ храмахъ, правители рѣшили отдавать въ видѣ ссуды торговцамъ, которые отправлялись въ сосѣднія страны за металломъ для оружія, за строительнымъ деревомъ, за пряностями, за предметами роскоши и тонкостями туалета. Кредитовали странствующихъ купцовъ тамкары, чиновники, завѣдовавшіе царскими складами; правительство какъ бы устроило государственный банкъ со множествомъ отдѣленій. Для веденія финансовой отчетности, для вексельнаго обмѣна выработалась особая система письма. Писецъ быстро наносилъ тоненькой палочкой гвоздеобразные значки на дощечку изъ влажной глины; документъ вкладывался для сохранности въ глиняный конвертъ, на которомъ повторяли содержаніе расписки, векселя или обязательства; вмѣсто подписи служила именная печать, которую накатывали съ рѣзного бронзоваго или агатоваго цилиндра, надѣвавшагося на палецъ, какъ перстень.

Множество писцовъ сидѣло въ портикахъ рынка въ ожиданіи частныхъ сдѣлокъ, множество ихъ заполняло канцеляріи.

Правительство съ необыкновенной ревностью составляло правила и уставы для чиновниковъ и техниковъ, для военнослужащихъ, врачей, банкировъ, строителей, корабельщиковъ, агрономовъ и арендаторовъ земли, предписывало таксы товарныхъ цѣнъ и заработной платы, издавало без-

конечное множество рескриптовъ и циркуляровъ, посылало ревизоровъ и принимало отъ нихъ отчеты и т. д. Глава государства очень высоко цѣнилъ свои указы. На большой колоннѣ темнаго камня, гдѣ начертанъ кодексъ гражданскихъ и уголовныхъ установленій, Хаммураби называетъ себя «царскимъ отпрыскомъ вѣчности, солнцемъ Вавилона». Онъ изображенъ внимающимъ самому богу великаго небеснаго свѣтила, какъ бы царю надъ царемъ; впрочемъ, мудрость, изложенная отъ имени небесъ, весьма прозаична и носитъ вполнѣ свѣтскій характеръ. Въ вавилонскомъ строѣ есть классъ, жестоко обиженный: это—бывшіе владѣтели и властители, духовныя лица, которыя лишились не только богатствъ, но и всякаго подобія авторитета. Они по своему отомстили ограбившимъ ихъ мірскимъ владыкамъ: изобрѣли легенду о высокомѣрномъ царѣ, который помѣшался отъ гордыни и обратился въ животное, жадно поѣдавшее траву.

Вавилонъ за 2000 лѣтъ до Р. Х. былъ настоящимъ самодержавнымъ бюрократическимъ государствомъ во всемъ блескѣ его расцвѣта. Его формы и пріемы, податная система, ревизоры, тайное судопроизводство, откупа, канцелярское веденіе дѣлъ воспроизводились потомъ всюду, на востокѣ и на западѣ, у персовъ, грековъ, римлянъ, арабовъ, византійцевъ, германцевъ, турокъ, татаръ и русскихъ. Въ особенности сильное впечатлѣніе произвели на потомство символы древневосточной державы: корона въ видѣ священнической шапки и другая въ видѣ лученоснаго вѣнца, двуглавые и одноглавые орлы, тяжеловѣсный церемоніалъ двора съ земными поклонами, знаки отличія въ видѣ воспроизведенія звѣздъ небесныхъ; ко всему этому жадно тянулись римскіе и византійскіе Константины, Львы и Михаилы, германскіе Карлы, Оттоны и Фридрихи, московскіе Иваны и Василіи.

Пока рабочіе Черной земли, безъ всякаго просвѣта въ будущемъ, строили, копали канавы, пахали и отвозили урожаи въ склады, наверху мѣнялись господа и въ неистовыхъ бояхъ истребляли другъ друга. Тысячу лѣтъ спустя послѣ Хаммураби, самыми сильными воителями Передней Азіи были ассиріяне, представители желѣзнаго вѣка, смѣнившаго брон-

зовый. Ассиріяне, похожіе во многомъ на позднѣйшихъ римлянъ, мускулистые и мрачные, закованные въ металлъ, образовали профессіональное воинство; они—въ нѣкоторомъ смыслѣ родоначальники того способа неумолимой истребительной войны, котораго держатся сейчасъ европейцы. Картины и скульптуры ассирійскихъ дворцовъ увѣковѣчили походы, поразительные по быстрой мобилизаціи, проведенію великолѣпныхъ военныхъ дорогъ, подвозу артиллеріи и уничтоженію неприступныхъ крѣпостей. Въ качествѣ безпощадныхъ эксплоататоровъ богатства и труда ассиріяне превзошли всѣхъ своихъ предшественниковъ. Уже вавилонскіе цари казались мало почтительными къ богамъ; ассирійскіе султаны—большею частью дерзкіе и циничные нечестивцы и иконоборцы, много разъ грабившіе храмы Вавилона и другихъ священныхъ городовъ, вѣчно въ ссорѣ съ церковной іерархіей, часто подъ ея отлученіями и проклятіями. Такъ какъ новую военную громаду должна была кормить все та же неистощимая Черная земля, воители заставляли копать новые каналы, переселяли изъ покоряемыхъ странъ толпы невольниковъ, среди нихъ массы евреевъ; эти колоссальныя эвакуаціи были началомъ разсѣянія народа іудейскаго.

Въ эпоху желѣзнаго вѣка у степняковъ, напиравшихъ съ юга изъ Аравійской пустыни, появились опасные соперники въ лицѣ горцевъ Средней Азіи, лихихъ наѣздниковъ и стрѣлковъ, впервые примѣнившихъ для военной цѣли прирученную ими дикую лошадь. Передъ этими горными номадами, среди которыхъ рано появляются монголоидные турки, широкой дорогой открывались плоскогорія Ирана, Арменіи, Малой Азіи. Опираясь на полчища кавалеріи горцевъ, Киръ и Дарій Гистаспъ основали громадную персидскую державу, простиравшуюся отъ Самарканда и Кашмира въ Средней Азіи до Триполи въ Африкѣ, Македоніи и Предкавказья въ Европѣ; ея главными рессурсами были двѣ житницы тогдашняго міра—Черная земля Двурѣчья и Нильская долина.

Лишь на короткій срокъ европейцы, въ лицѣ Александра Македонскаго и его генераловъ, завладѣли Двурѣчьемъ. Туркообразные парѳяне скоро отвоевали у грековъ Черную

землю; ни римляне, ни византійцы не могли потомъ вернуть обладаніе богатымъ краемъ. Евфратъ сталъ границей восточныхъ имперій, отрѣзавшихъ себя отъ Европы. Арабы и турки продвинули эту границу потомъ еще дальше на западъ до Средиземнаго моря, Атлантическаго океана, Карпатъ и Днѣпровскихъ пороговъ.

На свѣтѣ, кажется, нѣтъ другой страны, которая бы въ такой мѣрѣ, какъ Двурѣчье, была театромъ непрерывныхъ войнъ и въ то же время желанной добычей завоевателя. Счастливые побѣдители всякій разъ пытались залечить раны, нанесенныя нашествіемъ, возстановить плотины и оросительную систему, прикрѣпить къ землѣ новыя массы рабочихъ. Несмотря на эти усилія, край съ извѣстнаго момента сталъ неудержимо итти къ своему разоренію. Вырубленные райскіе сады, финиковыя рощи и аллеи погибали безвозвратно. Тамъ, гдѣ разбиты были плотины и шлюзы, вода застаивалась въ громадныхъ болотахъ; сосѣдніе, выше лежавшіе участки засыпались пескомъ пустыни. Еще страшнѣе было психическое и моральное воздѣйствіе войны. Доведенное до отчаянія, измученное поборами, рабочее населеніе стало разбѣгаться; многіе присоединялись къ толпамъ степныхъ и горныхъ рыцарей, обращались въ ихъ военныхъ слугъ, составляли шайки разбойниковъ, наконецъ, предпочитали жизнь бездомныхъ бродягъ безплодной и тяжелой работѣ. Нищенство сдѣлалось идеаломъ безпечальнаго быта, почетнымъ «святымъ» званіемъ; такъ возникло восточное пустынничество и монашество. Съ другой стороны ремесленный и торговый людъ, жестоко утѣсняемый захватами завоевателей, старался укрыть отъ нихъ свои сбереженія. Для этой цѣли представители промышленнаго труда, а также ученые, художники, врачи, преподаватели, адвокаты складывались въ тѣсные союзы и окружали себя религіозной тайной. Таково было начало іудейскихъ общинъ «разсѣянія», а потомъ христіанскихъ церквей.

Въ великой тайной организаціи первое мѣсто заняли епископы, управлявшіе соединенными имуществами всѣхъ, кто укрывался отъ хищнаго государства. На нихъ, отвѣтственныхъ за общее достояніе, обрушивалось время отъ времени преслѣдованіе свѣтской власти; правительство въ

восточныхъ имперіяхъ держалось другой вѣры, сначала огнепоклонства (въ ново-персидскомъ государствѣ Сассанидовъ), потомъ, съ приходомъ арабовъ, ислама. Въ этихъ преслѣдованіяхъ религіозная ревность была ни при чемъ: они имѣли въ виду финансовую цѣль—собрать новую добычу, разстроить корпорацію, прятавшую капиталы. Такъ сложился на востокѣ тотъ строй, который и до сихъ поръ характеризуетъ Турцію; господствующій классъ—дворъ, чиновники, войско—держится одной религіи, подчиненное рабочее населеніе, въ особенности промышленный слой, принадлежитъ къ исповѣданію презираемому, преслѣдуемому. Въ этомъ глубокомъ расхожденіи сказывается слабость государства и отсутствіе въ немъ предпринимательской энергіи; оно, составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ результатъ долгого и непрерывнаго расхищенія богатѣйшаго края, который сдѣлался одной изъ самыхъ заброшенныхъ и несчастныхъ странъ на свѣтѣ.

Въ новѣйшее время, германцы, соединяя въ себѣ воинственный задоръ ассиріянъ, финансовую предпріимчивость и бухгалтерскую точность вавилонянъ, жадно устремились на пустынный, мертвый Востокъ. Ихъ мечтою стало водвориться въ сонной, апатичной Турціи, возстановить оросительныя сооруженія Двурѣчья, направить капиталы на разработку въ приевфратской равнинѣ рисовыхъ и хлопчатобумажныхъ плантацій, а, главное, соединить весь край съ Европой большимъ желѣзнодорожнымъ путемъ, который долженъ будетъ пройти черезъ Вѣну, Софію, Константинополь, Малую Азію, Мосулъ и Багдадъ до Персидскаго залива. Съ ученой ревностью и систематичностью, на которую нѣмцы способны, принялись они за изученіе стариннаго земного рая, его географіи и археологіи. Дѣтское тщеславіе не разъ примѣшивалось къ капиталистической жадности, и въ Германіи упивались, напримѣръ, такой перспективой: курьерскій поѣздъ останавливается на берегу стремительнаго и ревущаго Тигра, нѣмецкій кондукторъ соскакиваетъ на платформу и звонко кричитъ: «станція Ниневія!»

Повидимому, этой мечтѣ о германовавилонской имперіи нынѣшняя война положитъ конецъ.

НАКАНУНѢ ЖЕНСКАГО ОСВОБОЖДЕНІЯ.

I.

Въ глазахъ историка, современное движеніе женщинъ къ свободѣ и равенству правъ съ мужчинами вовсе не есть пріобрѣтеніе новаго вѣка, до котораго не могли додуматься люди прежнихъ варварскихъ временъ. Оно скорѣе представляется возвратомъ стариннаго, забытаго уклада жизни, запоздалымъ возстановленіемъ справедливости. На урокахъ исторіи мы всѣ учили о вѣщихъ пророчицахъ древности, къ спасительному слову которыхъ въ тяжелыя минуты обращались цѣлые народы; едва ли однако наше вниманіе останавливалось на необычайности этого факта признанія женщины высшимъ существомъ. Учили мы и о колдовскихъ процессахъ Средневѣковья, когда сотнями и тысячами сожигали женщинъ разнаго возраста въ качествѣ вѣдьмъ, и опять едва ли приходилось задумываться надъ тѣмъ обстоятельствомъ, что преслѣдованіе женскаго колдовства было послѣдней и страшной расправой одолѣвшей организаціи мужчинъ, которые въ бѣшеномъ натискѣ истребили прежнихъ владычицъ жизни и хранительницъ знаній. А между тѣмъ костры несчастныхъ женщинъ, большею частью самыхъ даровитыхъ, самыхъ глубокихъ и оригинальныхъ, были концомъ цѣлой культуры.

Эта культура погибла окончательно, и слѣды ея стерты. Правда, этнологи XIX в. открыли материнское право древности. Но имъ все еще плохо вѣрятъ; все еще кажется, что преобладаніе женщинъ въ старину было связано съ первоначальной ордой, съ грубымъ стаднымъ бытомъ и т. п. Долгое господство мужчинъ, ихъ ослѣпительнаго искусства и острой, стремительной науки, ихъ блестящей

и жестокой государственности заставило забыть о своеобразной глубокой жизненной мудрости женщинъ, ихъ необычайномъ общественно-педагогическомъ тактѣ, ихъ тонкомъ проникновеніи въ тайны окружающаго міра. Документовъ великой женской организаціи не осталось или, лучше сказать, они имѣются, но ихъ надо умѣть разыскать и прочитать. Не одинъ изъ насъ скажетъ, что въ близкихъ ему женщинахъ, въ своей матери, въ своей подругѣ жизни онъ встрѣтилъ то необыкновенное существо, то чудо природы, какимъ была для стариннаго народа его мудрая, прекрасная пророчица. У насъ не хватило бы красокъ, словъ и понятій для характеристики ихъ высокаго интеллекта, ихъ сложнаго нѣжнаго душевнаго склада: одно мы чувствуемъ,—что онѣ принадлежатъ какому-то другому міру. Да это такъ и есть. Онѣ намъ свидѣтельницы того строя жизни и понятій, который наша мужская культура разрушила.

Когда мужская вольница впервые заявила себя въ дерзкихъ, предпріимчивыхъ дружинахъ съ ихъ искусными пѣвцами, и оружейниками, впереди рисовалась новая жизнь, болѣе интересная и широкая; ея принципъ гласилъ—«борьба за существованіе!» И затѣмъ пошло безъ конца: войны, изобрѣтенія, состязанія въ мастерствѣ, спѣхъ и напряженность; слава побѣдителю, нѣтъ пощады отстающему; частая смѣна впечатлѣній, все впередъ и впередъ, никогда нѣтъ остановки. За то если успѣхъ сорвется,—полное отчаяніе, отказъ отъ благъ жизни и отъ труда, проклятіе всему на свѣтѣ. Великолѣпная техника, но въ конечномъ счетѣ удерживается только то, что служитъ силѣ. Женщина въ этомъ вихрѣ борьбы сведена на одинъ изъ предметовъ обихода: она—или полезное домашнее орудіе, или красивая игрушка, или, если властители почувствуютъ пресыщеніе, она внезапно будетъ объявлена сосудомъ дьявола и корнемъ всѣхъ золъ и грѣховъ земныхъ.

Вѣкъ односторонней мужской культуры былъ долгій, блестящій, яркій и страшный. Міръ гремитъ славой дивныхъ ея художественныхъ и научныхъ твореній, ея машинъ, ея оружія. Въ одной только области мужской умъ не сумѣлъ создать ничего прочнаго—въ области устроенія

общества, гдѣ надо было примирять страсти, влеченія и интересы людскіе. Здѣсь вѣчно шла перестройка и новое разрушеніе; наростали ставки борьбы и орудія внезапнаго истребленія. Въ видѣ утѣшенія по временамъ сочиняли утопіи и при этомъ силились вспомнить какую-то потерянную старину, возстановить въ мысляхъ земной рай. Безпокойные воители не ошибались; воображаемая ими старина реально существовала; только она была связана съ другой организаціей, гдѣ главную силу составляли женщины, обладавшія тайной сохраненія жизни. Съ тѣхъ поръ ихъ отодвинули отъ общественнаго дѣла, заперли въ отдѣльные дома и семьи, разрознили ихъ силы, умертвили ихъ соціальные таланты. Но въ критическій моментъ, подобный нынѣшнему, онѣ могутъ, онѣ должны выступить. Историкъ опять готовъ вспомнить, что нѣчто подобное было, правда, въ меньшихъ размѣрахъ, но въ достаточно яркихъ формахъ.

Въ концѣ V вѣка до Р. X, въ античной Греціи кипѣла жестокая истребительная война, угрожавшая всему, что было достигнуто работой и искусствомъ многихъ даровитыхъ и трудолюбивыхъ поколѣній. Люди одной расы и культуры, раздѣлившись на два лагеря, распались во взаимномъ истребленіи, и мысли ихъ сосредоточены были только на одномъ: добиться окончательной гибели противника. Среди безконечныхъ морскихъ экспедицій и сухопутныхъ походовъ, среди дипломатическихъ хитростей и обмановъ, среди проектовъ новыхъ и новыхъ разрушительныхъ набѣговъ, неожиданно раздается необычный голосъ— голосъ женщинъ, призывающихъ къ миру и убѣжденныхъ въ возможности осуществить справедливый соціальный порядокъ.

Сколько позволено судить по двумъ выдающимся писателямъ эпохи Пелопонесской войны, Эврипиду и Аристофану, въ греческомъ обществѣ начинается движеніе къ эмансипаціи женщинъ. Каждый изъ нихъ беретъ на себя особую спеціальность въ защитѣ правъ забитой, отодвинутой, порабощенной половины рода человѣческаго.

Эврипидъ—драматургъ мрачнаго романтическаго темперамента, склонный въ преувеличеніямъ и рѣзкимъ контрастамъ. Онъ ищетъ глубокихъ скрытыхъ страданій и нахо-

дитъ ихъ въ интимной жизни женщинъ. Вотъ—существа, о душевныхъ волненіяхъ которыхъ никто не безпокоится, а между тѣмъ ихъ переживанія и составляютъ самое цѣнное для психолога, это и есть кладъ подлинной человѣчности. Любопытно, что въ дошедшихъ до насъ драмахъ Эврипида мужчины большею частью являются резонерами или пассивными, даже вводными лицами, зато почти во всякой трагедіи есть героиня, центральная личность драматическаго дѣйствія. Мужской міръ въ глазахъ Эврипида, какъ бы погруженъ въ обыденность: здѣсь нечего искать новаго, красиваго, сильнаго. Напротивъ, поэтъ готовъ безъ конца разрабатывать мотивы богатой, но непризнанной натуры женщины.

У Эврипида идетъ открытая борьба съ женоненавистниками. Въ трагедіи «Ипполитъ», гдѣ весь драматизмъ сосредоточенъ на пораженной страстью Федрѣ, выведенъ въ заглавной роли добродѣтельный аскетъ, фанатикъ злой теоріи, объявляющей женщину источникомъ грѣха и соблазна на землѣ. Молодой проповѣдникъ гремитъ и обличаетъ: обыкновенныя жены и дѣвушки въ его глазахъ—пустыя и тщеславныя куклы, предметъ безпокойства и нелѣпыхъ хлопотъ для мужчины; но еще хуже образованныя женщины, которыя вмѣшиваются въ то, что имъ знать не надлежитъ. Сколь сильно распространены эти теоріи, видно изъ признанія самой Федры; страдая въ своемъ одиночествѣ, боясь повѣрить кому-либу тайну своей любви къ пасынку, она говоритъ: «вѣдь я знаю, что въ качествѣ женщины я — предметъ общей ненависти». Въ отвѣтъ на яростныя нападки господъ положенія Эврипидъ отвѣчаетъ гордыми словами, которыя для контраста вложены въ уста нянюшки Федры, простой, безхитростной женщины, слабой и пожилой: «осмѣлься любить, — говоритъ она — божество этого хочетъ; ты считаешь зломъ страсть, которая пожираетъ тебя, а она создана для твоего счастья».

Увлекаясь защитой, Эврипидъ пытается по новому перетолковать романъ прекрасной Елены, прослывшей за типъ невѣрной жены. Да, кровопролитіе Троянской войны совершилось изъ-за похищенной красавицы; изъ-за обладанія ею совершено много преступленій, герои безумствовали, истребляли другъ друга. Но вѣдь сама героиня ни въ чемъ

не виновата; женщина-кумиръ—чистѣйшая фантазія ослѣпленныхъ мужчинъ. Елены даже не было въ Троѣ; тамъ былъ вмѣсто нея обманчивый призракъ. Унесенная чудомъ въ Египетъ, прекрасная царица осталась вѣрной своему Менелаю, тоскливо дожидалась его на чужбинѣ, отвергла блестящія предложенія мѣстнаго царя и встрѣтила чистой, незапятнанной своего супруга, обратившагося тѣмъ временемъ въ жалкаго изгнанника. Нельзя сказать, чтобы эта фабула отличалась большимъ вкусомъ, но здѣсь важна тенденція, попытка во что бы то ни стало оправдать именно ту женщину, на которой тяготѣетъ историческое обвиненіе.

Та же мысль въ рядѣ другихъ драмъ. Эврипидъ хочетъ сказать: напрасно мужчины воображаютъ, что у женщинъ на умѣ только кокетство, что онѣ въ любви ищутъ только смѣны впечатлѣній. Ихъ любовь, правда, сильное, всеохватывающее чувство; ради него онѣ способны забыть все, свое общественное положеніе, богатство и удобства, царскій санъ и почетъ, готовы жертвовать родиной и семьей; но вся сила женской любви направлена на одного единственнаго, она въ то же время—вѣрность, преданность, безконечная и безраздѣльная. Эта любовь великая заставляетъ Алькесту, молодую цвѣтущую женщину, пойти на смерть, чтобы спасти горячо любимаго мужа и сохранить ему жизнь.

Во многихъ драмахъ Эврипида намѣренно рѣзко противопоставлены: богатая, кипучая личность героини и безпомощность, вялость, почти тупость героя. Вотъ, напр., Менелай заброшенъ бурей на берегъ Египта, гдѣ пребываетъ вѣрная ему Елена. Имъ надо бѣжать, но у нихъ нѣтъ ничего, ни корабля, ни людей; мѣстный царь, распаленный страстью къ Еленѣ, немедленно убьетъ чужестранца, какъ только замѣтитъ его прибытіе. Въ этомъ невѣроятно трудномъ положеніи героиня обнаруживаетъ геніальную изворотливость; ей принадлежитъ планъ сложнаго обмана, исполненіе котораго она начинаетъ съ раздирательной картины смерти перваго мужа; затѣмъ она очаровываетъ влюбленнаго неожиданной, притворной лаской, опутываетъ его краснорѣчіемъ, блистательно играетъ роль глубоко опечаленной

жены, при чемъ не жалѣетъ срѣзать свои золотыя кудри; такъ ей удается добыть корабль для совершенія погребальной жертвы на морѣ, забрать на него Менелая, въ качествѣ нищаго, и спастись. Самому Менелаю не приходитъ въ голову ни одной счастливой идеи; онъ—только исполнитель, почти статистъ въ пьесѣ, разыгранной его умнѣйшей женой, по временамъ способный безтактнымъ выступленіемъ испортить то, что она наладила.

Трагедія «Гекуба» построена на контрастѣ, еще болѣе рѣзкомъ. Какъ жалки побѣдители Трои, всѣ эти Агамемноны, Одиссеи передъ двумя слабыми плѣнницами, Гекубой и ея дочерью Поликсеной, которая обречена на жертву тѣни Ахилла, чтобы снискать попутный вѣтеръ для греческаго воинства! Одиссей тутъ представленъ сухимъ формалистомъ, чиновникомъ, передающимъ чужое рѣшеніе и не смѣющимъ имѣть собственныя чувства. На фонѣ сѣрыхъ, безличныхъ, почти комическихъ фигуръ грековъ двѣ троянки встаютъ точно чистыя, мраморныя изваянія богинь.

Въ драмѣ «Медея»—большое судебное состязаніе между мужемъ и женой. Язонъ избѣгъ смертельной опасности и совершилъ великіе подвиги помощью волшебнаго знанія дѣвушки, которая послѣдовала за нимъ, бросивъ родину и стараго отца. У Язона отъ Медеи уже двое дѣтей, но герой недоволенъ связью съ иностранкой, онъ хочетъ поправить свое положеніе въ Греціи, породниться съ богатымъ коринѳскимъ царемъ; юридически ничѣмъ не стѣсненный, онъ открыто готовится къ новому браку. Эврипидъ заставляетъ обоихъ, и Медею, и Язона, произнести защиту своего поведенія. Говорятъ два искусныхъ адвоката. Одинъ развиваетъ расчеты и взгляды практичнаго, прозаическаго мужа; у него все понятно и все мелко, низменно до послѣдней степени. Другой устами покинутой жены говоритъ отъ имени оскорбленной человѣчности; для нея нѣтъ въ жизни ничего выше чувствъ любви и дружеской вѣрности. «Позорность твоего поступка станетъ еще ярче, говоритъ Медея, если я напомню, чѣмъ былъ ты для меня, и какое безмѣрное счастье ты мнѣ далъ... Великій Боже, отчего Ты указалъ намъ способы различать чистое золото отъ

фальшиваго, и отчего въ чертахъ человѣческихъ Ты не даешь отличія злодѣя отъ добраго?»

Всѣ привыкли смотрѣть на бракъ съ точки зрѣнія правъ мужа. Эврипидъ заставляетъ взглянуть со стороны переживаній женщины, подвергающейся риску и опасности, осужденной на рѣшеніе своей судьбы силой слѣпой случайности. Медея говоритъ: «изъ всѣхъ существъ, одаренныхъ жизнью и мыслью, женщины самыя несчастныя. Прежде всего имъ приходится покупать себѣ дорогой цѣной мужа и получать за деньги господина своего тѣла; послѣднее зло хуже перваго, вѣдь ей предстоитъ трудное испытаніе, которое покажетъ, хорошъ или дуренъ этотъ господинъ. Помните, что разводъ считается позорнымъ для женщины; она не имѣетъ права уйти отъ мужа, а онъ можетъ ей отказать. И вотъ, начиная новую жизнь, ей нужно обладать волшебнымъ даромъ, чтобы проникнуть въ тайны того, чему не могли научить ее въ отцовскомъ домѣ, постигнуть, что за существо суженый ея. Если, выдержавши это испытаніе, мы окажемся въ союзѣ съ такимъ мужемъ, который терпѣливо несетъ бремя супружества, наша участь достойна зависти; если же этого нѣтъ, то гибель намъ. Вѣдь когда мужчина начинаетъ тяготиться семейнымъ очагомъ, ему можно свободно уходить и разгонять свою скуку, у него общество друзей и товарищей одного съ нимъ возраста. А намъ, намъ остается только уйти въ нашъ внутренній міръ. Они говорятъ, что мы дома ведемъ жизнь, свободную отъ опасностей, тогда какъ они бьются желѣзомъ. Пустыя это рѣчи! Я бы хотѣла лучше съ оружіемъ въ рукахъ трижды глядѣть въ лицо смерти, чѣмъ одинъ разъ мучиться родами».

Медея, ослѣпленная гнѣвомъ и местью, совершаетъ потомъ тяжкія преступленія, отравляетъ свою соперницу и ея отца, убиваетъ собственныхъ дѣтей, и все же поэтъ возвеличиваетъ ея образъ. Ей дано торжество въ концѣ пьесы, когда она появляется волшебницей въ облакахъ и произноситъ приговоръ надъ Язономъ; какъ бы прощенная небесами, она объявляетъ ничтожному мужу, что людямъ, ему подобнымъ, нѣтъ хорошей желанной смерти, ихъ участь— жалкая безславная старость. Для великихъ женщинъ Эври-

пидъ приберегаетъ и особенныя чудеса. Его Алькеста удостоивается неслыханнаго новаго подвига Геракла: онъ отбиваетъ героиню у самой смерти и возвращаетъ ее мужу. Его Медея, точно сверхчеловѣкъ, стоитъ выше всякой морали; такъ могущественна, такъ прекрасна въ своей гордости ея личность!

II.

Младшій современникъ Эврипида, Аристофанъ совсѣмъ иначе принимается за женскій вопросъ. Интересно, что оба апологета существа женщины оказываются въ глубокомъ разладѣ между собою. Вопросъ такъ сложенъ, что можно рѣзко разойтись даже въ формахъ защиты. Изъ дошедшихъ до насъ одиннадцати комедій Аристофана, три выдвигаютъ женщинъ въ необыкновенно самостоятельной роли и больше того—въ крайне выгодномъ освѣщеніи.

Въ «Участницахъ Ѳесмофорій» Аристофанъ представляетъ возмущеніе женщинъ противъ Эврипида за его клевету на нихъ, за то, что онъ приписалъ имъ дикія страсти, противообщественныя чувства и т. д. Въ сущности Аристофанъ устраиваетъ тутъ руками женщинъ литературно-критическій костеръ Эврипиду, высмѣивая склонность поэта къ раздирательнымъ сценамъ и кричащему реализму, обвиняя его въ сантиментализмѣ, фальши и ходульности. Помимо этой общей насмѣшки, замѣтно, что Аристофанъ осуждаетъ Эврипида за неумѣлую въ его глазахъ апологію женщинъ. Передъ нами забавное состязаніе двухъ восхвалителей женщинъ.

Аристофану не нравятся эврипидовскія сцены женской ревности, мести, неутолимой любви; его смѣшитъ изображеніе роковыхъ страстей, сожигающихъ хрупкое существо женщины. Это все хитрые фокусы драматурга, который любитъ выводить для эффекта героевъ своихъ въ нищенскихъ лохмотьяхъ, показывать язвы и окровавленные члены тѣла, заставляетъ ихъ испускать вопли и стоны, источать обильныя слезы. Но Аристофанъ нападаетъ на феминизмъ Эври-

пида не потому, что самъ бы онъ желалъ вернуть женщину къ старому прозаическому и подчиненному положенію у домашняго очага, въ кухнѣ и дѣтской, а потому, что онъ въ ней цѣнитъ тонкій и благородный умъ, глубокій здравый смыслъ, чутье правды — качества, которыя готовы потерять мужчины, ушедшіе съ головой въ борьбу за существованіе. Женщина — вовсе не жертва своихъ чувствъ, ея умственныя дарованія вовсе не сводятся къ одной только хитрости, внушаемой любовью; въ женской натурѣ заложено нѣчто гораздо лучшее и большее, она и есть жизнесохраняющій элементъ общества.

Въ комедіи «Лизистрата» Аристофанъ съ неожиданной смѣлостью и силой изображаетъ протестъ женщинъ, поднявшихся противъ истребительной междоусобной войны. Намъ трудно рѣшить, гдѣ начинается фантазія поэта, и какія основанія для нея давала дѣйствительность. Но вѣдь нѣтъ дыма безъ огня. Въ средѣ женщинъ происходило движеніе, и движеніе не малое; поэтъ взялся за его истолкованіе, и вотъ что у него получилось.

Для прекращенія войны сошлись женщины враждующихъ общинъ, аѳинянки, спартанки, беотійки; организуетъ движеніе аѳинская гражданка Лизистрата, умница, неутомимо-твердая, спокойный, чудесный характеръ; въ ея изображеніи Аристофанъ не позволилъ себѣ ни малѣйшей ироніи. Сюжетъ построенъ на обычномъ у Аристофана буффѣ: женщины рѣшаютъ донять мужчинъ отказомъ въ исполненіи супружескихъ обязанностей, отчего получается рядъ забавныхъ положеній. Страннымъ образомъ эта комедія оказалась чуть ли не самой живучей изъ пьесъ Аристофана; ее давали на сценѣ въ Германіи, во Франціи, она была издана отдѣльно съ фривольными картинками. Новѣйшіе театралы видѣли въ ней лишь одну сторону, фарсъ. Намъ кажется, однако, что такое отношеніе къ «Лизистратѣ» несправедливо. Въ ней есть, помимо буффонады, очень серьезная, хочется сказать, возвышенная сторона.

Замѣчательно уже то, какъ поэтъ распредѣлилъ рѣчи между мужчинами и женщинами. Между послѣдними есть нѣсколько наивныхъ и недогадливыхъ; но собственно всѣ пошлости, всѣ тупыя, упрямо-глупыя заявленія произно-

сятъ мужчины. Аристофанъ хочетъ сказать, что только у женщинъ и остался еще разумный взглядъ на вещи. Онъ помѣстилъ въ пьесу діалогъ, поразительный въ смыслѣ политическаго дерзанія, гдѣ предводительница женщинъ пристыжаетъ своей простой и возвышенной рѣчью аѳинскаго пробула, т.-е. члена высшаго государственнаго совѣта.

Женщины заняли городскую цитадель и завладѣли казной. Пробулъ, туповатый, самоувѣренный политикъ, недоумѣваетъ, что онѣ будутъ дальше дѣлать. *Пробулъ:* «Что вы понимаете въ управленіи деньгами». *Лизистрата:* «А кто же управляетъ домашней казной?» *Пробулъ:* «Да вѣдь это совсѣмъ другія деньги, онѣ для войны!». *Лизистрата:* «А вотъ мы войну прекратимъ». *Пробулъ:* «Развѣ вы способны распутать всѣ сложныя затрудненія Греціи, примирить всѣ противорѣчивыя желанія?». *Лизистрата:* «Насъ научило искусство распутывать шерстяные клубки». *Пробулъ:* «И вы надѣетесь трудное дѣло государственности разрѣшить своимъ шерстянымъ и клубочнымъ мастерствомъ?» *Лизистрата:* «А вотъ слушай. Сначала надо сырую шерсть вымыть, согнать весь соръ и грязь съ народа, выколотить изъ него проклятую нечисть, которая въ немъ загнѣздилась, всѣ шипы и колючки. Потомъ надо разбить то, что комьями прилипло къ государственнымъ должностямъ, растянуть по волоскамъ и обрѣзать имъ концы. Чесать надо шерсть гребнемъ свободнымъ и мягкимъ и вплетать въ нитку всѣхъ—и пріѣзжихъ къ намъ торговыхъ людей, и нашихъ союзниковъ, и всѣхъ чужихъ, кто намъ преданъ, и всѣхъ задолжавшихъ государству, и всѣ города, что на востокѣ и на западѣ основаны землей нашей, что лежатъ раскиданными, какъ клочья шерсти. Все соберите старательно, принесите и сплетите вмѣстѣ; будетъ большой клубокъ, изъ него сотките народу плащъ». *Пробулъ:* «Не глядѣли бы глаза мои, какъ вы тутъ стираете и чешете, а вѣдь война васъ совсѣмъ не касается!». *Лизистрата:* «Что ты говоришь, жалкій человѣкъ! Мы вдвойнѣ отъ нея страдаемъ, мы, родившія сыновей нашихъ въ мукахъ, отдаемъ ихъ на жертву воинѣ!».

Аристофанъ не случайно захватилъ тему о томъ, что женщины призваны спасти общество, погибающее отъ вой-

ны всѣхъ противъ всѣхъ. Двадцать лѣтъ спустя, послѣ «Лизистраты» онъ пишетъ комедію «Женщины въ народномъ собраніи», гдѣ опять представлена смѣна мужского правленія женскимъ. Въ этой позднѣйшей пьесѣ вопросы поставлены шире, соціальная проповѣдь, вложенная въ уста женщины, носитъ еще болѣе идеалистическій характеръ. Героиня, именемъ Праксагора (буквально «проповѣдница дѣла»), обѣщаетъ аѳинянамъ такую реформу, въ силу которой исчезнетъ бѣдность и нищета, не будетъ больше обмана и завидованія чужому счастью, не будетъ злобной борьбы партій.

«Не мѣшайте мнѣ развить мою рѣчь, пока вы не поймете весь планъ реформы въ цѣломъ. Какъ мнѣ кажется, все должно стать общимъ достояніемъ, и всякій долженъ быть въ правѣ имъ пользоваться. Прочь порядокъ, въ которомъ одинъ богатъ, другой нищій, одинъ владѣетъ обширными имѣніями, а у другого нѣтъ мѣста даже для могилы, у одного цѣлая армія рабовъ, а у другого нѣтъ ни одной услужающей души. Нѣтъ, пусть всѣ раздѣляютъ одинаково участь, пусть всѣ живутъ настоящей общиной. Прежде всего я обращу въ общее достояніе поля, а затѣмъ деньги и остальные виды владѣнія. Изъ этой общей сокровищницы мы, женщины, будемъ кормить и одѣвать васъ, мужчинъ, мы будемъ управлять старательно и бережливо и во всемъ давать отчетъ». Обыватель, слушающій коммунистическую проповѣдь, возражаетъ Праксагорѣ: «Что вы сдѣлаете, если богачъ скроетъ отъ васъ свое золото и серебро, не дастъ его въ общую казну? Вѣдь и сейчасъ съ него ничего не получишь!». Пропагандистка отвѣчаетъ: «Да, такъ было до реформъ; но съ проведеніемъ общности имуществъ, утаиваніе частныхъ средствъ станетъ невыгоднымъ. Вѣдь не будетъ больше бѣдныхъ, и никто изъ-за бѣдности не станетъ служить другому, у всѣхъ будетъ всего вдосталь».

Обыкновенно Аристофана считаютъ писателемъ несерьезнымъ, «безсознательно» отражающимъ различныя теченія современности. Онъ будто только способенъ хохотать при видѣ ученыхъ женщинъ, требующихъ равноправія и возвѣщающихъ коммунизмъ. Его общность владѣнія и дли-

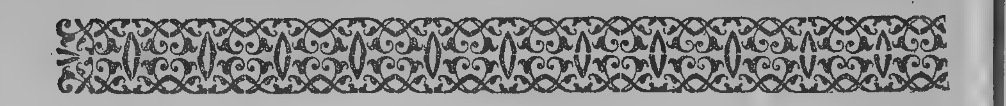
новолосыя дамы въ большомъ политическомъ собранiи,— все это будто бы только комическiе элементы, дающiе случай представить что-то въ родѣ веселаго дома сумасшедшихъ. Нечего и говорить, что такой взглядъ на Аристофана глубоко невѣренъ. Въ изображенiи Лизистраты и Праксагоры комикъ не позволилъ себѣ ни однаго насмѣшливаго намека. Онъ хочетъ, чтобы проповѣдницѣ не мѣшали досказать ея планъ реформы до конца. Реплики мужчинъ своей мелочностью и несуразностью лишь ярче выдѣляютъ идеалистическiй тонъ соцiальнаго монолога, произносимаго женщиной. Симпатiи его очень ясно видны, и онъ не хочетъ ихъ скрывать. Онъ тонко подмѣтилъ одну своеобразную черту выступленiя женщинъ; онѣ вѣрятъ безраздѣльно въ новый идеалъ соцiальной справедливости; онѣ принимаютъ его со всѣми послѣдствiями; для того, чтобы истребить злой эгоизмъ, онѣ готовы пожертвовать индивидуальными семьями и ввести общее воспитанiе дѣтей.

Можно представить себѣ, по картинамъ Аристофана, что происходило въ дѣйствительной жизни. Долгая междоусобная война привела массы хозяйствъ, къ разстройству семейнаго быта; для множества женщинъ явилась необходимость искать самостоятельнаго заработка. Многiя изъ нихъ очутились теперь лицомъ къ лицу съ общественной жизнью, отъ которой онѣ были загорожены дѣятельностью мужчинъ—и хозяйственной, и политической. Но имъ пришлось выступить въ моментъ тяжелаго общественнаго кризиса, среди разоренiя и упадка энергiи, когда часть мужской интеллигенцiи была захвачена разочарованiемъ и ударилась въ апатiю; обширные круги стали уходить въ какой-то монашескiй бытъ, уклоняться отъ тяжкаго труда, предпочитая святое бродяжничество и тихую созерцательную жизнь. Женщины, пришедшiя на арену соцiальной борьбы со свѣжими силами и неиспорченной фантазiей, скорѣе были способны отдаться идеалистическому коммунизму и увѣровать въ его спасительность.

Коммунистическое ученiе испытало при этомъ своеобразную судьбу. Оно родилось въ средѣ тихихъ интеллигентныхъ отшельниковъ и аскетовъ, ушедшихъ отъ куль-

туры и связанной съ нею систематической работы. Ихъ коммунизмъ былъ долей нирваны, мистическаго небытія, котораго они искали. Они разсуждали согласно давнишней и всегдашней мужской логикѣ: «Все или ничего !Или успѣшный трудъ и борьба, или проклятіе труду и дѣятельности!» Иначе думали женщины съ ихъ упорной, разсудительной тактичной дѣловитостью. Для нихъ коммунизмъ вовсе не представлялся успокоеніемъ въ бездѣйствіи. Нѣтъ, эта была широкая и стройная программа новой жизни, гдѣ цѣликомъ могли развернуться ихъ заглушенные и затоптанные мужчинами драгоцѣнные общественные таланты. И онѣ чувствовали въ себѣ жажду ринуться въ дѣло, гдѣ все имъ было понятно, гдѣ онѣ сами были на мѣстѣ. «Изъ общей сокровищницы мы, женщины, будемъ кормить и одѣвать васъ, мужчинъ, мы будемъ управлять старательно и бережливо и во всемъ давать отчетъ». Тотъ, кто написалъ эти слова, не отчаялся въ человѣчествѣ и вѣрилъ въ здравый умъ женщинъ, въ ихъ соціальное будущее.

Эти страницы исторіи греческой демократіи невольно припоминаются теперь, когда новая европейская демократія переживаетъ аналогичный кризисъ. Женщинѣ предстоитъ сыграть важную роль въ великомъ дѣлѣ соціальнаго возстановленія. Не только потому, что масса мужчинъ погибла въ громадной катострофѣ, но и потому, что сама катастрофа есть результатъ односторонняго мужского рѣшенія соціальныхъ вопросовъ—путемъ истребленія противника. А мы вѣримъ, что пути нынѣшней культуры вовсе не единственно возможные.

КРУШЕНІЕ ГОРДЫНИ ВѢКА.

Девятнадцатый вѣкъ, на видъ такой трезвый дѣловитый, скептичный, тронутый нигилизмомъ, имѣлъ, однако, свою горячую религіозную систему, свои каноническія священныя книги, свои непререкаемые догматы, стоихъ пламенныхъ и нетерпимыхъ пророковъ. На прежнія столѣтія учителя культуры XIX в. смотрѣли почти такъ же, какъ новозавѣтные апостолы на тьму язычества и на узкое, закрѣпостившее людей законничество Ветхаго Завѣта. Подобно христіанскимъ энтузіастамъ, многіе изъ нихъ предрекали близкое пришествіе царства небеснаго, въ видѣ грядущаго рая соціальной гармоніи и благоденствія.

Наше время, и особенно впечатлѣнія колоссальной войны, немилосердно разбили всѣ эти религіозныя видѣнія и восторги. Едва ли когда-нибудь такъ трагически и такъ сразу погибало міровоззрѣніе эпохи, едва ли такъ рѣзко обрывался краткій вѣкъ, только что успѣвшій развернуться. Намъ очень трудно освоиться съ фактомъ великаго разгрома тѣхъ самыхъ культурныхъ чаяній и соціальныхъ упованій, въ которыхъ мы выросли. Мы чувствуемъ себя не совсѣмъ ловко, когда приходится вспомнить кругъ идей, признававшихся среди насъ аксіомами общественной науки. Воспроизведемъ ихъ на одну минуту только для того, чтобы лишній разъ почувствовать жестокій характеръ разразившейся катастрофы мнѣній.

Прежде всего считалось, что мы живемъ въ какомъ-то быстромъ потокѣ неудержимаго и неуклоннаго прогресса. И не только въ головокружительныхъ успѣхахъ техники состоитъ этотъ прогрессъ, а также въ утонченіи и облагороженіи человѣческой личности, въ ростѣ общественной сплоченности. У всѣхъ было на устахъ, что новыя средства сооб-

щенія сближаютъ физически человѣческія расы, что подъемъ демократіи, ростъ знаній соединяетъ народы все новыми и новыми духовными связями; и что только теперь можетъ сложиться по-настоящему человѣчество въ одинъ великій организмъ. Люди науки и публицисты, политическіе дѣятели и литераторы непрерывно слагали какой-то широковѣщательный гимнъ новой культурѣ и ея великолѣпной эволюціи.

Затѣмъ дальше, вплоть до самой войны 1914 г., несмотря на всеобщее вооруженіе, считалось, что культурные народы идутъ навстрѣчу великой эпохѣ всеобщаго мира. Парламентскіе дѣятели разныхъ странъ Европы съѣзжались на собранія и принимали благожелательныя резолюціи, давали взаимно обѣщанія вліять всюду, гдѣ возможно, въ смыслѣ ослабленія духа воинственности, и всѣмъ казалось, что отъ этихъ взаимныхъ увѣреній очень подвигается впредъ дѣло подлиннаго мира. Особенно большое значеніе придавали конгрессамъ интернаціональнаго союза рабочихъ-соціалистовъ. Казалось, что именно представители многомилліонныхъ трудовыхъ массъ и хотятъ, и могутъ реально содѣйствовать прекращенію войнъ. Въ самомъ дѣлѣ, если какіе-нибудь зарвавшіеся націоналистическіе круги пустятся въ военную авантюру, то рабочія массы, стройно организованныя, руководимыя взаимно согласившимися между собою вождями, способны остановить кровопролитіе однимъ своимъ пассивнымъ сопротивленіемъ!

Наконецъ, была еще третья группа очень распространенныхъ вѣрованій, примыкавшихъ къ общей лучезарной картинѣ прогрессивнаго движенія человѣчества. Считалось, что мы на пути къ окончательному гармоническому устройству общества. Правда, капиталъ произвелъ и производитъ жестокія опустошенія, но въ общемъ счетѣ его сила дѣйствуетъ благодѣтельно; онъ очищаетъ поле будущей жизни для истинныхъ носителей культуры, трудовыхъ классовъ; своимъ давленіемъ, онъ заставляетъ рабочую демократію организоваться и въ концѣ-концовъ вынужденъ будетъ отдать ей накопленныя имъ богатства.

Увѣренность въ томъ, что подобный ходъ вещей данъ самой природой, убѣжденіе, что открытъ, наконецъ, величайшій законъ исторіи, внушило Марксу назвать свое на-

правленіе научнымъ, а всѣ другія утопическими. Гордо, съ поднятой головой ходили сторонники научнаго соціализма, пренебрежительно посматривали они на тѣхъ, кто не хочетъ или неспособенъ понять логику фактовъ!

Не правда ли, всѣ эти упованія на побѣдный шагъ соціальнаго прогресса кажутся намъ теперь дѣтской сказкой, золотымъ сномъ юношеской поры? Всѣ они разлетѣлись, какъ дымъ, и передъ нами стоитъ фактъ невѣроятнаго ожесточенія человѣческихъ массъ, безпощаднаго взаимнаго разрушенія. Передъ нами въ лицѣ Германіи, той самой страны, которая возрастила «научный соціализмъ», организованное преступленіе противъ культуры и человѣчества, полный отказъ отъ гуманной общественности; вслѣдъ за нею, зачинщицей, во всѣ ужасы и злодѣйства втянуты противники, втянутъ весь цивилизованный міръ.

Какова же оказалась роль капитала въ подготовкѣ соціальнаго рая? Вотъ тутъ именно горделивыя предсказанія научнаго соціализма представляются по преимуществу романтической идилліей, утопизмомъ чистой воды. Вѣдь сторонники этой теоріи сами сдѣлали намъ недавно очень характерное признаніе. Они говорятъ, что нынѣшняя колоссальная война—вовсе не борьба народовъ, что ведется она противъ воли массъ, что война составляетъ созданіе небольшой кучки финансовыхъ королей. Но что же это значитъ? Иными словами, капиталъ не только ничего не приготовилъ для торжества пролетаріата, но онъ еще и еще разъ заставилъ трудовыя массы служить себѣ, мобилизовалъ ихъ въ неслыханномъ количествѣ, заставилъ проливать потоки крови ради своихъ интересовъ; словомъ, капиталъ обнаружилъ себя болѣе страшнымъ деспотомъ, чѣмъ были Аттилы и Чингисъ-ханы древнихъ временъ; а демократическія массы оказались безсильными сбросить съ себя господство немногихъ магнатовъ. Всякому видно, что подобное заключеніе вмѣстѣ съ тѣмъ есть отказъ отъ важнѣйшаго догмата соціалъ-демократической вѣры.

Прислушаемся далѣе къ ряду другихъ поразительныхъ признаній, сдѣланныхъ въ самое послѣднее время. Очень видные вожди соціалъ-демократіи заявили недавно, что надо отказаться отъ надеждъ на близость соціальной рево-

люціи. Она и на Западѣ въ болѣе передовыхъ и хозяйственнно развитыхъ странахъ не скоро наступитъ, а ужъ про отсталую экономически Россію и толковать нечего; въ нашемъ отечествѣ нѣтъ еще самыхъ элементарныхъ данныхъ для предварительной капиталистической стадіи; у насъ еще не развилась буржуазія; нужно еще много времени, чтобы культурно и технически поднять всѣ виды промышленности и труда, и только тогда приблизится возможность соціальной революціи.

Опять-таки что мы слышимъ? Вѣдь на такое предсказаніе переворота для нашихъ внуковъ будутъ согласны рѣшительно всѣ партіи вплоть до самыхъ консервативныхъ. «Соціальная революція когда-нибудь и по всей вѣроятности, только не сейчасъ и не навѣрно»—вотъ что это значитъ.

Другое признаніе мы находимъ въ извѣстной формулѣ международнаго мира, выставленной въ началѣ нашей революціи соціалистическими партіями: будущая система государствъ должна быть построена на основѣ «самоопредѣленія націй». Это требованіе звучитъ рѣзкимъ диссонансомъ къ обычному отрицанію отечества со стороны тѣхъ же партій. Національныя влеченія разсматривались ими обыкновенно, какъ предразсудокъ, и притомъ предразсудокъ буржуазный. Для пролетаріевъ будто бы нѣтъ родины; они составляютъ классъ международный, общечеловѣческій. Пролетаріи всѣхъ странъ должны искать взаимнаго сближенія внѣ политическихъ и національныхъ границъ. Ихъ врагъ въ свою очередь представлялся внѣ такихъ границъ: и капиталисты всѣхъ странъ работаютъ вмѣстѣ въ видѣ колоссальныхъ синдикатовъ и трестовъ.

Но ясно, что, принявши требованіе «самоопредѣленія націй», надо отказаться отъ классовой борьбы. Вѣдь нація, національное государство не терпитъ, чтобы классы составляли союзы за ея предѣлами; въ каждой странѣ нація сплачиваетъ всѣ классы вмѣстѣ. «Самоопредѣленіе націй» значитъ, что пролетаріи должны соединиться съ единоплеменной буржуазіей. Тотъ, кто объявилъ «самоопредѣленіе націй» сказалъ «прости» мечтамъ международнаго братства рабочихъ классовъ.

Наконецъ, еще одно признаніе. Соціалъ-демократія въ

Россіи объявила себя за аграрную программу народниковъ и соціалистовъ-революціонеровъ, за отдачу земли трудовому крестьянству. Этого въ сущности неожиданнаго заявленія почти не замѣтили за общимъ шумомъ событій, а между тѣмъ оно скрываетъ въ себѣ крушеніе важнаго догмата. Прежде всего, какая изумительная перемѣна терминологіи! Мужикъ, котораго, подъ презрительной кличкой мелкаго буржуа, выбросили за бортъ свободной къ совершенствованію культурной части человѣчества, теперь опять почетно принятъ въ семью передового гражданства и возведенъ въ рангъ трудового крестьянина.

Съ точки зрѣнія политической тактики перемѣна названія понятна: она—ничто иное, какъ запоздалый комплиментъ 80-ти процентамъ населенія, призваннымъ сыграть рѣшающую роль въ революціи! Но едва ли это—только временная уступка изъ осторожности; вѣрнѣе, что за новой формулой скрывается сознаніе своей ошибки въ прошломъ. Соціалъ-демократія, вообще вполнѣ способная реально оцѣнивать вещи, и здѣсь понимаетъ ясно неизбѣжный ходъ предстоящихъ общественныхъ перемѣнъ. Вѣдь нельзя скрывать отъ себя, что подъ какимъ бы видомъ ни была преподнесена аграрная реформа—называйте ее сколько угодно соціализаціей ими національзаціей—фактически она пробьетъ дорогу мелкой земельной собственности. Иного ничего не можетъ получиться. Нигдѣ на свѣтѣ не было опыта земельнаго коммунизма въ обширныхъ размѣрахъ; маленькія братскія общины сектантовъ, промелькнувшія тамъ и сямъ въ исторіи, ничего не доказываютъ. Единственная попытка національзаціи земли, произведенная въ древнемъ Римѣ Гракхами, сорвалась въ самомъ корнѣ. Считать современнаго крестьянина коммунистомъ было бы величайшей наивностью, и соціалъ-демократія во всякомъ случаѣ далека отъ такой идилліи.

Припомнимъ однако, какъ относилась та же партія къ мелкому землевладѣнію и мелкому личному хозяйству. Ея сухое, безповоротное сужденіе гласило: «прочь эту отсталую, вредную для культуры форму, и скорѣе надо обратить привязаннаго къ землѣ мужика въ безземельнаго свободнаго пролетарія!» Новая формула—«земля трудовому

крестьянству» — съ точки зрѣнія правовѣрной соціалъ-демократіи представляетъ страшное принципіальное паденіе: вѣдь въ ней выражена готовность заморозить пережитую эпоху, искусственно поддержать тотъ порядокъ, который давно осужденъ на гибель. Т.-е., говоря иначе, въ этой формулѣ заключена полная капитуляція прежняго взгляда.

Но вѣдь такъ, пожалуй, шагъ за шагомъ, мы дошли до того, что отъ недавняго символа вѣры не осталось ни одного догмата. Все зданіе сами же строители разнесли на части.

Погибла вѣра въ соединеніе пролетаріевъ всѣхъ странъ, вернулись къ «старому предразсудку» націонализма. Рушилось ожиданіе скорой соціальной революціи: переворотъ, согласно признанію самихъ пророковъ, не приближается, а отдаляется и становится все менѣе правдоподобнымъ. Капиталистическій классъ не очищаетъ путей пролетаріату и не готовитъ себѣ неминуемой гибели. Фабричный пролетаріатъ, который восторженные его поклонники считали передовымъ носителемъ общечеловѣческой культуры, оказался гораздо слабѣе и одностороннѣе, чѣмъ о немъ думали. На обоихъ флангахъ его обозначились силы, гораздо болѣе живучія. Съ одной стороны, мелкія формы хозяйства на землѣ не исчезаютъ въ котлѣ капитализма, а выказываютъ большую живучесть. Съ другой — капиталъ продолжаетъ дѣлать новыя завоеванія, организуется въ громадные союзы. Его тресты такъ сильны, что по ихъ волѣ возникла нынѣшняя война народовъ; отъ нихъ же, если они захотятъ и найдутъ выгоднымъ, зависитъ устроить и предстоящее замиреніе.

Таковы выводы жизненнаго опыта, выводы, уничтожающіе для той демократической теоріи, которая вырабатывалась въ XIX вѣкѣ. Рушилась большая вѣра, разлетѣлось въ куски сооруженіе научныхъ аксіомъ, возведенное съ великимъ трудомъ и энергіей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ опрокинулась и гордыня цѣлаго культурнаго вѣка, вѣрившаго въ близкое окончательное торжество прогресса.

Подъ вліяніемъ ученія о прогрессѣ новѣйшей эпохи средній человѣкъ европейскаго общества привыкъ свысока смотрѣть на старину, на дикарей, на варварскія страны. Онъ былъ увѣренъ, что долгіе вѣка человѣчество пребы-

вало въ темнотѣ и грубости: люди не знали окружающей природы, не умѣли устроить государства; они были невѣжественны, полны предразсудковъ и жестокости; они были воинственны и безпорядочны. Особенно крѣпко утвердилось убѣжденіе въ томъ, что старинный вѣкъ по преимуществу любилъ войны, упивался кровопролитіемъ, отличался непосѣдливостью; напротивъ, новое время, будто бы, принесло начала гуманности, смягчило нравы, сгладило племенную рознь и отчужденіе.

Экономисты, увлекаясь все той же мыслью о возрастающемъ торжествѣ разумныхъ началъ, подвели къ ней фундаментъ съ своей стороны. Не даромъ, говорили они, войны претятъ нравственному чувству человѣка новѣйшаго времени; въ полномъ соотвѣтствіи съ моралью находится сознаніе крайняго вреда войнъ для новыхъ формъ хозяйства. Сейчасъ, когда обмѣнъ продуктовъ охватилъ весь міръ, когда ни одна страна не можетъ отъ него ускользнуть, когда существованіе массъ зависитъ отъ отдаленнаго привоза, нельзя жить безъ подчиненія громадной планомѣрной работѣ; руководители хозяйства должны поддерживать обширную систему связей по всему свѣту, вырабатывать сложные расчеты. Эта система, совершенно незнакомая старинѣ, недопускаетъ нарушеній: чѣмъ тоньше, искуснѣе и сложнѣе всесвѣтный аппаратъ, тѣмъ бережнѣе надо съ нимъ обходиться. Отсюда ясно, что силою самихъ вещей, въ общихъ интересахъ, люди постепенно должны отказаться отъ войнъ. Выгоды капитала сами собою приведутъ къ ихъ прекращенію.

Но какъ объяснить то обстоятельство, что войны въ новое время не прекращаются?—Тѣ, кто вѣрилъ въ неуклонный нравственный прогрессъ человѣчества, не смущались непріятнымъ фактомъ; они утѣшали себя тѣмъ, что старыя бурливыя наклонности, дурныя воинственныя привычки, не могутъ скоро исчезнуть; съ другой стороны, и новый властелинъ міра, капиталъ, не можетъ сразу войти въ свою роль. Вѣдь капиталъ выросъ въ дикой обстановкѣ рыцарско-крѣпостнической среды и сначала самъ все кипятился, выказывалъ грабительскія замашки; въ дальнѣйшемъ онъ долженъ остепениться, стать спокойнѣе, расчетливѣе и бе-

режливѣе; тогда всѣ люди, охваченные новыми хозяйственными побужденіями, поймутъ вредъ войнъ, и войны станутъ ненужны.

Всѣ эти утѣшенія оставались въ силѣ вплоть до самой войны 1914 года, несмотря на то, что колоссальныя вооруженія предвѣщали жесточайшіе, неслыханные въ исторіи человѣчества бои. Нужно было, чтобы эти бои разразились, и только теперь раскрылись глаза у культурной Европы. Только теперь увидѣли, что капиталъ никогда не имѣлъ миролюбивой миссіи. Его цѣлью съ первыхъ шаговъ были завоеванія и насильственные захваты; по мѣрѣ возрастанія его силы, завоевательные замыслы становились шире, истребительныя средства страшнѣе. Именно новые хозяйственные планы и расчеты принесли въ міръ подлинную великую, систематическую войну. Въ сравненіи съ нашимъ вѣкомъ старину приходится признать миролюбивой, неповоротливой на войну. Можно, впрочемъ, припомнить по этому поводу общеизвѣстные факты: напр., какъ трудно было набрать войско въ прежніе вѣка, съ какимъ недовѣріемъ относились къ профессіи солдата и къ личности того, кто шелъ на отчаянное и богопротивное ремесло воителя.

А нравственное чувство? Гдѣ же его утонченье, облагороженіе въ новѣйшую эпоху, гдѣ смягченіе старой унаслѣдованной жестокости? Да полно, жестокость ли мы унаслѣдовали отъ прежнихъ поколѣній? Можетъ быть, въ нашей крови, въ нашихъ полусознанныхъ чувствахъ было нѣчто какъ разъ обратное, нѣчто такое, что потеряно нами именно въ послѣднее время отъ наросшаго въ насъ самихъ ожесточенія?

Невольно вспоминается слѣдующій фактъ весьма недавняго прошлаго. Въ 1899 г. на гаагской конференціи предлагалось запретить употребленіе во время войны удушливыхъ газовъ (о газахъ ослѣпляющихъ и сожигающихъ еще не имѣли понятія), разрывныхъ пуль (о колоссальныхъ разрывныхъ снарядахъ не помышляли), метаніе снарядовъ съ воздуха и примѣненіе подводныхъ лодокъ. Большая часть этихъ предложеній были приняты съ общаго согласія представителей державъ. Ясно, что 18 лѣтъ тому назадъ всѣ эти пріемы считались безнравственными. А что

говоритъ теперь нравственное чувство, когда именно всѣ осужденныя тогда средства истребленія и калѣченія людей получили широчайшее примѣненіе, пышно расцвѣли, благодаря, главнымъ образомъ, изобрѣтательской энергіи умнѣйшихъ и ученѣйшихъ химиковъ, механиковъ, электротехниковъ и т. д.? Оно притупилось, оно смолкло, оно близко къ полной погибели.

Не должны ли мы признать, что отъ старой теоріи прогресса со всѣми ея утѣшительными параграфами о нравственной роли изобрѣтеній, о совпаденіи выгоды съ требованіемъ гуманности, со всѣми ея различеніями старинной будто бы дикости и новѣйшей мягкости нравовъ и т. д., и т. д., не осталось клочка?

Но что это значитъ? Ясно, что научныя системы и научныя аксіомы, въ которыхъ мы выросли, оказались несостоятельными. Мы были, очевидно, подъ гипнозомъ извѣстныхъ предвзятостей, больше того, предразсудковъ и суевѣрій. Послѣдующіе вѣка скажутъ о насъ то самое, что въ свою очередь мы говорили о темнотѣ Среднихъ вѣковъ. Но какъ же намъ дальше самимъ жить, послѣ того, какъ разбились всѣ наши надежды и мы убѣдились въ нашихъ заблужденіяхъ? Да такъ, какъ живетъ человѣкъ, у котораго сгорѣлъ его домъ и все его достояніе, но остались цѣлы всѣ члены его семьи, всѣ работники.

Надо приниматься за безконечно трудное дѣло новаго строительства. Наукѣ, т.-е. критическому уму человѣческой расы, придется пересмотрѣть всѣ свои оцѣнки, всѣ свои категоріи и группировки, всѣ свои методы и заключенія. Надо будетъ выяснить, въ чемъ состояла односторонность нашей культуры, погибающей въ явно непосильномъ быстромъ бѣгѣ; надо будетъ поискать причинъ, почему силы, которыя мы считали созидательными, оказались разрушительными. Надо будетъ найти условія, при которыхъ благородные задатки человѣческой природы не глохли бы, не выбрасывались въ видѣ нелѣпыхъ тратъ, а нашли бы себѣ разумное и бережное примѣненіе.

Въ нашихъ поискахъ, въ пересмотрѣ понятій мы не разъ остановимся внимательно на старинныхъ вѣкахъ. Новѣйшая культура, которая работала подъ знакомъ нетер-

пѣливой спѣшности, слишкомъ пренебрежительно избѣгала обращенія къ опыту временъ; она черезчуръ уповала на свои собственныя, вчерашнія и нынѣшнія завоеванія, на свой изобрѣтательскій даръ. А между тѣмъ, кромѣ изобрѣтеній, въ экономіи человѣческаго общежитія важно также сохраненіе существующаго, приведеніе новаго и стараго въ гармонію. Кромѣ непосредственно полезнаго, что лихорадочно вырабатывала наша современность, надо дать мѣсто свободной фантазіи, спокойному независимому творчеству человѣческой личности. Не разъ приходится убѣждаться въ томъ, что старинная культура обладала большимъ искусствомъ въ этой, по правдѣ, умиротворяющей роли.

СОЦІАЛИЗМЪ ИЛИ МѢЩАНСТВО?

Вожди данной минуты, внезапно вознесенные силой солдатской анархіи на вершину власти, очень серьезно воображаютъ себя творцами великой соціалистической реформы. Предшественниками своего грандіознаго дѣла они считаютъ парижскую коммуну 1871 года. Можетъ быть, стоитъ немного приглядѣться къ этой исторической аналогіи, чтобы опредѣлить соціальную физіономію дѣятелей нашего времени.

Парижская коммуна 1871 года, правда, разыгралась въ средѣ, несравненно болѣе культурной, чѣмъ наша восточно-европейская дичь, но обстоятельства, въ которыхъ она сложилась, и настроенія ея участниковъ очень похожи на окружающую насъ дѣйствительность. Тамъ тоже была несчастливая война, тоже населеніе столицы пострадало отъ голодовки и тоже было развращено отъ долгого бездѣлья во время осады, съ которымъ сплелась непрерывная опасность безсмысленной смерти. Тамъ тоже расшаталась дисциплина, и тоже солдаты прониклись недовѣріемъ и раздраженіемъ къ командному составу. Наконецъ, тамъ тоже вышло наружу раздраженіе мелкаго люда и бѣдноты противъ только что сверженнаго распутнаго стараго режима.

Что же дѣлаютъ коммунары, очутившіеся въ обладаніи артиллеріи, укрѣпленій Парижа и рессурсовъ громаднаго города, хотя и вытерпѣвшаго пятимѣсячную осаду, но все еще не вполнѣ разореннаго? Они обращаются съ воззваніемъ къ городамъ и общинамъ Франціи и набрасываютъ планъ превращенія государства въ союзъ автономныхъ республикъ. Это утопія въ духѣ нашего «самоопредѣленія народовъ». Затѣмъ они гремятъ противъ «стараго міра прави-

тельственныхъ сферъ и клерикализма, чиновничества, милитаризма, эксплуатаціи, ажіотажа, монополій, привилегій, которыя держатъ въ рабствѣ большую часть народа ... ». Это—тоже очень близко къ фразеологіи обычныхъ статей въ «Извѣстіяхъ» и рѣчей, произносимыхъ въ Совѣтахъ противъ буржуазіи.

Каковъ, однако, былъ реальный смыслъ подобныхъ заявленій?—Тутъ мы наблюдаемъ очень опредѣленный и незамысловатый наклонъ фантазіи. Первое, что бросается въ глаза въ администраціи коммуны, это—усиленная борьба съ прессой. Едва ли былъ когда-либо режимъ болѣе чувствительный къ уколамъ печатной критики. Все, что не желало пѣть въ унисонъ съ коммуной, подвергалось запрещенію: одну за другой закрывали парижскія газеты самыхъ разнообразныхъ направленій. Это былъ какой-то неистовый потокъ гоненія; крайніе республиканцы и соціалисты превзошли въ нетерпимости самыя жестокія самодержавныя правительства.

Затѣмъ коммунары необычайно усердно принялись воевать съ церковью. Казалось бы, среди ужасовъ голодовки и гражданской войны, гдѣ ужъ вспоминать о такомъ отвлеченномъ и деликатномъ вопросѣ, какъ объявленіе полной свободы совѣсти, отдѣленіе церкви отъ государства, отмѣна преподаванія Закона Божія! —Нѣтъ, дѣятели коммуны придали ему большое значеніе, поторопились отнять у духовенства жалованье и декретировать отобраніе церковныхъ и монастырскихъ имуществъ въ пользу народа.

Третью замѣтную группу мѣръ, принимавшихся коммуной, составляютъ разные пріемы изысканія денежныхъ средствъ—вѣдь надо было тоже содержать революціонную гвардію! Здѣсь коммуна была несравненно скромнѣе и приличнѣе дѣятелей нашего времени. Банковъ и ихъ запасовъ она совсѣмъ не тронула. Но, стремясь помочь бѣдняку, она обнаружила полную безцеремонность въ отношеніи всякихъ денежныхъ обязательствъ, векселей, счетовъ и т. д., если при этомъ задѣтой казалась только «буржуазія». А вмѣстѣ съ тѣмъ коммуна проявила слабость къ осмотру богатыхъ особняковъ, къ реквизиціи хорошей обстановки, драгоцѣнностей, въ особенности золота.

Все это похоже, предательски похоже, вплоть до нѣкоторыхъ деталей. Между прочимъ коммуна успѣла обнаружить непонятный вандализмъ по отношенію къ памятникамъ прошлаго, связаннымъ съ фактами религіозной и военной исторіи, собиралась разгромить часовню, въ которой молился Людовикъ XVI, сбросила, за два дня до собственнаго паденія, Вандомскую колонну съ изображеніемъ Наполеона I. Также и наши реформаторы, начавши съ невольнаго разрушенія Кремля, замечтались о дальнѣйшихъ крушеніяхъ историческихъ монументовъ во славу эстетики будущаго.

Но спрашивается, гдѣ же соціализмъ коммунаровъ, отчего не выполняли они широкихъ плановъ преобразованія общества, отчего не придвинулись ни на шагъ къ справедливому вознагражденію труда, къ разумному и экономному устроенію народнаго хозяйства? Отчего не пробовали они воспитывать рабочую массу, побудить ее къ усиленному труду именно теперь, когда изъ города ушли многіе хозяева фабрикъ, слѣдовательно, исчезли «угнетавшіе рабочихъ эксплоататоры», отчего, напротивъ, они потворствовали бездѣлью и безконечнымъ прогуламъ? Отчего не старались соціалисты провести въ дѣло свои принципы?

Оттого, что весь соціализмъ состоялъ изъ литературныхъ теченій и програмныхъ словъ, а повадки людей были старыя-престарыя, и назвать ихъ приходится мелкобуржуазными, или попросту мѣщанскими. Парижская коммуна дала случай выбраться на свѣтъ Божій люду забитому, мелкимъ ремесленникамъ, непреуспѣвшимъ писателямъ, скучающимъ маленькимъ чиновникамъ, неисправнымъ рабочимъ. Обнаружился узкій кругозоръ непредпріимчивыхъ или неудачливыхъ, иногда мечтательно-лѣнивыхъ натуръ: жадность до денегъ и увѣренность, что богатство состоитъ именно въ деньгахъ, зависть къ высшимъ классамъ, въ связи съ грубѣйшимъ представленіемъ о шелкахъ, бархатахъ и жемчугахъ ихъ быта, мелкая война и вѣчный торгъ съ приходскимъ священникомъ, наивное убѣжденіе, что въ газетахъ пишутъ какіе-то хитрые злонамѣренные люди и что стоитъ только прикрикнуть на нихъ, чтобы заставить писать иначе, что въ крайнемъ случаѣ можно и совсѣмъ обойтись безъ печати—бѣда невелика! Обнаружилась вся трусливая, уны-

ıая психологія обывателя съ ея затаенной мечтой: «вотъ если бы мнѣ добраться до государственнаго сундука, я бы пожилъ!»

Не даромъ Россель, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ участниковъ коммуны, разочаровавшись въ ней, далъ ей такую оцѣнку: «Ни одинъ изъ членовъ коммуны не приготовилъ своей роли для великой драмы: у нихъ не было ни старанія, ни знаній, ни характера, ни даже смѣлости на сколько-нибудь продолжительный срокъ. Этотъ рабочій плебсъ хотѣлъ овладѣть всѣмъ свѣтомъ, не зная, что такое свѣтъ. Когда злоумышленникъ хочетъ проникнуть въ домъ, онъ сначала старается узнать все, что около этого дома и что въ немъ. Коммуна была новичкомъ-злоумышленникомъ, принужденнымъ убивать, чтобы красть, запутавшимся въ безполезныхъ преступленіяхъ, не знающимъ, что и гдѣ спрятано въ домѣ. Парижъ попался въ руки этихъ дикарей какъ ящикъ, съ секретнымъ замкомъ. Они не знали какъ добыть изъ него соціальное богатство, и удовольствовались старой мѣдной монетой. Но для очистки совѣсти, бросая этотъ ящикъ, они зажгли его».

Конечно въ коммунѣ было нѣсколько людей изумительной энергіи, прекрасныхъ дарованій и возвышеннаго образа мыслей, настоящіе герои и аскеты, которые вѣрили въ силу общественнаго порыва, потому что сами несли въ себѣ много силы: тутъ достаточно назвать погибшаго въ первомъ же бою физіолога Флуранса, или географа Реклю, или стараго журналиста Делеклюза, сложившаго голову на баррикадѣ при паденіи коммуны. Но эти блистательныя исключенія лишь подтверждаютъ общее правило: коммуна была не возрожденіемъ рабочаго или небогатаго люда вообще, не перемѣной настроенія, не началомъ соціальной справедливости, а только краткимъ торжествомъ случайныхъ группъ столичнаго населенія, которыя принесли всѣ свои привычки, маленькія неудовлетворенныя желаньица и въ то же время невысокія, но упорно засѣвшія злобныя чувства. Оттого, вмѣсто соціальнаго творчества, получилось только новое пошловатое прожиганіе жизни, процвѣли кабачки и притоны, затянулся не ко времени какой-то дешевенькій праздникъ.

Если соціальная авантюра нашей современности похожа вообще на глубоко мѣщанскую коммуну 1871 года, то еще и по преимуществу она похожа въ дурную сторону. Вѣдь ни Флурансовъ, ни Реклю, ни Делеклюзовъ въ ней не видно, а зато проглядываетъ психологія малообразованныхъ, не очень прилежныхъ, сильно завистливыхъ мелкихъ буржуа и неудачливыхъ интеллигентовъ. Пріемы ихъ крайне элементарны и фантазія неглубока: отобрать сбереженія у болѣе запасливыхъ сосѣдей, забраться въ чужой театръ и не платить за помѣщеніе, вытѣснить со службы мелкую рабочую братію и сѣсть на ея мѣсто. Было бы очень печально для соціализма, если бы въ реформаціонныхъ декретахъ нашлось хоть что-нибудь похожее на его принципы. Но мы видимъ передъ собою даже не пародію на соціализмъ, а всего только тусклый сонъ и бредъ закоснѣвшаго захолустья.

КАЮЩІЙСЯ БУРЖУА.

На четвертый годъ міровой борьбы Россія, какъ государство, разрушилась. Остальныя великія державы всѣ цѣлы и живы: не только Англія, Германія и Франція, но даже Австрія, которую задолго до войны принято было считать близкой къ политической смерти. Въ чемъ же тайна жизненности большого политическаго тѣла?

Болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, при изученіи исторіи древняго Востока нашъ учитель очень краснорѣчиво объяснялъ намъ причины непрочности старинныхъ державъ, Вавилона, Ассиріи и др., быстро выраставшихъ и еще быстрѣе распадавшихся: по его словамъ, это были не организмы, а механизмы, состоявшіе изъ кусковъ, склеенныхъ между собою лишь внѣшней силой. Въ противоположность Востоку, онъ восхвалялъ прочность европейскихъ государствъ, сплоченныхъ и объединенныхъ національными и культурными началами.

Россію нашъ историкъ относилъ, разумѣется, къ организмамъ. Впрочемъ, такъ неосторожно судили не только тогда, за 40 лѣтъ до нашего времени, но еще и полгода тому назадъ. А вотъ теперь приходится сдѣлать неожиданное добавленіе къ иллюстраціямъ стараго учителя: въ числѣ «восточныхъ государствъ», распадающихся, на манеръ механизма, отъ дюжаго толчка завоевателя, оказалась наша громадная страна.

Скажутъ: вашъ учитель судилъ по старинному одностороннему опыту, онъ не зналъ новыхъ историческихъ законовъ; онъ не понималъ великой созидающей роли революціоннаго момента. Революція, вотъ—новый Прометей, который вдохнетъ въ бездушное, механически сложенное

тѣло животворящій огонь и превратитъ камни, вещи, человѣческія единицы въ могучій единый организмъ.

Да, этой волшебной сказки нашъ учитель не зналъ. Но вѣдь ее и вообще стали разсказывать лишь со вчерашняго дня. Сначала ея авторы уничтожили весь государственный аппаратъ, всемѣрно помогли расцвѣту сепаратизма, а потомъ, когда храмина разъѣхалась, стали укрощать гидру мѣстной самостоятельности и заговорили о необходимости объединенія, о великомъ общемъ отечествѣ, и только теперь оказалось, что оно сразу возстановится отъ магическаго прикосновенія революціоннаго перста.

Можетъ быть, однако, насъ недовѣрчиво настраиваетъ варварскій жаргонъ, усвоенный диктатурой? Можетъ быть, истина глаголетъ устами младенцевъ? Можетъ быть, среди жестокихъ и безсмысленныхъ расправъ, все-таки, хотя и въ уродливой формѣ, пробивается жажда объединенія, но уже объединенія подлиннаго, органическаго, національнаго? Вѣдь были же на свѣтѣ якобинцы 1793 г., индепенденты 1649 г., которымъ удалось чудо возсозданія объединеннаго государства.

Индепенденты... Ахъ, какъ бы хотѣлось нашимъ властителямъ быть похожими на «желѣзнобокихъ» воиновъ англійской революціи, на краснокафтанниковъ Кромвеля! И развѣ мало аналогій? Тамъ тоже громадную силу получили солдатскіе комитеты, тамъ тоже простые рядовые опредѣляли курсъ политики черезъ своихъ делегатовъ, тамъ тоже агитаторы были признаны офиціальными вождями армейской массы. А дальше, какъ извѣстно изъ всякаго учебника, національно республиканскій энтузіазмъ арміи помогъ диктатору, проливая потоки крови, положить основы государственнаго единства, создать впервые Великобританію.

Изъ кого же состояло революціонное войско? Вѣдь тамъ взялись за оружіе мелкіе дворяне, фермеры, лавочники, ремесленники, люди разныхъ званій, но приблизительно одной закваски: ихъ воинственность, сказавшаяся заразъ и въ отчаянной отвагѣ, и въ безпощадныхъ расправахъ, была вмѣстѣ съ тѣмъ жадностью до дѣла, предпріимчивостью, цѣпкой силой и кипучей энергіей. Вѣдь по окончаніи гражданской войны всѣ они ушли — кто въ новые

промыслы, кто въ смѣлые морскіе наѣзды, кто въ колоніальную войну, кто въ разработку дѣвственнаго края за океаномъ; жестокіе и смѣлые борцы стали основателями новой индустріальной Англіи и еще болѣе бурливой, дѣловитой Америки.

Нѣтъ ни малѣйшаго сходства между этой арміей безпокойныхъ дѣльцовъ и предпринимателей и нашей военной громадой, разбѣжавшейся по своимъ угламъ, побросавшей оружіе и готовой принять чье угодно иго, хоть опять Чингисъ-ханово, сидѣть въ грязи и нищетѣ, только бы не воевать, не работать, не дѣлать никакихъ усилій.

Въ такой же мѣрѣ не похожи на пуританъ и вожди. Между ними, правда, имѣются прозаическія натуры, но ихъ американизмъ сводится лишь къ нежданно-негаданно доставшемуся наслѣдству отъ «дядюшки изъ Америки»: банки, сейфы, особняки, хорошія чистыя квартиры, запасы натурой... Матеріалисты партіи уже показали свои методы разработки богатствъ: подъ видомъ коммунизма они совершаютъ самую обыкновенную растрату капитала: въ ихъ лицѣ Митрофанушки отъ буржуазіи дорвались до своего дня. Мало надежды впрочемъ и на идеалистовъ. Здѣсь пожалуй обнаружился новый типъ: какъ среди народниковъ, возвеличившихъ мужика, преобладалъ кающійся дворянинъ, такъ соціалъ-демократія произвела на свѣтъ кающагося буржуа: никто другой, какъ блудный сынъ буржуазіи идеализировалъ пролетарія, надѣлилъ его всѣми добродѣтелями и красотами и повѣрилъ въ него, какъ создателя соціальнаго рая.

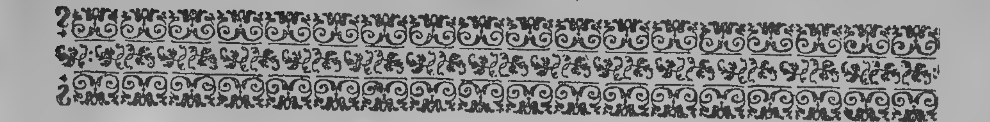
Правду говоря, всѣ эти кающіеся и проклинающіе свое званіе, отставшіе отъ своихъ и не приставшіе къ чужимъ, составляютъ истинное наше національное горе, бичъ Божій, незнакомый Западу. Для государства гораздо полезнѣе цѣпкіе, неуступчивые представители узкихъ классовыхъ интересовъ въ родѣ англійскихъ лендлордовъ или прусскихъ юнкеровъ: не говоря о томъ, что они умѣютъ найти себѣ мѣсто среди государственныхъ функцій, особенно на войнѣ, сама трудность борьбы съ ними составляетъ хорошую школу для организаціи вновь поднимающихся демократическихъ слоевъ.

Но нѣтъ большей бѣды, какъ то обстоятельство, что именно романтики со своимъ нерасположеніемъ къ труду, съ неяснымъ понятіемъ о собственности, полнымъ отсутствіемъ правового сознанія являются вождями и вдохновителями рабочихъ массъ. Нашъ рабочій классъ и безъ того не обладаетъ хорошей наслѣдственностью: въ большинствѣ онъ вышелъ изъ крѣпостной среды, угнетенной, несамостоятельной, тогда какъ на Западѣ индустріальный пролетаріатъ составился изъ людей всѣхъ званій и профессій и въ своемъ зернѣ заключаетъ ремесленныхъ мастеровъ, артистовъ средневѣковья.

Романтизмъ, наклонность къ соціальной мечтѣ, недостатокъ техническихъ вкусовъ и умѣній, готовность каяться, плакать о своихъ грѣхахъ вмѣсто того, чтобы бороться за свое право, постоянныя колебанія между идеализаціей народа и разочарованіемъ, бѣгствомъ отъ его дикости — всѣ эти черты свойственны не только нашимъ революціонерамъ, но въ большой мѣрѣ также и вообще нашей интеллигенціи. Въ данную минуту она переживаетъ тяжелый и опасный кризисъ: лишенная средствъ къ жизни, она неспособна выполнять свое культурное дѣло. Можетъ быть, однако, въ бѣдѣ заключено спасеніе и для нея самой, и для другихъ.

Интеллигентнымъ людямъ придется пойти во всѣ разряды техническаго, промышленнаго труда. Они должны будутъ сдѣлаться сами рабочимъ классомъ, но благодаря своимъ знаніямъ, своимъ навыкамъ, своей добросовѣстности, они образуютъ высшій слой рабочей массы, ея аристократію въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Они излечатся отъ своей безпочвенности, отъ склонности къ соціальнымъ идилліямъ и привлекутъ къ себѣ лучшіе, наиболѣе трудоспособные элементы рабочей среды.

Тогда мы получимъ и недостающій намъ промышленный, дѣятельный и культурный средній классъ, тотъ самый средній классъ, который еще старая политическая мудрость находила очень важнымъ связующимъ началомъ въ государственномъ организмѣ.

СОЛЬ ЗЕМЛИ.

I.

Всѣ помнятъ слова Нагорной проповѣди, въ которыхъ великій Учитель опредѣлилъ силу и слабость людей ума и знанія: «Вы—соль земли. Если соль потеряетъ силу, какъ ее сдѣлать соленой? Она ни къ чему уже не годна, и остается только выбросить ее вонъ, на попраніе людямъ. Вы—свѣтъ міра. Не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы. И зажигаютъ свѣтъ не для того, чтобы спрятать подъ спудомъ, а водружаютъ высоко на подсвѣчникѣ, и свѣтитъ всѣмъ въ домѣ».

Во всей міровой литературѣ не найдется словъ болѣе возвышенныхъ для прославленія интеллигенціи. Но проповѣдникъ тотчасъ же высказываетъ суровый приговоръ просвѣтительству, которое уклонилось отъ правильнаго пути. «Если соль загніетъ, то чѣмъ сдѣлать ее соленой? Она ни къ чему болѣе не годна, какъ только выбросить ее вонъ на попраніе людямъ».

О какой порчѣ здѣсь идетъ рѣчь? Какъ можетъ погибнуть чудесное дарованіе, удѣленное человѣчеству? Какъ можетъ прекрасное оружіе ума и знанія превратиться въ ядъ разрушенія и отрицанія? И есть ли какія-нибудь средства спасти, возстановить чудо природы? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, присмотримся къ дѣлу и жизни интеллигенціи въ прошломъ. Возьмемъ двѣ крайнія противоположности, въ которыя слагалось человѣческое общество,—самодержавную монархію и демократическую республику.

Для характеристики самодержавія я обращаюсь къ самому прототипу монархіи и едва ли не къ лучшему его экземпляру, а, именно, къ вавилонскому государству, какимъ оно было при царѣ Хаммураби, 4000 лѣтъ тому назадъ. Я говорю вполнѣ серьезно. Вавилонская монархія

умѣла достигнуть въ управленіи и въ хозяйствѣ многаго такого, о чемъ и мечтать не могли ея позднѣйшіе преемники. Такъ, напр., въ странѣ не было пролетаріевъ; государство обезпечивало правильное распредѣленіе продуктовъ питанія. Потребители, занесенные въ списки, раздѣленные на группы и очереди, являлись за полученіемъ ежемѣсячныхъ порцій изъ царскихъ складовъ хлѣба, масла, овощей и т. д. Государство также старательно организовало кредитъ, распредѣливъ по странѣ ссудо-сберегательныя кассы: купцы совершали торговыя поѣздки и закупали товары на деньги, взятыя взаймы изъ царскихъ складовъ серебра.

Стараясь всѣхъ напитать, правительство считало себя въ правѣ во все вмѣшиваться. Для того, чтобы получать свою долю со всѣхъ видовъ заработка и дохода, оно опредѣлило точно и во всѣхъ мелочахъ семейное и наслѣдственное право, цѣну товаровъ, условія найма, вознагражденіе за трудъ, штрафы за причиняемые убытки. Оно выработало уставъ для всякой профессіональной группы, для архитекторовъ, врачей, плотниковъ, каменщиковъ, корабельщиковъ, земельныхъ арендаторовъ. Всѣ эти цехи имѣли обязанности, но не пользовались правами свободныхъ людей. Правительство неистово преслѣдовало малѣйшія попытки обывателей составлять союзы или товарищества. Оно не забыло ввести въ общій сводъ законовъ строгое правило, касающееся питейныхъ заведеній: въ случаѣ, если въ трактирѣ будетъ открыто тайное общество, смертная казнь грозила не только участникамъ, но и владѣтелю помѣщенія, гдѣ они собрались.

Блестяще была обставлена праздничная сторона жизни. Царь любилъ торжественныя богослуженія и старался заинтересовать народъ красивыми, разнообразными зрѣлищами. Для обхода безконечно длинныхъ процессій выложены были каменныя и асфальтовыя дороги и аллеи, широкія террасы и отлогія рампы, поднимавшіяся кругомъ семиэтажныхъ пирамидъ. Придворные живописцы и скульпторы заполнили стѣны фресками и рельефами, которые заключали въ себѣ цѣлую лѣтопись государственныхъ происшествій. Они иллюстрировали картинами официальную ѳеорію власти, сочиненную богословами и юристами. Какъ

солнце ведетъ хороводъ звѣздъ, какъ пастырь правитъ стадомъ, такъ властитель направляетъ подданныхъ къ ихъ собственному благу. Въ міровомъ порядкѣ за высшимъ Богомъ сейчасъ же слѣдуетъ царь, богъ земной: онъ—либо мистическій сынъ небеснаго божества, либо его избранный любимецъ. Его имя предсказано извѣка, его приказы равны божьей волѣ. Надъ текстомъ вавилонскаго свода законовъ гравировано слѣдующее изображеніе: царь стоитъ передъ престоломъ Всевышняго и внимаетъ Его голосу.

Но кто же изобрѣтатели и организаторы всего этого великолѣпія? Властные правители всѣхъ эпохъ, начиная отъ вавилонскаго Хаммураби и до Наполеона I или Вильгельма II, очень увѣренно приписывали своему генію все, что по ихъ приказу происходило въ странѣ: и крупныя сооруженія, и обогащеніе подданныхъ промыслами и торговлей, и установленіе общаго порядка и спокойствія, и даже милость божества, ублажить которое умѣли только они одни. Конечно, они признавали, что государю нужны обученные спеціалисты для счета и регистраціи, для изготовленія грамотъ и указовъ, для руководства инженерными работами, нужны юристы, богословы, механики, землемѣры и т. д. Но вѣдь это—простые исполнители высочайшей воли. Правда, есть еще одинъ разрядъ людей умственнаго труда—ученые, изобрѣтатели, художники, которые иногда способны украшать царскій престолъ, а иногда отдаются непозволительнымъ мечтамъ. Къ этой культурной породѣ человѣческой самодержцы относились свысока и насмѣшливо, прозвали ее идеологами, изрѣдка удостоивали своего великодушнаго покровительства.

Они не хотѣли видѣть того, что вся жизнь страны, всѣ техническія сооруженія, вся система кормленія народа, всѣ красивые праздники, весь аппаратъ власти—все сочинено, обдумано и проведено въ жизнь усиліями многихъ поколѣній интеллигенціи. Всмотрѣвшись и вдумавшись въ истинное положеніе вещей, вы скажете, что Хаммураби, Цезарь, Иванъ Грозный и Наполеонъ, съ кѣмъ бы они себя ни сравнивали, хоть съ самимъ солнцемъ, все же составляютъ не что иное, какъ едва замѣтный шпицъ или завитокъ наверху зданія, тогда какъ самъ великій государ-

ственный дворецъ выстроенъ силами искусства и науки. Истинные основатели и руководители грандіознаго общественнаго цѣлаго—безвѣстные интеллигентные люди, а гордый властитель, напротивъ,—игрушка, декорація, блестящая вывѣска. Однако, надо признать въ то же самое время, что интеллигенція въ самодержавномъ государствѣ глубоко развращена и разстроена. Взявъ ее на свою службу, монархія овладѣла ея волей, отняла ея самобытность, отравила ея душу. Вѣдь, именно, въ этой средѣ полнаго безправія появляется опасливое приниженное ученіе о непротивленію злу. Вѣдь, именно, въ самодержавномъ государствѣ духовные пастыри учатъ: «нѣтъ иной власти, кромѣ какъ отъ Бога; повинуйтесь безропотно всякому, хотя бы и дурному правителю».

Обратимся къ другой общественной средѣ, гдѣ государь—самъ народъ. Выберемъ для примѣра аѳинскую республику, опять-таки не случайно, а потому, что изъ всѣхъ демократій міра она была самой тонкой и развитой, въ своемъ родѣ самой совершенной.

Замѣтимъ, что небольшой кантонъ господствуетъ надъ половиной Греціи, приблизительно 20.000 гражданъ надъ 2 или 3 милліонами. Этотъ политическій успѣхъ въ значительной мѣрѣ объясняется удивительной конституціей Аѳинъ. Свобода слова, строгая провѣрка всѣхъ выборовъ, отчетность во всѣхъ расходахъ, публичное обсужденіе важныхъ вопросовъ государственной жизни—вотъ характерныя черты воинской конституціи. Особенно любопытенъ для насъ двойной демократическій контроль аѳинской политической жизни. Здѣсь есть парламентъ, ежегодно переизбираемый и очень равномѣрно представляющій интересы населенія. Но этого мало. Помимо собранія депутатовъ созывается часто весь народъ; происходитъ то, что на современномъ политическомъ языкѣ называется референдумъ, опросъ поголовный. Народъ однако не ограничивался простымъ «да» или «нѣтъ», какъ въ демократіяхъ нынѣшней Европы и Америки. Всѣ вопросы разбирались еще разъ по существу. Именно, для этого всенароднаго обсужденія готовились лучшіе ораторы, проводили безсонныя ночи въ выработкѣ рѣчей, учились декламаціи у сценическихъ артистовъ, от-

тачивали великолѣпный стиль, заостряли ядовитыя стрѣлы на уничтоженіе противниковъ.

Не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы эти учрежденія выросли какъ-то стихійно изъ народнаго сознанія. Они имѣютъ опредѣленныхъ творцовъ и направителей, можно сказать увѣренно—«просвѣтителей народа». Геніальные политическіе учителя внушили толпѣ высокое понятіе о народномъ достоинствѣ, о разумности республиканскаго строя. До насъ дошли любопытнѣйшіе отрывки политической проповѣди того времени. Я разумѣю то, что слышали аѳинскіе граждане съ подмостковъ театра, а вѣдь въ Аѳинахъ театръ былъ и эстетической школой, и церковной каѳедрой, и научнымъ институтомъ.

«Въ нашемъ государствѣ, говоритъ одинъ изъ персонажей драмы, нѣтъ господина надъ землей и людьми; оно свободно; здѣсь царствуетъ народъ, смѣняя ежегодно должностныхъ лицъ и равняя богатыхъ и бѣдныхъ въ правахъ. Судъ не лицепріятствуетъ сильному, напротивъ, слабый можетъ выступать обвинителемъ сильнаго. Главный признакъ свободы, это—право каждаго гражданина выражать открыто и безпрепятственно свои взгляды. Тамъ, гдѣ народъ властелинъ земли, тамъ берегутъ цвѣтъ молодежи, тамъ всякому хочется работать и копить богатства. Тамъ знаютъ, что и бѣдный человѣкъ, сумѣвшій развить себя искусствомъ и наукой, хотя бы онъ трудился въ полѣ или былъ занятъ ремесломъ, можетъ стать полезнымъ для общества».

Просвѣтители подумали и о томъ, чтобы дать возможность небогатому человѣку развить себя искусствомъ и наукой. Они сдѣлали театръ общедоступнымъ во всѣхъ смыслахъ этого слова; ни въ одномъ обществѣ вплоть до нашего демократическаго вѣка не было ничего подобнаго. Посмотримъ теперь, какъ пользовались просвѣтители общенародной трибуной. Вы увидите здѣсь весь блескъ ихъ дарованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опасныя стороны ихъ генія.

Вотъ, напримѣръ, пьеса Эсхила «Прометей». Трагедія построена на томъ, что великій человѣкъ (Прометей) закованъ въ цѣпи верховнымъ богомъ и подвергается пыткамъ и мукамъ. За что онъ терпитъ страданія? Вина его только въ томъ, что онъ «безконечно любитъ несчастный

родъ людской». У Прометея нѣтъ никакой внѣшней мощи, никакихъ волшебныхъ силъ. Но онъ геніально прозорливъ и изобрѣтателенъ; онъ поднялъ пригнетенное къ землѣ тупое и безпомощное двуногое животное и сдѣлалъ его человѣкомъ, вдохнулъ въ него сознаніе и разумъ, открылъ ему всѣ тайны техники, науки и искусства. Иначе говоря, Прометей и есть культурная сила и творчество человѣка. Гордый подъемъ человѣческаго духа составляетъ вину въ глазахъ боговъ, владыкъ міра: они мучатъ и гонятъ человѣка, ввергаютъ его въ адъ за одно только «познаніе добра и зла».

Вы видите, что это—тотъ самый вопросъ, который рѣшается на первой страницѣ книги Бытія. Но въ Библіи выводъ сдѣланъ робкій и для человѣка обидный. За жажду знанія онъ лишенъ райскаго блаженства. Въ Библіи мораль выводили педагоги консервативной складки, которые вообще не желали давать просторъ уму, а напротивъ хотѣли соблюсти покорность стада человѣческаго. Иначе разсуждаетъ драматургъ-пророкъ, выступающій въ свободной республиканской средѣ. Въ его глазахъ, когда человѣкъ сталкивается съ божествомъ, т.-е. слѣпой природой, правда на сторонѣ человѣка. Въ Прометеѣ горитъ независимый гордый духъ яснаго сознанія. Онъ носитъ въ себѣ самомъ законъ справедливости и въ торжествующихъ богахъ не хочетъ признавать разумныхъ міроправителей.

Дерзновенный замыселъ Эсхила не нравится другому драматургу, болѣе благочестивому, Софоклу. Онъ хочетъ по иному рѣшить страшный, проклятый вопросъ о томъ, есть ли въ мірѣ правда и справедливое воздаяніе, есть ли торжество чистой души. Онъ выбираетъ старинный миѳъ объ Эдипѣ-несчастномъ и претворяетъ его въ такую драму. Человѣкъ идеальныхъ помысловъ, самоотверженной энергіи оказался невольнымъ преступникомъ, совершившимъ самые тяжкіе грѣхи. Изгнанный изъ родной страны, обратившійся въ нищаго, ослѣпившій себя въ отчаяніи, онъ идетъ на чужбину умирать. И вотъ теперь то, истерзанный муками онъ становится святымъ и приноситъ благословеніе странѣ, пріютившей его могилу. Софоклу кажется, что найдено примиреніе между божествомъ и человѣкомъ. Онъ хочетъ сказать: «нѣтъ, вы не одиноки въ мірѣ, есть Божествен-

ный Промыселъ, но пути Его неисповѣдимы и передъ ихъ тайной надо покориться».

Просвѣтитель третьяго поколѣнія, Эврипидъ, вовсе не желаетъ беречь религію и проповѣдовать утѣшеніе. Пусть люди посмотрятъ безстрашно въ глаза истинѣ. Чтобы представить наглядно зіяющую бездну, онъ пишетъ пьесу, въ которой главная роль дана герою Беллерофонту, сверхчеловѣку, пытающемуся на крылатомъ конѣ штурмовать небесный престолъ. Эврипидъ изображаетъ его борцомъ за права людей; герой хочетъ притянуть боговъ къ отвѣту за ихъ правленіе. Горько упрекаетъ онъ ихъ за то, что они даютъ счастье и удачу жестокимъ и вѣроломнымъ царямъ, а въ то же время бросаютъ безъ помощи благочестивыя республики, гибнущія отъ руки злодѣевъ. «И послѣ этого говорятъ, что на небѣ есть боги! Ихъ нѣтъ тамъ, ихъ нѣтъ, если только люди не хотятъ безумно вѣрить старымъ сказкамъ!»

Когда мы представимъ себѣ, что эта атеистическая драма была разыграна передъ широкой народной массой, у насъ невольно закрадывается мысль, не зашелъ ли просвѣтитель слишкомъ далеко, не ошибся ли онъ относительно своей аудиторіи? Онъ, конечно, хотѣлъ освободить умы отъ страха передъ невѣдомыми силами, онъ ставилъ себѣ цѣлью борьбу съ суевѣріемъ, съ предразсудкомъ. Но не забылъ ли онъ, что взамѣнъ разрушаемой идеи Божества, какъ начала правды и справедливости, надо найти въ самихъ людяхъ основу правильной крѣпкой воли? Не поспѣшилъ ли онъ, разрушая старую вѣру, провозгласить анархію? И, наконецъ: подумалъ ли онъ, что масса все равно не пойметъ его урока, не захочетъ принять предлагаемую свободу и, вмѣсто одныхъ разбитыхъ идоловъ, немедленно воздвигнетъ себѣ другіе?

Все это очень скоро и случилось въ Аѳинахъ, и сами просвѣтители испытали на себѣ горькія послѣдствія своей ошибки. Кризисъ наступилъ такъ же, какъ у насъ, во время жестокой войны. Такъ же, какъ въ наше время, война внѣшняя повела къ ожесточенію классовъ, къ внутренней борьбѣ, еще болѣе озлобленной, истребительной и безсмысленной, чѣмъ была война международная. Голодъ,

чума, смерть во всѣхъ видахъ, разореніе массъ, случайное обогащеніе дурныхъ, часто преступныхъ элементовъ вызвало отчаяніе въ народѣ. Произошло дѣйствительно крушеніе старой вѣры; но оно приняло формы, неожиданныя для просвѣтителей. Съ одной стороны, появились ревностные ихъ ученики, разрушавшіе древнія святыни, иконоборцы, громившіе старинные кумиры. Съ другой—масса бросилась на поклоненіе новымъ неизвѣданнымъ божествамъ, стала призывать новыхъ спасителей.

Обратившись въ искателей небеснаго самодержавія, толпа обрушилась на просвѣтителей, какъ будто бы они были виноваты въ несчастіяхъ, постигшихъ родъ человѣскій. Начался безпощадный дикій судъ, преслѣдованіе мнѣній и вѣрованій, настоящая инквизиція, гдѣ писателей, художниковъ, ученыхъ судили какъ колдуновъ, опасныхъ для общежитія. А вмѣстѣ съ тѣмъ стало развиваться и другое явленіе, обидное и тяжелое для людей ума и знанія: чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе ихъ интересы расходились съ требованіями и вкусами массы. Представители интеллигенціи обижались на то, что народъ не цѣнитъ ихъ образованія и выучки, ихъ порядочности и добросовѣстности, прирожденнаго имъ чувства чести и пріобрѣтеннаго ими знанія. Въ свою очередь народъ подозрѣваетъ у нихъ классовую замкнутость, желаніе съ ихъ стороны закабалить простолюдиновъ. Появилось и словечко «порядочные люди», которымъ перекидывались въ родѣ того, какъ сейчасъ это происходитъ съ именемъ «буржуазіи». Интеллигенція гордилась названіемъ «порядочныхъ людей», разумѣя подъ этимъ воспитанность, методическую выучку, чувсто чести; народъ примѣнялъ его какъ бранное слово. Интеллигенція негодовала, что ея услуги отстраняются, а въ народѣ появилась какая-то увѣренность въ ненужности и чуть ли не зловредности науки. Одинъ ораторъ, желая польстить народу, далъ этому новому взгляду такое своеобразное выраженіе. «Вы, граждане, привыкли слушать длинныя рѣчи и хитросплетенныя разсужденія; вы преувеличиваете ихъ значеніе. А я вамъ скажу, что необразованность имѣетъ свои преимущества. Простолюдинъ скорѣе найдетъ въ себѣ самообладаніе, чѣмъ развитой умъ, который имѣетъ на-

клонность все критиковать и не любитъ подчиняться дисциплинѣ. Поэтому въ сущности государствомъ лучше правятъ простые люди, чѣмъ умники». Не подумайте, пожалуйста, что я ошибся и привелъ вамъ выраженіе изъ рѣчи, лишь вчера произнесенной въ Москвѣ или въ Петроградѣ. Нѣтъ, эти слова сказаны слишкомъ 2300 лѣтъ назадъ.

Теперь, когда толпа вырвалась на волю и успѣла разувѣриться въ своихъ вождяхъ, теперь интеллигентные люди спохватились, что надо было въ свое время воспитать массу, внушить ей добрыя чувства, честные помыслы, умѣнье сдерживать порывы. Но уже поздно. Соль перестали считать соленой или она сама стала портиться. Во всякомъ случаѣ, люди умственнаго труда чувствуютъ свою безполезность, свою ненужность и частью негодуютъ, частью приходятъ въ отчаяніе.

Одни начинаютъ увѣрять, что наука, поэтическое вдохновеніе, возвышенное краснорѣчіе недоступны народу; эти тонкія дарованія могутъ встрѣтить пониманіе только у могущественнаго просвѣщеннаго монарха. Разочаровавшись въ демократіи, они вспоминаютъ, какъ въ свое время интеллигенція служила у блистательныхъ царей востока. Другіе начинаютъ сомнѣваться въ благахъ культуры вообще. Вотъ, напримѣръ, киники, которыхъ можно назвать анархистами древняго міра. Они протестуютъ не только противъ всѣхъ формъ собственности и пріобрѣтенія, но больше того, противъ труда, противъ всякаго систематическаго приложенія энергіи.

Среди кризиса замѣчается еще одна любопытная черта. Оттѣсненные отъ дѣла, многіе интеллигентные люди съ особеннымъ рвеніемъ бросаются на отвлеченные вопросы, богословскіе и метафизическіе. Въ обществѣ оказывается видимо-невидимо философовъ, занятыхъ выработкой міросозерцанія. Такой странный наклонъ вкусовъ показываетъ, что образовался излишекъ интеллектуальныхъ профессій. Очевидно, въ эту среду устремились натуры лѣнивыя, идиллическія, наклонныя къ жизни созерцательной. Очень явственно обнаруживается перепроизводство интеллигенціи въ видѣ упадочниковъ, которые возводятъ свою неприлаженность, свою неспособность къ труду въ святой прин-

ципъ. Они не умѣютъ пользоваться матеріей, красками полнотой сущаго, они потеряли вкусъ къ богатствамъ и чудесамъ внѣшняго міра, которыя раньше доставляли человѣку столько радости. Нерѣдко ихъ безпомощность претворяется въ злое отрицаніе физической природы, какъ темнаго грѣховнаго начала, въ жестокую боязнь всего плотскаго. Неспособные болѣе къ прежнему подъему чувствъ и напряженію энергіи, они клянутъ все тѣлесное, да ужъ за-разъ и $^{99}/_{100}$ всѣхъ психическихъ переживаній, оставляя подъ именемъ «чистаго духа» въ концѣ-концовъ только одинъ принципъ отрицанія. Изголодавшіеся и озлобленные, бывшіе люди умственнаго труда обращаются, наконецъ, въ нигилистовъ, крушителей всѣхъ цѣнностей жизни. Часть интеллигенціи въ общемъ упадкѣ сама опускается какъ будто бы на дно.

Древній міръ зналъ всѣ эти формы гніенія соли земной, все, что насъ сейчасъ окружаетъ. Онъ зналъ не только анархизмъ, но и то направленіе организованнаго варварства, которое мы видимъ у власти въ данную минуту. Тѣ бродяги и аскеты, преступники и сумасшедшіе, фанатики и бездѣльники, которые, подъ видомъ борьбы съ язычествомъ, разрушали старыя художественныя сооруженія, жгли храмы и библіотеки, весьма близки по настроенію къ тѣмъ, кто сейчасъ господствуетъ надъ обществомъ. Та же самая жажда разрушенія прикрывалась другими словами, другими знаменами. Но понятіе «язычества» было также растяжимо, также условно, имъ такъ же злоупотребляли, какъ терминомъ «буржуазности», «буржуазной культуры». Подъ эту кличку попадала вся культура вообще.

И для эпохи паденія древняго міра, и для нашего времени надо различать въ разрушительномъ движеніи два слоя: слѣпую массу и ослѣпленныхъ вождей. Ихъ встрѣча—печальная случайность; въ своемъ прошломъ тѣ и другіе не имѣютъ ничего общаго. Вожди нисколько не выражаютъ настроенія народа. Нѣтъ, въ самой болѣзни, которой они поражены, въ самомъ безуміи опустошенной души можно узнать нравственно погибающую, урѣзанную въ своемъ умственномъ обликѣ интеллигенцію.

II.

Мы разсматривали два типа общества, очень непохожихъ другъ на друга, — монархическій и демократическій. Въ нашемъ отечествѣ исторія устроила встрѣчу обоихъ типовъ, и при томъ въ размѣрахъ небывалыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ не было столь укоренившихся пріемовъ восточнаго произвола, канцелярскаго управленія, крѣпостного права. Нигдѣ не создалось такой забитости массы, такого неумѣнья людей организовать собственныя дѣла и въ то же время такой привычки ожидать спасенья свыше. Это— съ одной стороны, а съ другой: громадное поле народнаго разселенія, великолѣпный матеріалъ для демократіи. Я не знаю общества во всей исторіи человѣчества, которое было бы въ такой мѣрѣ проникнуто идеями равенства, гдѣ бы въ такой степени отсутствовалъ аристократизмъ, сословныя и чиновныя чувства. Я не знаю общества, гдѣ бы люди разныхъ званій, профессій и состояній могли такъ легко сходиться и такъ легко понимать другъ друга.

По существу нашей природы мы рождены для демократической республики, для автономіи, для народной самодѣятельности. Всей нашей исторіей мы воспитывались для самодержавія, для раздробленія общества, для распыленія народа. Въ характерѣ нашей интеллигенціи соединились два рода недостатковъ: и тѣ, которые создаетъ самодержавная среда, и тѣ, которые выростаютъ изъ условій демократическаго быта. Она стала оторванной отъ жизни, склонной къ идилліямъ, къ созерцательному ожиданію, и она же выработала наклонность къ безграничному критицизму, къ рѣзкимъ безпощаднымъ теоріямъ.

Обратите вниманіе на то, какое глубокое воздѣйствіе оказало самодержавіе на интеллигенцію. Монархія старалась забрать всѣ умственныя силы страны на свою службу, использовать всѣ интеллектуальные таланты и превратить ихъ въ орудія и колеса государственной машины. Самодержавіе нигдѣ такъ долго не зажилось, какъ въ Россіи. Но нигдѣ оно и не достигло такого необычайнаго, неслыханнаго искусства въ устроеніи своихъ средствъ, а, главное, въ развращеніи интеллигенціи. Подъ конецъ своего существованія оно, можно сказать, перехитрило революцію: заим-

ствовало у нея пріемы заговора и пропаганды и забросило въ ряды ея сторонниковъ заразу максимализма, неограниченныхъ желаній и непомѣрныхъ требованій. И вотъ въ результатѣ люди, изъ подполья внезапно вознесенные на вершину власти, ломаютъ себѣ голову надъ разрѣшеніемъ соціальныхъ проблемъ, которыя имъ любезно подбросили въ свое время полицейскіе мефистофели; и по прежнему считается соціализмомъ та смѣсь фантазіи и злорадной разрушительности, которую придумали давно скрывшіеся предательскіе товарищи.

Этотъ, можно сказать, посмертный успѣхъ самодержавія показываетъ, какъ глубоко и сильно было его дѣйствіе раньше. Оно давно вносило въ среду интеллигенціи сѣмена раскола, и теперь мы присутствуемъ при зрѣлищѣ великаго раздѣленія въ ея рядахъ. Вѣдь тѣ, кто называетъ себя представителями пролетарскаго міровоззрѣнія, составляютъ такую же группу въ обширномъ составѣ интеллигенціи, какъ и всякій другой оттѣнокъ той же среды. Всѣ ихъ манифесты, всѣ нервически спѣшно издаваемые декреты, вся ихъ терминологія насквозь проникнуты духомъ спертой замкнутой школы, я бы сказалъ больше— темнаго монастыря; обитатели этой умственной тюрьмы давно отвыкли отъ свѣта, забыли очертанія живыхъ тѣлъ и матеріальныхъ предметовъ и возятся только съ продуктами своего воспаленнаго мозга, которые мучатъ ихъ самихъ, точно привидѣнія.

Не станемъ себя однако утѣшать зрѣлищемъ этой глухоты и слѣпоты противниковъ. И не только потому, что наше злорадство ничему не поможетъ на практикѣ. Нѣтъ еще потому, что наши противники принадлежатъ къ тому же общественному классу, что и мы. Они то же соль земли, потерявшая силу. Они должны намъ служить зеркаломъ. Глядя на нихъ, мы должны прежде всего почувствовать, что и мы причастны тѣмъ же недостаткамъ, что и мы совершали такіе же промахи и ошибки.

Одна изъ этихъ ошибокъ—увлеченіе сплошными общими теоріями самаго отвлеченнаго свойства, великолѣпными картинами будущаго соціальнаго рая. Наша мечтательность наглядно сказалась еще совсѣмъ недавно. Что мы разви-

вали въ брошюрахъ, на лекціяхъ, урокахъ, бесѣдахъ и митингахъ? Мы говорили о разныхъ видахъ соціализма, очень тонко различали его оттѣнки, выучили всѣ его даты, знали отличіе Луи Блана отъ Прудона, и Лассаля отъ Маркса. Мы говорили о справедливомъ, идеальномъ раздѣленіи земли. Мы говорили о правахъ національностей. Мы съ восторгомъ и до безконечности развивали идею автономіи.

Все это были красивые чертежи, упражненія въ философскихъ рисункахъ, все это было чистое богословіе, блестящій и совершенно безплодный академизмъ. А много ли мы успѣли сказать о будничной жизни народнаго хозяйства, о значеніи фабрики для деревни и деревни для фабрики, о техникѣ добыванія и техникѣ обмѣна, о путяхъ сообщенія, кредитѣ, банкахъ, сбереженіяхъ и т. д.? Мы говорили о будущемъ правѣ прекраснаго далека и стыдились или боялись упоминать о нынѣшнемъ существующемъ правѣ, о реальныхъ правахъ, привычкахъ и привязанностяхъ людей.

Мы стремительно неслись по верхамъ исторіи предстоящихъ вѣковъ, мы дѣлали въ умѣ смѣлый скачокъ къ земному раю, объявляли войну всѣмъ реальнымъ препятствіямъ и забывали, что эти препятствія и составляютъ ежедневный бытъ людей, ихъ приверженность къ землѣ, ихъ любовь къ своему творчеству, къ своему искусству, своей заслугѣ, своей сбереженной собственности, своей тѣсной семейной, товарищеской, племенной средѣ.

Мы слишкомъ много говорили о братствѣ, международности, широкихъ классовыхъ интересахъ, о всемъ человѣчествѣ, не сознавая, что эти возвышенныя, глубокомудрыя созданія нашего философскаго досуга безплотны и развѣваются, какъ дымъ. Въ погонѣ за далекимъ, мы забыли цѣнить и беречь близкое, и вотъ, въ результатѣ всего, мы оказались не народомъ, а кучей случайно сбитыхъ вмѣстѣ людей, не обществомъ, исторически сложившимся, а разрозненными, растерявшимися человѣческими единицами.

Да мы теперь это ясно видимъ. Но есть ли цѣна въ покаяніи, если не видно путей исправленія? Стоитъ ли констатировать гніеніе жизнетворной силы, если не знаешь средствъ для ея возстановленія? Однако, такъ ли ужъ безнадежно положеніе?—Я очень много говорилъ о недостаткахъ

интеллигенціи. Позвольте же сказать нѣсколько словъ о ея хорошихъ качествахъ, о ея здоровыхъ, неисчерпаемыхъ силахъ.

Конечно, въ извѣстные моменты интеллигенція выдѣляетъ особенно много упадочныхъ, лѣнивыхъ элементовъ, можно сказать, кишитъ «лишними людьми». Конечно, она по временамъ педантически повторяетъ какую-нибудь безжизненную схоластику, въ родѣ теоріи классовой борьбы, и вертится въ безнадежномъ кругу ею же сочиненныхъ софизмовъ. Но при всемъ томъ, несмотря на исключенія и отклоненія, она образуетъ великолѣпный рабочій классъ, она, правду говоря, и есть рабочій классъ по преимуществу.

Вѣдь это именно люди ума и знанія, школы и техники знаютъ настоящій трудъ, направленный къ опредѣленной цѣли, трудъ терпѣливый и упорный. Они одни знаютъ трудъ непрерывный, трудъ безъ отдыха, безъ праздниковъ. И это они выработали понятіе труда, какъ долга, труда, какъ украшенія, какъ достоинства человѣка.

Эти качества даютъ интеллигенціи неоцѣненное преимущество въ нынѣшній моментъ глубокаго разстройства народной жизни. Самое характерное и тяжкое явленіе современности есть реакція стихійной лѣности, бродяжничества, неохоты къ планомѣрному труду и къ настойчивой защитѣ своего права. Напрасно думать и надѣяться, что пролетаріатъ самъ образумится, самъ остановится въ охватившей его страсти разрушенія и захвата.

Помочь рабочему классу въ преодолѣніи этой болѣзни способна только интеллигенція. Ей придется теперь самой, для спасенія своего существованія, итти на низшіе виды работы, на ремесла, на физическій трудъ. Это—тяжело, но вмѣстѣ съ тѣмъ и благотворно, какъ для самой интеллигенціи, такъ и для рабочихъ.

Придется во всемъ начинать съ начала: не только погрузиться въ грубые и механическіе пріемы труда, но также заняться выработкой союзныхъ, товарищескихъ началъ въ то время, какъ интеллигенція слишкомъ привыкла дѣлиться на секты и злобиться изъ-за отвлеченныхъ разногласій. Во всемъ этомъ люди ума и знанія дадутъ примѣръ настойчивости и системы, привлекутъ рабочихъ на свою сторону пропагандой живого дѣла, помогутъ имъ очнуться и при-

няться за строительство жизни, помогутъ имъ отдѣлаться отъ навязчивой бредовой идеи борьбы классовъ.

Вы можете мнѣ сказать, что мы встрѣтились съ явленіемъ, въ исторіи совершенно небывалымъ, не имѣющимъ аналогіи: въ человѣческомъ обществѣ не было опыта подобнаго рода, а, слѣдовательно, исходъ такой попытки представляется весьма сомнительнымъ. Признаться, я долго не могъ отыскать подходящей параллели. Но потомъ, роясь въ своей исторической памяти, я нашелъ одну страницу изъ старой книжки, которую мы переводили еще въ школѣ. Это небольшой, на первый взглядъ незначущій разсказъ изъ Воспоминаній Ксенофонта о Сократѣ. Перечитавши его, я поразился сходствомъ съ тѣми явленіями, которыя мы теперь переживаемъ, хотя между нами и той эпохой лежатъ почти $2^1/_2$ тысячелѣтія. Позвольте привести отрывокъ съ небольшими сокращеніями.

Въ Греціи только-что прошумѣла долгая разорительная Пелопонесская война, окончившаяся капитуляціей Аѳинъ и разрушеніемъ аѳинской державы; потомъ за внѣшней катастрофой послѣдовала гражданская война. Встрѣчаются двое знакомыхъ, Аристархъ и Сократъ, и между ними завязывается разговоръ.

Сократъ: Отчего ты, Аристархъ, въ дурномъ настроеніи? Ты бы лучше подѣлился съ друзьями своимъ горемъ, а мы поможемъ, сколько въ нашихъ силахъ.

Аристархъ: Въ большомъ я затрудненіи, Сократъ. Съ тѣхъ поръ какъ послѣднее возстаніе заставило многихъ гражданъ бѣжать изъ столицы, ко мнѣ устремились покинутыя мои родственницы, сестры, кузины и племянницы, такъ что въ домѣ 14 душъ господскаго званія. Съ земли мы уже больше ничего не получаемъ, такъ какъ она въ рукахъ враговъ; нѣтъ дохода и отъ домовъ, потому что въ городѣ населеніе сильно порѣдѣло. Мебели никто не хочетъ покупать; денегъ никто не даетъ въ займы, и я думаю, легче разсчитывать на случайную находку на дорогѣ, чѣмъ на возможность занять у кого-либо. Очень грустно, Сократъ, видѣть столько родственниковъ въ самомъ жалкомъ положеніи. А что будешь дѣлать? Какъ ихъ всѣхъ прокормить при подобныхъ условіяхъ?

Сократъ: А какъ же твой знакомецъ Керамонъ кормитъ такъ много народу, не только доставляетъ имъ нужные припасы, но еще дѣлаетъ сбереженія и богатѣетъ, а ты боишься погибнуть отъ нужды съ той оравой, которая тебѣ досталась?

Аристархъ: Да вѣдь онъ кормитъ рабочихъ, а у меня люди, получившіе хорошее воспитаніе.

Сократъ: Такъ. Но позволь, вѣдь рабочіе, это—тѣ, кто умѣетъ изготовлять предметы, необходимые въ жизни?—Да, конечно.—Т.-е., напр., муку молоть? Печь хлѣба? Шить плащи, рубахи, платья? Что же, твои родственницы не сумѣютъ ничего этого сдѣлать?

Если онѣ получили хорошее воспитаніе, значитъ ли это, что онѣ способны только кушать и спать? Скажи, пожалуйста, изъ лицъ, получившихъ хорошее воспитеніе, кто болѣе счастливъ, тѣ ли, кто живетъ въ праздности, или тѣ, кто отдается полезнымъ занятіямъ? Неужели ты будешь увѣрять, что бездѣятельность и изнѣженность лучше помогутъ изучить то, что надо знать, удержать въ памяти то, чему научился, сохранить здоровье, укрѣпить тѣло, обезпечить себѣ достатокъ? И что, напротивъ, трудъ, приложеніе рукъ къ дѣлу ни къ чему не послужатъ? И неужели учились твои родственницы для того только, чтобы знать и умѣть вещи безполезныя, непримѣнимыя въ жизни?

Аристархъ слѣдуетъ совѣту Сократа, заводитъ мастерскую для изготовленія шерстяного платья и присаживаетъ всѣхъ своихъ литературно и художественно воспитанныхъ родственницъ за ремесло. Онъ потомъ съ восторгомъ передаетъ Сократу, какъ поправились его дѣла, какъ онъ нашелъ кредитъ, какъ быстро расширилось его предпріятіе. Но всего отраднѣе то, что въ домѣ произошло нравственное перерожденіе. Аристархъ разсказываетъ, какъ вся компанія, прежде вѣчно недовольная и брюзжащая, безтолково сновавшая и перекорявшаяся, теперь складно и увѣренно работаетъ, вкусно обѣдаетъ, весело и спокойно отдыхаетъ. «Теперь, Сократъ, въ домѣ только одинъ человѣкъ и есть, на котораго всѣ обрушиваются, это—я; говорятъ, что я одинъ только ѣмъ и не работаю».

Сократъ даетъ Аристарху шутливый совѣтъ. «А ты разскажи имъ басню про овецъ и собаку. Овцы жалова-

лись хозяину, что ихъ онъ посылаетъ на подножный кормъ, хотя получаетъ съ нихъ все свое богатство—и шерсть, и сыръ, и ягнятъ, а собакѣ, которая ничего не дѣлаетъ и не приноситъ дохода, хозяинъ выдѣляетъ изъ собственнаго довольствія. А собака-то все это слушала и сказала: «вы забыли, что я васъ охраняю, а то вы бы сдѣлались добычею волковъ или грабителей; безъ меня вамъ бы и не выйти на свой подножный кормъ».

Все это разсказано въ анекдотическомъ тонѣ, потому что Ксенофонтъ вообще писатель не очень глубокій. Но ему пришлось отмѣтить фактъ, необычайно важный и серьезный въ народной жизни. Въ свою очередь не чувствуете ли вы, что тотъ же крупнѣйшій фактъ повторяется въ современности и даже по временамъ съ тѣми же анекдотическими чертами? А этотъ фактъ—обращеніе интеллигенціи къ ремесленному труду, къ практической техникѣ, обращеніе, которое можетъ спасти вообще промышленную жизнь въ странѣ, а съ нею вмѣстѣ работу и культуру.

Приходится слышать страхи, что интеллигенція, вынужденная отдаться тяжелому физическому труду, можетъ потерять духовную мощь и вліяніе, что растворившись въ рабочей массѣ, она перестанетъ быть самой собою. Я этихъ страховъ не раздѣляю, потому что вѣрю въ наслѣдственность. Я вѣрю, что качества, переданныя намъ отъ предковъ и предшественниковъ нашихъ, составляютъ нѣчто неистребимое и долговѣчное. А эта наслѣдственность для насъ благопріятна. Интеллигенція образовалась изъ представителей всѣхъ классовъ, и притомъ изъ наиболѣе предпріимчивыхъ, упорныхъ волей, настойчивыхъ энергіей, богатыхъ фантазіей. Она составляетъ отборъ различныхъ слоевъ общества, соединенный нѣкоторыми общими чертами, изобрѣтательностью, привычкой къ стройной работѣ, умѣніемъ хранить опытъ прежнихъ поколѣній.

Это вѣдь и есть тѣ качества, на которыхъ строилось и которыми жило, держалось общество. Пока они не исчезли въ интеллигенціи,—не погибло и общество, не погибъ и народъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ СЕЛЬСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

А. А. ЗУБРИЛИНЪ. Современныя условія крестьянскаго хозяйства и травосѣяніе. Изд. 3-е.
— Земледѣльческія орудія и машины, и способы ихъ распространенія среди крестьянъ. Изд. 4-е.
— Какую пользу приноситъ травосѣяніе и какъ оно устраивается на крестьянскихъ земляхъ. Изд. 10-е.
— Какъ улучшить крестьянское хозяйство. Изд. 5-е.
— Какъ получать большіе урожаи хлѣбовъ при недостаткѣ навоза. Изд. 7-е.
— Ленъ и обработка его на волокно. Изд. 3-е.
— Улучшенная обработка земли и избытокъ зеленаго корма.
— Основы земледѣлія. Растеніе. Почва. Изд. 2-е.
— Что такое правильное хозяйство. Изд. 2-е.
— Вмѣсто навоза—деньги, или выгодный сбытъ молока.
— Улучшеніе посѣвныхъ сѣмянъ и рядовой посѣвъ.

Н. И. КИЧУНОВЪ. Краткое руководство по плодоводству. Разведеніе и культура плодовыхъ деревьевъ и ягодныхъ растеній.

